63.3(2)52
К84
63.3(2)-281

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Э.Э.КРУЗЕ

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В 1900-1914 ГОДАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории рабочего класса России — испытанного революционного авангарда, создателя материальных ценностей — является важнейшей и актуальнейшей задачей социально-экономических исследований. В наши дни особенно актуальной эта проблема становится в связи с международным рабочим движением, когда буржуазные «советологи» и идеологические оруженосцы империализма всячески пытаются извратить правду о положении российского пролетариата, его участии в революционном движении под руководством ленинской партии.

Целью настоящей книги является рассмотрение таких важных сторон положения рабочих России в период империализма, как условия их труда и быта. Она тесно связана и как бы является продолжением вышедшей в 1976 г. в свет монографии автора «Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг.», в которой рассматривались такие главные стороны положения рабочих, как уровень заработной платы и продолжительность рабочего дня.

Из ленинского идейного наследия видно, какое большое значение В. И. Ленин придавал разработке не только ближайших политических задач РСДРП, но и основных экономических требований пролетариата. Разработка их производилась В. И. Лениным на основе таких основополагающих трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Положение рабочего класса в Англии», «К жилищному вопросу» и др., тщательном изучении изложенных в них проблем положения рабочего класса.[1] Глубокая теоретическая разработка экономических требований пролетариата нашла применение не только в трудах В. И. Ленина, но и в конкретном руководстве марксистской партией массовым революционным движением в России. В. И. Ленин при участии других членов редакции «Искры» разработал раздел об охране труда, который затем лег

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, 4, 18, 23, 24, 25, ч. I и II.

в основу принятой на II съезде РСДРП программы-минимум рабочего класса.[2]

Главным методологическим руководством при написании книги служили труды К. Маркса, Ф Энгельса и В. И. Ленина. Ленинские положения об охране труда имели своей целью охрану рабочего класса от физического и нравственного вырождения, организацию пролетариата в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение.[3] Принятый на II съезде партии раздел Программы об охране труда и указанные в нем конкретные задачи следовало повседневно решать на буржуазно-демократическом этапе революции.

В. И. Ленин в своих сочинениях дал не только всесторонний анализ положения рабочих, но, как будет показано ниже, разъяснял и развивал отдельные положения Программы Российской социал-демократической рабочей партии, касающиеся проблем охраны труда, разработанные и сформулированные им еще за несколько лет до первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.

На примере стачечной борьбы передовых рабочих (металлистов и широкого слоя текстильщиков) В. И. Ленин в 1905 г. пришел к выводу о том, что «в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень».[4] Таким образом, широкие слои рабочих начинают втягиваться в движение, предъявляя экономические требования, и под влиянием политического движения передовых рабочих становятся активными борцами.

В отчете ЦК XXV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил: «Революционная борьба рабочего класса и всех трудящихся, вся практическая деятельность коммунистов со всей убедительностью показали незыблемость теоретических положений и принципов, выражающих суть марксизма-ленинизма».[5]

Не случайно вопросы положения рабочих являлись предметом постоянного обсуждения на различных внутриведомственных и более широких, междуведомственных совещаниях и не сходили с повестки дня различных съездов предпринимательских организаций и союзов. Предприниматели не скрывали, что положение рабочих в целом они считают причиной смут и волнений послед-

---

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 1, с. 64.

[3] Ленин В. И. Проект программы Российской с.-д. рабочей партии. — Полн. собр. соч., т. 6, с. 207 (1-е примеч.).

[4] Ленин В. И. О статистике стачек в России. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 399.

[5] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля—5 марта 1976 г. Стенографический отчет. М., 1976, I, с. 97.

него времени и, как отмечал председатель Петербургского общества фабрикантов и заводчиков С. П. Глезмер в письме к председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину 2 мая 1908 г., даже в фабрично-заводской промышленности «бытовые условия в последние годы неизбежно складывались не в пользу мирных отношений между работодателями и рабочими».[6]

Книга состоит из предисловия, двух глав и заключения.

В 1-й главе — «Условия труда рабочего класса России в 1900—1914 гг.» — проанализированы основные стороны названной проблемы: договоры о найме и правила внутреннего распорядка, условия производства и состояние охраны труда, размеры и рост производственного травматизма, состояние страхования рабочих в рассматриваемый период, оказание рабочим различных отраслей производства медицинской помощи, причем в книге по возможности рассматриваются условия труда не только фабрично-заводских, но и прочих категорий наемных рабочих России — сельскохозяйственных, транспортных, мелкой промышленности и т. д.

Во 2-й главе — «Условия быта рабочего класса России в 1900—1914 гг.» — главное внимание уделено рассмотрению таких главных сторон быта, как жилищные условия, питание и снабжение всех категорий наемных рабочих крупнейших промышленных районов.

По методу исследования 1-я и 2-я главы несколько отличаются друг от друга. Если основным методом исследования в 1-й главе служит статистико-экономический анализ, то во 2-й автор пользуется сравнительным методом, т. е. рассматриваются и сравниваются, например, жилищные условия рабочих Петербургского района, Центрального промышленного и Южного горнопромышленного районов, Урала и т. д.

Прежде чем перейти к характеристике источников и историографии, положенных в основу исследования условий труда и быта рабочих, напомним, что в России не было статистики труда и перед исследователями положения рабочего класса встают почти непреодолимые трудности.[7] Достаточно отметить, что рабочие находились в ведении многочисленных министерств и ведомств, многие из которых не имели даже представления о численности рабочих на подведомственных им предприятиях (например, Министерство императорского двора и уделов, Тюремное ведомство).[8]

---

[6] ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 500, 1908—1909. — Материалы по пересмотру закона 4 марта 1906 г. о союзах и обществах, л. 1.

[7] Кирьянов Ю. И. Источники о положении рабочего класса России (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977, с. 220—265.

[8] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 42; ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 26, д. 361, 1907. — Заключение совещания при кабинете его императорского величества по вопросу об обязательном страховании.

Источниковедческой основой монографии явились документы архивов СССР. Наиболее ценные материалы, освещающие условия труда и быта рабочего класса России, почерпнуты в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СССР): ф. 20 — Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, ф. 22 — Центральные учреждения по части торговли и промышленности, ф. 37 — Горный департамент, ф. 32 — Совет съездов представителей промышленности и торговли, ф. 150 — Общество заводчиков и фабрикантов и др. Неоценимое значение для раскрытия условий труда и быта рабочего класса России имеют документы, выявленные в Центральном государственном архиве (ЦГА г. Москвы), Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) и др.

Источниками изучения проблем условий труда и быта также явились и различные ведомственные издания, часто выходившие в свет в результате работы той или иной ведомственной комиссии. Назовем некоторые из них. Так, за нарушение статей «Устава о промышленности» (далее — Уст. о пром.) — правил о найме, закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев, и др. — на предпринимателей налагался штраф. По поводу такого штрафования издан специальный сборник, требующий отдельного рассмотрения.[9]

В 1913 г. Министерство торговли и промышленности издало труд о промышленном травматизме и охране труда в промышленности.[10] Такой же сборник издало в 1912 г. Министерство путей сообщения.[11]

Большое значение для изучения вопроса о страховании рабочих имеют издания Министерства торговли и промышленности и других ведомств на эту тему.[12]

Материалы об оказании врачебной помощи рабочим горных и горнозаводских предприятий в систематизированном виде по всем 63 горным округам страны впервые были составлены в 1904 г.[13]

---

[9] Сборник постановлений Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия за 1899—1914 гг. Пг., 1915.

[10] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним. Спб., 1913.

[11] Министерство путей сообщения. Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых железных дорог за 1910 г. СПб., 1912.

[12] Варзар В. Е. Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции, за трехлетие 1904—1906 гг. Спб., 1908; Сведения о расходах владельцев промышленных предприятий по вознаграждению, на основании закона 2 июня 1903 г., последствий несчастных случаев за 1904—1910 гг. Спб., 1913; Статистика служащих на железных дорогах, участников пенсионных и ссудо-сберегательных касс. Спб., 1907; Тигранов Г. Ф. Кассы горнорабочих. Спб., 1896.

[13] Врачебная помощь рабочим на горных заводах и промыслах. Сост. Тигранов и Гусятников. Спб., 1905.

В 1900 г. Министерством земледелия и государственных имуществ была создана комиссия под председательством члена Горного совета Штофа для обследования положения, в том числе условий труда и быта, горнорабочих Донецкого бассейна. Всесторонние сведения об условиях труда и быта рабочего класса России имеются в стенографических отчетах междуведомственных совещаний.[14]

Для раскрытия условий труда фабрично-заводских, горных и горнозаводских рабочих и характеристики рабочей политики царизма использованы законы и законодательные акты царизма по рабочему вопросу: «Полное собрание законов Российской империи», «Свод Законов» (в частности, «Устав о промышленности», 1893) и «Устав Горный» (1912),[15] «Собрание узаконений и распоряжений правительства» и др.

В «Сводах отчетов фабричных инспекторов» за рассматриваемый период помещались данные о нарушениях законов заведующими промышленных предприятий, штрафовании рабочих и размерах штрафных капиталов, пособиях рабочим из названных капиталов, общеимперском фонде для выдачи пособий больным и увечным рабочим, несчастных случаях с рабочими и применении закона 2 июня 1903 г. об оказании помощи пострадавшим от несчастных случаев рабочим и др.[16]

О нуждах рабочих, условиях их труда и быта, необходимости их организации и борьбы за улучшение своего положения больше всего писала нелегальная и легальная большевистская печать рассматриваемого времени, особенно газеты «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Звезда» и «Правда». Материалы большевистской печати, прежде всего статьи В. И. Ленина, а также многих других революционных социал-демократов,

---

[14] Доклад комиссии по исследованию положения горнорабочих на Юге России. Харьков, 1900; см., например: Материалы по рабочему вопросу. Объяснительная записка к предварительному проекту по пересмотру рабочего законодательства, выработанному Министерством торговли и промышленности в совещании 15—21 апреля 1906 г. под председательством М. М. Федорова. Спб., [1906]; Стенографический отчет особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности Д. А. Философова. Спб., 1906, т. I; 1907, т. II.

[15] К концу рассматриваемого периода начальник Отделения промышленного труда Министерства торговли и промышленности В. В. Громан выделил из «Свода Законов» (1913, т. XI, ч. 2) законоположения о найме рабочих и условиях их труда (правила внутреннего распорядка) и объединил их в особом «Уставе о промышленном труде» (Пгр., 1915). Статьи Устава касаются лишь фабрично-заводских и горных рабочих. Разбросанность законоположений об условиях труда рабочих по отдельным частям «Свода Законов» вызывает затруднения при пользовании ими. Поэтому ниже, в 1-й гл., сделаны ссылки на «Устав о промышленном труде».

[16] См.: Своды отчетов фабричных инспекторов за 1901—1913 гг. Спб., 1903—1914.

большевиков (Н. А. Вигдорчика, Б. Г. Данского, В. Я. Канеля, А. М. Стопани, Н. Г. Полетаева, депутатов-большевиков IV Государственной думы и др.), выступавших на страницах названных газет, широко использованы в монографии.

В книге также учтены статьи и корреспонденции об условиях труда и быта наемных рабочих, помещенные в периодической печати рассматриваемого времени.

Большой интерес для раскрытия темы об условиях быта и труда наемных рабочих России представляют издания предпринимателей: отраслевых советов съездов представителей промышленности и торговли на местах и центрального в столице, а также и обществ заводчиков и фабрикантов, особенно Петербургского и Московского.[17]

Материалы о профессиональных заболеваниях, травматических повреждениях, медицинской помощи на предприятиях и о других вопросах условий труда, кроме названных выше источников и изданий, публиковались в «Трудах» фабричных врачей. Жилищными вопросами занимались санитарные врачи. Русское общество охранения народного здравия, секция труда Русского технического общества. В «Трудах» и журналах названных обществ, приводимых ниже, публиковались статьи об условиях труда и быта рабочих России.

В небольшой по объему книге нет возможности назвать все работы дореволюционных и советских исследователей, занимавшихся и занимающихся изучением условий труда и быта рабочего класса, тем более что мы имеем полный указатель литературы по истории пролетариата России[18] и недавно вышедшую, отмеченную выше, статью об источниках о положении рабочего класса России в конце XIX—XX в.[19]

Кратко останавливаясь на исследованиях, освещающих условия труда и быта рабочего класса России, прежде всего следует отметить дореволюционные бюджетные обследования.[20] На ос-

---

[17] Схема правил внутреннего распорядка приема рабочих и условий найма. М., 1911; Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области промышленности. Спб., 1908; Справочная книга промышленника на случай недоразумений с рабочими. М., 1908, и др.

[18] Институт истории СССР Академии наук СССР. Группа по изучению истории пролетариата России. Указатель литературы/ Сост. Ю. И. Кирьянов, В. П. Пронина. М., 1972, вып. I и II.

[19] Кирьянов Ю. И. Источники о положении рабочего класса России, с. 220—265.

[20] Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. Спб., 1909; Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. — Зап. ИРТО, 1912, январь—март; Шапошников И. М. Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью. — В кн.: Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губернии. М., 1910, № 1; Андреев В. А. Рабочие бюджеты по исследованию 1911 г. — В кн.: Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных поселках Костромской губ.

нове их анализа и обработки Научно-исследовательский институт труда издал в 1958 г. монографию «Условия быта рабочих в дореволюционной России». К бюджетным обследованиям можно отнести и исследование бюджетов и быта рабочих Военного министерства.[21] Названные бюджетные обследования использованы в главах монографии.

Еще в дореволюционный период написан ряд обобщающих исследований о положении рабочего класса России, в которых в той или иной степени освещаются вопросы условий труда и быта. Крупнейшими из них являются работы К. А. Пажитнова, затрагивающие различные стороны положения рабочих.[22] Однако, как справедливо отмечает А. М. Панкратова, исследования К. А. Пажитнова (это касалось прежде всего его трехтомного издания 1923—1925 гг. «Положение рабочего класса в России») были методологически ошибочными. Они не связывали борьбу рабочего класса за улучшение экономического положения с борьбой за революционное преобразование общества и изобиловали многими другими недостатками.[23]

Для характеристики рабочей политики царизма использованы также, при критическом к ним подходе, труды чиновников Министерства торговли и промышленности.[24]

Подлинно научное изучение всех сторон положения пролетариата России началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в 20-е гг. были изданы ценные работы С. Г. Струмилина, освещающие многие стороны положения рабо-

---

Т. I. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. Кострома, 1911, вып. III; Степании А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. 2-е изд., испр. и доп. М., 1924; Наумов Г. Бюджеты рабочих гор. Киева. По данным анкеты, произведенной в 1913 г. Обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке. Киев, 1914.

[21] Лисовский Н. М. Рабочие в военном ведомстве. По поводу «Трудов» высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства. Спб., 1906.

[22] Пажитнов К. А. 1) Положение рабочего класса в России. Спб., 1906; 2) Положение рабочего класса в России. Спб., 1908. Эта книга была автором доработана, расширена и после 1917 г. опубликована в трех томах: Положение рабочего класса в России. Т. I. Период крепостного труда. Пг., 1923; Т. II. Период свободного договора в условиях самодержавного режима (1861—1905). 3-е изд. Л., 1924; Т. III. Революционный период (1905—1923). Л., 1925; 3) Сравнительный анализ положения рабочего класса на Западе и в России. — Тр. Вольного экономического общества (далее — Тр. ВЭО), 1911, № 1; 4) Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. Спб., 1910, и др.

[23] Панкратова А. Проблема изучения истории пролетариата. — В кн.: История пролетариата СССР. М., 1930, сб. I, с. 390—425.

[24] Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Спб., 1914; Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. Спб., 1909.

чих.[25] Появились названный выше трехтомник К. А. Пажитнова, работы М. С. Балабанова,[26] подвергнутые резкой критике на I Всесоюзной конференции историков-марксистов за их мелкобуржуазный характер.[27]

Интересные работы в это время вышли по вопросам питания рабочих.[28]

Лишь после Великой Отечественной войны начали появляться книги и статьи, отдельные главы или сюжеты которых посвящались положению рабочего класса России, в частности, условиям труда и быта.[29] В последнее время изданы монографические исследования и статьи, целиком посвященные изучению рассматриваемой темы. Так, в книге Ю. И. Кирьянова «Жизненный уровень рабочих России» (М., 1979) кроме бюджета времени и заработной платы рабочих дореволюционной России рассматриваются также и жилищные условия, и питание рабочих. Сведения о положении рабочих в большом числе помещаются в выходящих с 1932 г. книгах по истории фабрик и заводов.

Ряд ценных исследований и воспоминаний использовался в монографии для изучения условий труда и быта рабочих Петербургского промышленного района,[30] Московского промышленного

---

[25] Работы академика С. Г. Струмилина, освещающие все стороны положения рабочих, собраны и в настоящее время изданы. См.: Избр. произв. В 5-ти тт., т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1964.

[26] Балабанов М. С. Очерки по истории рабочего класса в России. М., 1926, ч. III; Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России, т. I—III.

[27] История пролетариата СССР. М., 1930, сб. I.

[28] См.: Аркин Е. А. Экономика человеческого организма. М., 1925; Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926, и др.

[29] Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958; Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967; Арзуманян А. А. Экономические проблемы общественного развития. М., 1968; Иванов Л. М. К вопросу о страховании рабочих в России. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971; Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; Арутюнов Г. А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975, с. 43—64; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг.; Кирьянов Ю. И. 1) Бюджет рабочего времени капиталистической России. — Исторические записки, 1974, т. 94; 2) Жилищные условия рабочих капиталистической России. — В кн.: Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России (ротапринт). М., 1975; 3) Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905—1907 гг. — Ист. зап., 1977, т. 98.

[30] Бинштok К. Где и как ютится петербургская беднота. — В кн.: Итоги. М., 1903; Овсянников В. Довоенные бюджеты русских рабочих. — Вопросы труда, 1925, № 7—9; Свирский А. И. Записки рабочего. 5-е изд. М.; Л., 1925; Канатчиков С. Из истории моего бытия. М., 1932; Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. М., 1951; Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956, т. III; Крузе Э. Э. Петербургские ра-

района,[31] Южного горнопромышленного района,[32] Баку,[33] Урала, Сибири и Казахстана.[34]

бочие в 1912—1914 гг. М.; Л., 1961; Мительман М., Глебов Б., Ульянский А. История Путиловского завода. 1801—1917. 3-е изд. М., 1961; Борисов Г., Васильев С. Станкостроительный им. Свердлова. Л., 1962; История Ленинградской государственной ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрики «Скороход» им. Я. Калинина. Л., 1969; Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966; Балагуров А. Я. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. (1861—1917). Петрозаводск, 1968; Очерки экономической истории Латвии (1900—1917). Рига, 1968; Меркис В. Развитие промышленности и формирование Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969; Скородников Г. М. «Рабочий». Очерк истории ордена Октябрьской революции прядильно-ткацкой фабрики «Рабочий». Л., 1971; История рабочих Ленинграда. В 2-х тт. 1907—1965. Т. I. 1703—февраль 1917. Л., 1972; «Красный маяк». История комбината технических тканей. Л., 1977.

[31] История Москвы. В 6-ти тт. М., 1955, т. V; История Москвы. Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976; Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губ. Обзор документов/ Под ред. В. А. Кондратьева и В. И. Невзорова. М., 1968; Пыжов Н. Жилища рабочего до и после Октября. М.; Л., 1925; Кац Ю. Я. О жилищах рабочих, занятых в фабрично-заводских предприятиях Московской губ. — В кн.: Тр. XVII губ. съезда членов врачебно-санитарной организации Московского земства. 15—14 мая 1910 г. М., 1910, вып. III; Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911; Козьминых-Ланин И. М. 1) I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. Формы найма, расчеты и отпуски. III. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. IV. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М., 1914; 2) К вопросу о грамотности и экономических условиях труда на суконных и бумаготкацких фабриках Московской губ. М., 1914; История Московского автозавода им. И. А. Лихачева. М., 1966; Андрианов В. И., Соловьев А. В. Гаврилов-Ямские ткачи. Ярославль, 1963, и др.

[32] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913). Ростов н/Д., 1971; Потолов С. И. Рабочие Донбасса в XIX веке. М.; Л., 1963; Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955; Лященко И. М. Условия труда на рудниках Донецкого бассейна. — Общественный врач, 1914, № 3; Доклад комиссии по исследованию положения горнорабочих на Юге России. Харьков, 1900; Максимов А. М. На баррикадах. Донецк, 1973; Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ. и положение рабочих. Харьков, 1912; Фиалковский В. И. Жилищные условия горнорабочих Донецкого бассейна. — В кн.: Тр. X губ. съезда земских врачей Екатеринославской губ. 4—13 марта 1910 г. Екатеринослав, 1911.

[33] Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1913; В. М. Митрофанов. Новый документ о положении рабочих на бакинских нефтепромыслах в начале XX в. — Исторический архив, 1962, № 2.

[34] История Урала. Пермь, 1963, т. I, с. 304, 305; Матушкин П. Г. Ленин об Урале. Челябинск, 1961; Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. Спб., 1909; Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX в. (1861—1904). Сб. документов. М.; Л., 1960; Слово о Мотовилихе. Пермь, 1974; История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968; Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1972; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, т. I.

Использованы исследования и об условиях труда и быта сельскохозяйственных рабочих,[35] рабочих мелкой промышленности,[36] чернорабочих и лесных рабочих,[37] строительных рабочих и др.[38]

---

[35] Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. Спб., 1913; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Флеров Н. Земледельческие рабочие в России. М., 1906; Струмилин С. Г. Динамика батрацкой армии в СССР. — В кн.: Наемный труд в сельском хозяйстве. М., 1926; Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.; Л., 1930.

[36] Рыбников А. А. 1) Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913; 2) Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922; Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России. Спб., 1913.

[37] Андерсон Э. П. Положение рабочих в лесопромышленности в конце XIX—начале XX в. — В кн.: На Западном Урале. Пермь, 1969, вып. 5; Чистосердов А. П. Некоторые данные по вопросу о страховании лесопромышленных рабочих. — Тр. ВЭО, 1908, № 6.

[38] Движение рабочих на заработки в 1911 году. Строительные и дорожные работы/ Сост. А. А. Панов. С.-Петербург, 1911; Флеров Н. Белые рабы в России (положение прислуги). М., 1907.

Глава I

УСЛОВИЯ ТРУДА РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В 1900—1914 гг.

Изучение условий труда наемных рабочих способствует углубленному исследованию одной из главнейших сторон их положения. Скудное российское фабричное законодательство периода капитализма являлось в основном вынужденной уступкой царизма революционному рабочему движению, и в то же самое время оно носило государственно-полицейский характер. За отказ от работы до окончания срока найма, например, устанавливалось уголовное преследование и арест до 1 мес. Кроме того, каждый новый фабричный закон, создаваемый в интересах защиты устоев самодержавного режима и капиталистического строя, оставлял всяческие лазейки для фабрикантов. Все это побуждало рабочих к борьбе, просвещало и революционизировало их.

Заключение договора о найме и ознакомление с правилами внутреннего распорядка — вот с чем прежде всего сталкивался рабочий на предприятии.

1. Договор о найме

Правила внутреннего распорядка

Сущность договора о найме при капитализме заключалась в продаже пролетарием своей рабочей силы, причем при заключении договора о найме буржуазия провозглашала и провозглашает юридическое равенство сторон. О правовом равенстве капиталиста и рабочего при заключении договора о найме писали буржуазные апологеты типа М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве, В. П. Литвинова-Фалинского и др. В действительности же как при заключении договора о найме с капиталистом,

так и в процессе труда на предприятии рабочий находился в полной экономической зависимости от предпринимателя, господство которого определялось тем, что он владел фабриками и заводами, орудиями производства, а рабочий — только своей мускульной силой, без продажи которой и он, и его семья погибли бы с голоду.

Главным законом о найме рабочих являлся Закон 3 июня 1886 г. Он регулировал правовое положение рабочих на фабрично-заводских предприятиях.[1] Закон был издан в связи с волнениями текстильщиков в Московской, Владимирской и Ярославской губ. в 1885—1886 гг. из-за беззастенчивых штрафов в пользу хозяев, достигавших иногда половины заработка. Этот произвол текстильных магнатов объяснялся начавшимся кризисом в текстильном производстве. Особенно значительными оказались волнения рабочих Никольской мануфактуры Морозовых, подавленные с помощью войск. Суд над 33 участниками стачки, обнаживший беззастенчивый грабеж предпринимателями рабочих, провалился. Правительство было вынуждено уступить и издать закон 1886 г., в том числе ограничивавший и штрафы.[2]

Статьи 47—60 закона 1886 г. трактуют об организации надзора, о новых обязанностях фабричной инспекции и о губернских присутствиях; ст. 86—106 — об общих условиях договора о найме, немедленно распространенных по всей России; ст. 127—156 под названием «Особые правила о взаимоотношениях предпринимателей и рабочих» первоначально распространялись лишь на губернии Петроградскую, Московскую и Владимирскую, с 1891 г. — на Варшавскую и Петроковскую и часть Рязанской губ. и лишь к 1899 г. — на всю Европейскую Россию и Бакинскую губ.[3]

Согласно закону 1886 г., предприниматель и рабочий, вступившие в договорные отношения, будто бы являлись свободными и равноправными сторонами. В действительности же при заключении договора о найме ни предприниматель, ни фабричный инспектор не спрашивали рабочего о том, согласен ли он трудиться на предложенных предпринимателем условиях или не согласен, а вносить в договор о найме свои условия рабочий не мог. Основные стороны положения рабочих: величина заработка, продолжительность рабочего дня, условия труда — разрабатывались предпринимателем и подписывались фабричным инспектором. Но, как отмечал В. И. Ленин, фабричные инспекторы не были самостоятельны в своих решениях: «Фабрикант имеет тысячи способов влиять на фабричных инспекторов и заставлять их делать по-своему».[4] Даже буржуазные ученые, чиновники царского

---

[1] См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 3-е. Т. VI. 1886. Спб., 1888.

[2] Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 21—25.

[3] Там же.

[4] Ленин В. И. Новый фабричный закон. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 294.

правительства, считали, что вызванный к жизни беспорядками рабочих закон 1886 г. имел целью охрану существующего порядка и что постановления этого закона носили административно-полицейский характер.[5]

В результате первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. рабочий класс России, возглавивший борьбу за свободу, впервые в истории России, хотя и на короткое время, завоевал трудящимся политические свободы: свободу слова, собраний, союзов, создания легальной рабочей печати, просветительных и культурных обществ. Царизм под натиском революции 1905—1907 гг. был вынужден созвать представительный орган — Государственную думу, используемую большевиками для пламенной революционной агитации, разоблачения антинародной политики правительства и капиталистов.

Однако традиции грубого отношения к рабочим, когда ими помыкал любой, даже незначительный представитель заводской администрации, после поражения революции 1905—1907 гг. даже в столицах, не говоря уже о провинции, стали опять преобладать. И в рассматриваемый период за порядком на предприятиях неукоснительно следили не только предприниматели, но и фабричная инспекция, и полиция.

Договоры о найме с рабочими заключались путем выдачи им не позднее 7 дней после начала работы на заводе расчетных книжек взамен предъявленных паспортов. В расчетных книжках указывались все основные условия найма: срок найма, размер заработка и сроки платежей, основные извлечения из правил внутреннего распорядка, размеры вычетов за пользование хозяйской квартирой и т. д. Образец расчетной книжки утверждался местным фабричным присутствием.

За нарушение статей «Устава о промышленности» (далее — Уст. о пром.), в том числе правил о найме (выдача расчетной книжки и правильное ее ведение и др.) и внутреннего распорядка (соблюдение закона 1897 г. о нормировании рабочего времени и закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев), предусматривалось наложение штрафа на предпринимателей.[6]

Невыдачу расчетной книжки предприниматель обычно использовал для сохранения за собой права уволить рабочего во всякое

---

[5] Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. Спб., 1900, с. 108; Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. Спб., 1909, с. 174.

[6] В 1900—1904 гг. в фонде Министерства торговли и промышленности отложилось довольно значительное число дел с постановлениями столичных и губернских присутствий о наложении на заведующих предприятиями взысканий за нарушение статей Уст. о пром., отмененных или утвержденных на сессиях Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия за 1899—1914 гг. — См.: Сборник постановлений Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия с 1899 по 1914 г. Пг., 1915.

время и на любых условиях. Часто фабрикантам это удавалось, так как закон оставлял для них множество лазеек: так, обязательная выдача расчетной книжки, согласно ст. 135 Уст. о пром., не распространялась на рабочих, нанятых для выполнения работ, не составлявших предмета фабричного производства. Предприниматели старались подвести под эту статью Устава как можно больше рабочих, чтобы устранить их из-под надзора инспекции.

Очень часто даже фабричным инспекторам, довольно редко посещавшим фабричные предприятия, удавалось обнаружить вопиющие нарушения ведения расчетных книжек. Так, фабричный инспектор Владимирской губ. Н. Виноградов при посещении 24 июня 1909 г. латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина обнаружил, что в расчетных книжках заведующие заводами не указывали специальности рабочего, что позволяло им, игнорируя ст. 95 и 96 Уст. о пром., переводить квалифицированных рабочих в чернорабочие. Это видно из коллективных жалоб рабочих от 15 июня 1909 г. Кроме того, не все выдачи из штрафных капиталов, независимо от их размеров, утверждались фабричным инспектором.[7]

На какой же срок нанимались обычно рабочие? По закону (ст. 94 и 95 Уст. о пром.) существовали три вида найма: на срок неопределенный, на срок определенный (например, до пасхи) и на время исполнения какой-либо работы. Как правило, еще с конца XIX в. в наиболее развитых промышленных районах наем рабочих обычно производился на срок неопределенный. Так было в Петербурге, Лодзи, Риге, Варшаве, Москве и т. д. В золотопромышленности страны существовало правило ежегодного найма. В случае увольнения рабочего предупреждали о том за 2 нед. Однако напуганные событиями 1905—1907 гг. предприниматели стали менять формы найма. Так, предприниматели Московского промышленного района по решению своего Общества заводчиков и фабрикантов вместо найма на срок неопределенный стали нанимать рабочих на 2 нед,[8] т. е. на срок определенный, чтобы рабочие в случае забастовки не могли «заставить фабриканта заплатить им за 2 недели даже тогда, когда фактически они никакой работы не производили и, находясь на фабрике, являлись скорее угрозой порядку, чем рабочей полезной силой».[9]

---

[7] ЦГА г. Москвы, ф. 335 Т-ва латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина, оп. 1, д. 119, 1907—1908. — Переписка с фабричным инспектором об условиях труда, л. 10—10 об.

[8] На 2 нед рабочих нанимали Товарищество Московского металлического завода, машиностроительный и механический завод «Добровых и Набгольц», арматурный и механический завод «Дангауэр и Кайзер», котельный завод Бари, «Густав Лист», завод Вестингауз, фабрика «Сиу», Люберецкий тормозной, Тульский меднопрокатный и Сормовский заводы, многие текстильные предприятия.

[9] ЦГА г. Москвы, ф. 143 Московского биржевого комитета, оп. 2, д. 139, 1910. — Письмо Ю. Гужона министру торговли и промышленности, л. 21—24.

Так как имели место случаи, когда фабричные инспекторы в судебном порядке требовали перехода того или иного предпринимателя к найму рабочих от 2-недельного срока найма на срок неопределенный, и суд в иных случаях удовлетворял эти ходатайства,[10] председатель Московского об-ва заводчиков и фабрикантов Ю. Гужон 5 апреля 1910 г. просил министра торговли и промышленности подтвердить фабричной инспекции, что изданный Министерством финансов 30 апреля 1898 г. циркуляр сохранил свою силу.[11]

И. М. Козьминых-Ланин исследовал формы найма 230 тыс. (75%) рабочих Московской губ. на 1 ноября 1908 г. по отраслям промышленности. На первый взгляд, все обстояло, как и в других промышленных районах: 67 тыс. (29%) рабочих были наняты на срок определенный и подавляющая часть — 133 тыс. (58%) — на срок неопределенный, а остальные — на различные сроки. Однако при рассмотрении данных Козьминых-Ланина о расчетах рабочих мы видим, что предприниматели нарушали сроки найма, а именно: наем на срок неопределенный, как правило, прерывался перед пасхой и уволенные рабочие нанимались вновь на более выгодных для хозяина условиях. Так, по тем же данным Козьминых-Ланина, из 230 тыс. рабочих обоего пола, нанятых на срок определенный и на срок неопределенный, в течение 1908 г. были рассчитаны по истечении срока найма или с предупреждением за 2 нед 11%, досрочно или без предупреждения за 2 нед — 3 и самовольно работу оставили 5% рабочих. Массовые же расчеты рабочих с обратным приемом перед пасхой составили 58%, перед рождеством — 8 и в другие сроки — 3%.[12] Все несогласные с новыми размерами вознаграждения получали расчет, а оставшиеся — новые расчетные книжки.[13]

О расторжении договора о найме предприниматель обязан был предупредить рабочего за 2 нед, если договор был заключен на срок неопределенный. После революционных событий 1905—1907 гг., как это видно из доклада Совета съездов представителей промышленности и торговли III съезду представителей промышленности и торговли, предприниматели в своих законопроектах по рабочему законодательству, направляемых в министерства, ведавшие рабочей политикой, требовали узаконения полной свободы в сроках предупреждения рабочих о расторжении договора

---

[10] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 294, 1913—1914. — По жалобам рабочих, л. 20 об.

[11] Циркуляр 30 апреля 1898 г. Министерства финансов разъяснял, что в Уст. о пром. не указан минимальный срок найма рабочих на срок определенный (ЦГА г. Москвы, ф. 143, оп. 2, д. 139, л. 24).

[12] Козьминых-Ланин И. М. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии. II. Сословный состав. Формы найма, расчет и отпуски. III. Сроки расплаты и время (рабочее или нерабочее) выдачи заработной платы. IV. Способы вознаграждения (формы заработной платы). М., 1914, с. I—IV.

[13] История Москвы. В 6-ти тт. М., 1955, т. V, с. 60.

о найме.[14] В случае, если бы подобный законопроект предпринимателей России стал законом, в вопросе о найме рабочих установился бы полный произвол хозяев, требовавших ликвидации сроков предупреждения о расторжении договора о найме. Даже фабричные инспекторы отмечали, что введение такого закона явилось бы для рабочих настоящим бедствием и превратило бы рабочих «в мячики в руках предпринимателей-жонглеров»,[15] потому что случай самовольного ухода рабочих по сравнению со случаями единичных и массовых расчетов (вспомним массовые локауты 1905—1907, 1912—1914 гг.) был редким явлением. В 1913 г. в фонде Государственной думы мы находим запрос с.-д. фракции министру торговли и промышленности о массовых локаутах в текстильной промышленности Петербурга, проводившихся Текстильным отделом общества заводчиков и фабрикантов и квалифицировавшихся в запросе как «организованный поход класса фабрикантов против класса рабочих» при попустительстве фабричной инспекции.[16] На заседании IV Думы 1 марта 1913 г. по вопросу о рассмотрении названного запроса депутат большевик Самойлов в своем выступлении сказал, что возможны локауты и в других отраслях промышленности, но что выступление капиталистов встретит отпор со стороны рабочих.[17]

Сроки заключения договора о найме были для рабочего крайне важны, так как они определяли и сроки выплаты заработка. При заключении договора о найме на срок неопределенный заработная плата выплачивалась 2 раза в месяц, на срок более месяца — раз в месяц (ст. 97 Уст. о пром.).

Только благодаря упорному и организованному сопротивлению под руководством большевиков рабочим удалось в 1900—1914 гг. отстоять статью о 2-недельном сроке предупреждения о расторжении договора о найме. На протяжении всего периода империализма, проводя в жизнь принятую на II съезде РСДРП Программу-минимум ленинской части съезда, большевики возглавляли борьбу рабочих за создание органами местного самоуправления посреднических контор «по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих организаций».[18]

Предприниматели резко отрицательно относились к статьям Уст. о пром., касающимся договора о найме. Их не удовлетворяли

---

[14] ЦГА г. Москвы, ф. 143, оп. 2, д. 137, 1908. — Доклад Совета съездов по рабочему вопросу, л. 100.

[15] Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911, с. 114—115.

[16] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 878, 1913. — Дело о запросе министру торговли и промышленности по поводу неправильных действий чинов фабричной инспекции, л. 1—3 об.

[17] Стенографический отчет. Гос. дума. Четвертый созыв. Сессия I, ч. I, заседание 25, с. 1910—1912.

[18] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. I, с. 65.

наличие расчетных книжек рабочих и особенно 2-недельный срок предупреждения о расторжении договора, имеющий, как указывалось, например, в циркуляре членам Петроградского общества заводчиков и фабрикантов от 1 февраля 1907 г., своим последствием «крупные, ничем не оправданные переплаты рабочим».[19] Поэтому и Механический, и Текстильный отделы общества составили и разослали для своих членов проекты унифицированных «Правил приема рабочих на завод», но с тем чтобы «Правила» не помещались в расчетные книжки, а вывешивались на воротах предприятий. Кроме того, оба названных отдела общества разработали проекты правил внутреннего распорядка и также разослали их на отзыв членам общества.[20]

Для выработки определенной линии по вопросам взаимоотношений предпринимателей с рабочими всем членам общества рекомендовалась книга Л. С. Элияссона, написанная для них и представлявшая собой правовую инструкцию-консультацию. Она содержала ответы на наиболее часто возникавшие вопросы относительно договора о найме рабочих с ссылками на статьи закона, решения Сената и министерские циркуляры.[21]

Вслед за этим в течение двух лет Петербургское и Московское общества заводчиков и фабрикантов разрабатывали общую схему правил внутреннего распорядка, т. е. условий труда для фабрично-заводских рабочих с целью «ввести в будущем одинаковый стандарт для „Правил внутреннего распорядка“ Московского и Петербургского районов».[22] Этот типичный стандарт условий труда был издан Обществом заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района.[23] Схема правил состояла из таких важнейших разделов: 1) правила приема рабочих на завод, 2) условия найма, 3) правила внутреннего распорядка, 4) табель взысканий. Таким образом, финансовый капитал, господствовавший в рассматриваемый период в экономике страны, в лице его ведущих отрядов — петербургского и московского — пытался регулировать законодательство царизма в области условий труда рабочих.

Административно-полицейский характер рабочего законодательства в целом и договора о найме в частности сказывался в большом числе условий расторжения договора о найме и их содержании. Наиболее вопиющим из них было сохранение в силе статей

---

[19] ЦГИА СССР, ф. 150 Об-ва заводчиков и фабрикантов, оп. 1, л. 531, 1906—1909. — Правила и условия найма рабочих на предприятиях..., л. 10.

[20] Там же, л. 15—25, 43—51.

[21] Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности. Спб., 1908/ Сост. Л. С. Элияссон. См. также: Справочная книга промышленника на случаи недоразумений с рабочими. М., 1908; ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 531, 1906—1909. — Правила и условия найма рабочих на предприятиях..., л. 93.

[22] ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 551, л. 279.

[23] Схема правил внутреннего распорядка, приема рабочих и условий найма. М., 1911.

1358[1] и 1358[2] Уложения о наказаниях, по которым за участие в забастовке договор о найме расторгался, а «подстрекатели» и наиболее активные участники стачки подвергались тюремному заключению.[24] Например, договор о найме с рабочими прекращался в случае приостановки работ на предприятии более 7 дней. С отдельным рабочим договор расторгался в случае неявки на работу более 3 дней сряду или более 6 дней в месяц без уважительных причин, из-за неявки рабочего на фабрику более 2 дней кряду (даже по уважительным причинам), «в результате привлечения рабочего к следствию и суду по обвинению в преступном действии и вследствие дерзости или дурного поведения рабочего», угрожающего имущественным интересам предприятия (порча машин и т. д.) или личной безопасности представителей администрации и т. д.[25]

Согласно ст. 106 Уст. о пром., рабочий имел право требовать расторжения договора о найме в тех случаях, когда труд в данных условиях становился для него невозможным: в результате дурного с ним обращения (побоев, тяжелых оскорблений) со стороны хозяина или представителей администрации предприятия; из-за нарушения условий по обеспечению помещением и снабжению питанием; вследствие смерти кого-либо из работоспособных членов семьи и в случае поступления на военную службу работающего члена семьи.[26]

При расторжении договора о найме правовое положение сторон было неравноправным: в то время как предприниматель мог сам расторгать договор о найме, рабочий, кроме случаев, перечисленных выше, чтобы уволиться, должен был обращаться в суд. Правда, после 1905 г., несмотря на отмену ст. 51[4] Уст. о Наказ. (в 1912 г.), за самовольный отказ от работы рабочие редко привлекались к судебной ответственности. Предприниматели боялись стачек рабочих.

Изложенные выше правила о найме первоначально касались лишь фабрично-заводских рабочих, находившихся в ведении Министерства финансов (с 1905 г. — Министерства торговли и промышленности). Они не распространялись на транспортных, строительных, сельскохозяйственных, чернорабочих и лиц других категорий наемного труда, обойденных Уст. о пром., а также на горнорабочих. Законодательство о горнозаводских округах развивалось вне зависимости от фабрично-заводского законодательства.[27] Надзор за горнорабочими и условиями их труда в рассма-

[24] Устав о промышленном труде (далее — Уст. о пром. труде)/ Сост. В. В. Громан. Пг., 1915, с. 40.

[25] Там же, с. 56—57.

[26] Там же, с. 59.

[27] Существуют «Общие правила о найме рабочих на частные горные заводы и промысла» (Уст. Горн., ст. 647—660); «Правила о найме на золотые промысла» (Уст. Горн., ст. 661—688); «Правила о найме на сибирские золотые промысла ссыльно-поселенцев» (Уст. Горн., ст. 689—706); «Особые правила о найме на сахалинские копи» (Уст. Горн., ст. 707—713).

триваемое время осуществляли горные инженеры. С 1899 г. во всех наиболее промышленных губерниях Европейской России, Кавказа, Царства Польского были учреждены губернские по фабричным и горнозаводским делам присутствия во главе с Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием.

В 1902 г. по представлению министра земледелия и государственных имуществ Государственный совет изменил правила о найме горнорабочих казенных заводов, подчинив их действию правил, изложенных в ст. 86—121 и 128—151 Уст. о пром. (изд. 1893 г.) и ст. 648—658 Уст. Горн. По этим статьям рабочие, занятые на казенных горных заводах рубкой дров, выжиганием угля, сплавом караванов и т. д., нанимались на работу на основе изложенных нами выше условий договора о найме фабрично-заводских рабочих. Обязанности окружных инженеров по делам, касающимся рабочих, возлагались на горных начальников. Денежные взыскания, налагаемые на рабочих заводоуправлениями, поступали в пользу вспомогательных касс соответствующих горнозаводских товариществ.[28]

В Положении Военного совета о найме вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений от 2 сентября 1906 г. отмечалось, что мастеровые и рабочие нанимались на срок неопределенный, определенный и время, нужное для выполнения определенной работы. Увольняться рабочие могли в случае предупреждения ими администрации за 2 нед. Рабочие и мастеровые могли пользоваться отпусками сроком не более 6 нед. Уходя в отпуск, рабочий оставлял на заводе залог в размере полумесячной платы. Рабочим, занятым на заводе более 3 лет, предоставлялся месячный отпуск раз в три года с сохранением на время отпуска половины его поденной платы.[29]

В судопромышленности с рабочими всех категорий, начиная от матроса и кончая грузчиками, судовладельцы также заключали договор о найме. Однако эти договоры резко отличались от соглашений подобного типа, заключенных в соответствии с названными выше статьями Уст. о пром. предпринимателями с фабрично-заводскими рабочими. Судовладельцы юридически и практически обладали всеми правами, а на долю судорабочих выпадали одни обязанности. В договоре о найме попадались прямо-таки крепостные записи. Так, один из пунктов такого артельного договора гласил, что рабочие предоставляют подрядчику право на весь означенный срок «брать для нас работы и заключать с работодателями письменные и словесные договоры, не испрашивая на это нашего согласия, а по его личному усмотрению; мы же обязаны работать беспрекословно, не спрашивая прибавки в цене и изменения договора».[30] Другой пункт гласил: «Ранее указан-

[28] ПСЗ. Собр. 3-е. 1902, т. XXII, отд. 1, № 21186.
[29] ПСЗ. Собр. 3-е. 1906, т. XXVI, отд. 1, № 27385.
[30] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы. М., 1906, с. 48.

ного срока никто из нас не имеет права отойти от подрядчика и артели и требовать своего паспорта, но он, подрядчик, может каждого из нас уволить и до истечения срока, по его усмотрению».[31]

В договоре о найме имелся и такой пункт, больше похожий на обязательство: «Мы, рабочие, обязуемся всегда быть трезвы, честны, вежливы, опрятны и не моложе 22 лет».[32] Кроме того, судовладельцы создали на судах кодекс жестких неписаных правил внутреннего распорядка, за нарушение которых на рабочих налагался штраф, причем штрафные деньги всецело шли в пользу судовладельцев. В расчетных книжках матросов и грузчиков причинами штрафа отмечены и неисполнение своих обязанностей, и непослушание, и пропажа груза, и недостаточная преданность фирме (!) и т. д. В начале XX в. даже существовало мнение, что волжская судопромышленность живет штрафами рабочих.[33] Названные злоупотребления при штрафовании судорабочих были возможны только при условии, что труд рабочего не охранялся, а сам рабочий приравнивался к совершенно бесправному существу. Если рабочий не выдерживал каторжных условий труда и намеревался потребовать свой паспорт через суд, то за «напрасное беспокойство» подрядчика или судовладельца он платил штраф в размере 50 руб.[34]

Законодательство о найме было издано царским правительством прежде всего для сельскохозяйственных наемных рабочих. Еще 12 июня 1886 г. было высочайше утверждено Положение о найме на сельские работы.[35] Наем на сельские работы заключался и словесно, и письменно на определенный срок и на срок неопределенный. Договоры на определенный срок не могли заключаться на время свыше пяти лет. При заключении договора о найме договаривающиеся стороны должны были определить размер оплаты, сроки платежей, договориться о харчах и помещении. Условия Положения поражали своей жестокостью, неприкрытым полицейским произволом. Так, нанятый рабочий за грубость хозяину или членам его семьи, неповиновение хозяину или управляющему мог быть по суду арестован на срок до 1 мес, за повреждение машин — до 3 мес, за неявку на работу в срок по письменному договору — до 1 мес и т. д.

Заключив договор о найме, рабочий был обязан «повиноваться нанимателю и исполнять беспрекословно и усердно его требования, согласно заключенному условию»; «охранять хозяина и его домашних при угрожающей кому-либо из них опасности»; «вести себя благопристойно, трезво и почтительно к хозяину, его домашним и лицам, от него приставленным для надзора за работами и рабочими», «не ... отлучаться без дозволения хозяина»; «обхо-

[31] Там же, с. 48—49.
[32] Там же, с. 49.
[33] Там же, с. 48.
[34] Там же.
[35] ПСЗ. Собр. 3-е. 1886, т. VI, № 3803.

диться бережно с хозяйским скотом и орудиями и не причинять по нерадению или небрежности, а тем более умышленно, вреда хозяйскому имуществу».[36]

Хозяин мог отказать рабочему от места до срока найма в случае лености, нерадения, пьянства, буйства, дерзости, грубости, хищения хозяйского имущества или причинения хозяину вреда или вообще обмана его, неосторожного обращения с огнем.

Рабочий тоже мог оставить работу у сельского хозяина до срока найма в случае несоблюдения условий о выдаче заработной платы и содержания, непосильного отягощения работой, побоев, болезни и т. д., но в случае самовольного ухода рабочего наниматель всегда мог подать на него в семидневный срок в суд.

Форма найма сельскохозяйственных рабочих во многом зависела от сезона полевых работ. С началом их прибывали плугари. Работали они сдельно, «от десятины», причем здесь наем производился или только на вспашку, или на полную обработку с засевом. При преобладании сдельной формы найма в отдельных районах имел место и понедельный наем, о чем свидетельствуют данные табл. 1.[37]

Таблица 1

Район	Сдельная	Понедельная	Поденная
	в %		
Новороссийский край	72	21	7
Поволжье	59	32	9
Юго-восточный край	42	30	22

Такой разнобой в формах найма объясняется тем, что в Новороссии и Поволжье существовала определенная форма сельского хозяйства, допускавшая счет на десятины, а на юго-востоке страны (Заволжье и Зауралье) пахота велась из расчета «сколько хватит до сева». Расчет с рабочими при такой неопределенной форме найма производился и понедельно, и поденно. Он сопровождался конфликтами и был крайне затруднителен. Однако с ростом переселенчества и упорядочения ведения сельского хозяйства и в этих районах сдельная форма найма начинает преобладать.

Самый большой прилив пришлых сельскохозяйственных рабочих происходил летом, на покос. В эту самую горячую рабочую пору цены на рабочие руки росли ежедневно и поденная форма

[36] Там же.

[37] Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. Спб., 1913, с. 19—25. Книга написана на основании разработки анкеты «Торгово-промышленной газеты» о сельскохозяйственном наемном труде, произведенной в 1912 г. Подсчету подверглись 2052 анкеты, охватившие 34 губ. (2128 пунктов).

найма устраивала и рабочего, и хозяина, так как иногда из-за погодных условий цены на рабочие руки повышались ежедневно. В случае дождя работа прекращалась, а хозяин (при понедельной форме найма) вынужден был платить по условию половину или треть платы да еще кормить рабочих, что было для него крайне невыгодно. В табл. 2 представлены формы найма во время покоса в различных районах России.

Таблица 2

Район	Сдельная	Понедельная	Поденная
	в %		
Новороссийский край	11	25	64
Северный Кавказ	15	15	70
Заволжье	6	20	74
Юго-восточный край	4	15	81

Доминирующие формы найма во время уборки хлебов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Район	Сдельная	Понедельная	Поденная
	в %		
Новороссийский край	42	38	20
Северный Кавказ	40	42	15
Поволжье	32	40	28
Юго-восточный край	20	35	45

Приведенные данные говорят о том, что в период уборки хлебов господствовали понедельная и сдельная формы найма.

Пришлые сельскохозяйственные рабочие чаще всего нанимались в одиночку. Реже создавались артели «косарские», «плужные». Еще реже рабочие нанимались целыми семьями.

Оформление договоров найма хозяев с сельскохозяйственными рабочими носило чисто условный характер. Существовало словесное соглашение, закрепленное магарычем. В случае возникновения конфликтов виновной стороной всегда оказывались рабочие и им отказывали от места. Рабочие были вынуждены уходить, не получив заработанных денег. Часто от рабочих, кроме словесного соглашения, хозяин брал задатки (верхнее платье и т. д.). Взимание задатков происходило в 30—70% случаев найма. Письменные контракты заключались всего в 5—8% случаев найма. Однако

в момент соблазнительного роста цен рабочие нарушали письменные контракты (3—15% всех контрактов), но значительно реже, чем словесные соглашения (11—32%).

Причинами нарушения устных соглашений и письменных контрактов являлись подъем цен на рабочие руки, плохие харчи, умолчание о тяжелом характере работы и т. д. Хозяева нарушали чаще всего договор о найме в случае падения цен на рабочие руки, понижения урожайности, низкой производительности труда рабочего. Наименьший процент нарушения договоров о найме давала сдельная форма найма при артельной форме найма.

Статьи законодательства о труде и дополнительные к ним постановления содержали не только изложенные выше материалы о порядке заключения договора о найме, но и статьи об условиях исполнения договора, т. е. поддержания на фабриках внутреннего распорядка во время производства работ.

Правила внутреннего распорядка, утвержденные фабричным или горным инспектором, согласно ст. 142 Уст. о пром., включали в себя: 1) расписание начала и окончания работ для всех категорий рабочих в будни и в предпраздничные дни, а также время перерывов для завтрака и обеда; 2) перечень праздничных дней; 3) порядок и правила отлучек с работ или из предоставляемых рабочим фабричных казарм; 4) условия пользования хозяйскими квартирами, банями и т. п.; 4) указание времени чистки машин и аппаратов, уборки мастерских (если по договору о найме эти обязанности должны выполнять рабочие); 6) перечень обязанностей рабочих по соблюдению порядка на предприятии; 7) перечень требований предосторожности при обращении с машинами, огнем и т. д.[38] За каждое из перечисленных отдельных нарушений порядка разрешалось взыскивать штраф в размере 1 руб., но в то же самое время взыскания, налагаемые и за прогулы, и за неисправную работу, и за нарушения порядка, не должны были превышать $^1/_3$ заработка либо же влекли за собой увольнение рабочего.[39] Таким образом, правила внутреннего распорядка являлись в руках администрации действенным орудием притеснения и преследования неугодных рабочих, т. е. носили охранительно-полицейский характер.

Штраф за каждое из перечисленных выше нарушений рабочим порядка определялся предпринимателем и утверждался фабричным инспектором в обобщенном виде под названием «Табель взысканий» и вывешивался рядом с «Правилами внутреннего распорядка» как неразрывное целое.

---

[38] Нарушением порядка считались: несвоевременная явка на работу или самовольная отлучка с работы, несоблюдение в помещениях предприятий установленных правил обращения с огнем, несоблюдение чистоты и опрятности, нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью или дракой, непослушание, приход на работу в пьяном виде, устройство недозволенных игр, неисполнение правил внутреннего распорядка и т. д.

[39] Уст. о пром. труде, с. 118.

Нередко встречались случаи, когда правилами внутреннего распорядка даже на самых крупных по числу фабрично-заводских рабочих предприятиях России нарушалось законодательство о труде. Так, постановлением от 7 февраля 1909 г. Главное присутствие отменило постановление Ярославского присутствия от 12 августа 1908 г. об утверждении правил внутреннего распорядка фабрики товарищества Ярославской большой мануфактуры, как нарушавшее Уст. о пром. По ст. 22 правил ремонт машин должен был производиться рабочими сверхурочно, что не вызывалось особыми техническими условиями производства, тем более что при фабрике для ремонта машин существовала специальная ремонтная мастерская.

По ст. 16 правил Ярославской мануфактуры рабочих можно было до окончания срока найма переводить с одной работы на другую в качестве наказания. Согласно ст. 96 Уст. о пром., отмечалось в постановлении Главного присутствия, переводить рабочих из одного отделения в другое можно было лишь по соглашению фабричного управления с рабочим или при заключении нового договора о найме.[40]

Как было замечено 8 августа 1909 г. старшим фабричным инспектором Владимирской губ. В. Свирским, на заводах товарищества Кольчугина правила внутреннего распорядка не были утверждены фабричным инспектором соответствующего 10 участка губернии Н. Виноградовым и т. д.[41]

Ниже мы помещаем подлинный текст «Табеля взысканий» с рабочих товарищества Рябовской мануфактуры Московской губ., утвержденный фабричным инспектором 15 февраля 1905 г.:[42]

Табель

взысканий с рабочих на Бумаго-прядильно-ткацкой фабрике Т-ва Рябовской мануфактуры бумажных изделий, состоящей близ деревни Нефедовой, 2-го стана Серпуховского уезда

За прогул	С получающих жалование
	Плата за
От половины дня до 1-го дня	$^1/_2$ дня
за 1 день	1 день
за 2 дня	2 дня
за $2^1//_2$ дня	$2^1/_2$ дня
за 3 дня и более	3 дня

Сверх того у рабочего удерживалась плата за все прогульное время. «Договор найма может быть расторгнут заведующим фаб-

[40] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 132, 1908—1909. — По вопросу об утверждении правил внутреннего распорядка Т-ва Ярославской большой мануфактуры, л. 73—76 об.

[41] ЦГА г. Москвы, ф. 335, оп. 1, д. 119, 1909. — Переписка с фабричным инспектором по вопросу об условиях труда, л. 15.

[42] Там же, ф. 2005 фабричной инспекции 10 участка Московской губ., оп. 1, д. 14, 1903—1909. — Табель взысканий с рабочих, л. 116—117.

рикой вследствие неявки рабочего на работу более трех дней сряду или в сложности более шести дней в месяц без уважительных причин» (ст. 105, пункт 1-й Уст. о пром.).

За нарушение порядка на фабрике и неисправную работу

За несвоевременную явку на работу или самовольную отлучку с нее	Размер штрафа в коп.
от 15 мин до 1 ч	до 10
на 2 ч	до 15
на 3 ч	до 20
на 5 ч	до 25

За несоблюдение в заводских и фабричных помещениях установленных правил осторожности при обращении с огнем	25
За несоблюдение в сих же помещениях чистоты и опрятности	25

За нарушение порядка на фабрике и неисправную работу

За непослушание при законных требованиях	25
За нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью, ссорою или дракой	25
За приход на работу в пьяном виде	50
За устройство недозволенных игр на деньги (карты, в орлянку и т. п.)	25
За кражу пряжи, полотна и пр. и поломку машины по приговору судебной власти	
За порчу холстов, лент и пряжи на приготовительных и прядильных машинах, как-то: за накапливание лент пуху и орешков под трепальными и чесальными машинами; за нечистоту чесальных барабанов; за пропуск ровницы; за недоклейку, за ослабление шнурка (тертые початки), за неполадку на мюльных, ватерных машинах и недосмотр за винтом на мюльных машинах, от чего происходит порча початков; за несмазывание валиков и веретен на машинах; за несвоевременную присучку, переработку початков выше установленной меры, за помарку початков	10—50
За смешивание двух или нескольких сортов пряжи на машинах	20—50
За смазывание приводных ремней шлихтом, от чего получается тихий ход машины	20
За неверную намотку (пряжи) ниток (меньше или больше в пасьме) на ручных мотовилах	10
За неотметку своей катушки при размотке пряжи (через что нельзя узнать, чья плохая катушка)	10
За нахлестывание ниток вместо привязки на сновальных машинах, через что происходит порча основ	20
За раскидывание пряжи, начинок и рвани	20—25
За самовольное срезание основ и полотна без меток	25
За самовольную заправку основ	25
За порчу берда и ремиза	25
За порчу товара, как-то: подплетны, недосеки, забоины, пятна, марку полотна, неправильную переводку ниток и кромки	5—10
За уладку, улаживание станков, перемену наборов шестеренок и перемену рисунков	10—50
За поломку железных ящиков	10—25
За неправильную заправку основ	10—25
За утайку и необъявление конторе об поломанных частях машины	до 50

Продолжение

	Размер штрафа в коп.
За недосмотрение чистоты станков вверенных им (подмастерьям) комплект	10—25
За разбитие катушки	5
За небрежное обращение с выдаваемыми для производства работ материалами и растерю оных	10—30
За неправильную праборку основ	10—25
За самовольную праборку основ	25
За поломку по небрежности или утрату (потерю) челнока	50
За утрату заводного крючка	10
За утрату щипцов	10
За самовольную отрывку от штуки тканей для фартука	50
За разбитие стекол в рамках	10—25
За разбитие стекол или поломку каких-либо в комнатах и столовой спального помещения предметов по стоимости оных, но не свыше	50

Взыскания, налагаемые за неисправную работу, за прогул и нарушение порядка, в общей их сложности не должны превышать одной трети заработка и действительно причитающегося рабочему к установленному сроку расплаты.

(Ст. 148 Уст. о пром.)
Заведующий фабрикой А. Годсон
Утверждаю
Фабричный инспектор Московской губ. (подпись неразборчива)
15 февраля 1905 г.

Приведенный текст довольно красноречив. Весьма многочисленные взыскания с рабочих, как отмечал В. И. Ленин, были крайне несправедливы. Так, недоброкачественность изделий устанавливалась лишь одной стороной — предпринимателем без представителей от рабочих и каких бы то ни было свидетелей. Правила об уважительных причинах неявки на работу были очень суровы, «как будто бы они относились к солдатам в казармах, а не к свободным людям».[43]

В 1900—1914 гг. штрафы на фабрично-заводских предприятиях за прогулы, неисправную работу и нарушение порядка взыскивались (на основании закона 1886 г.) с 70% всех фабрично-заводских рабочих. Как особо отмечалось в ст. 152 Уст. о пром., взыскиваемые с рабочих штрафы обращались в создаваемый при каждом предприятии штрафной капитал, который надлежало употреблять соответственно правилам, изданным министром финансов 4 декабря 1890 г., дополняемым позже различными статьями. Следует заметить, что в наиболее развитых в промышленном отношении округах рабочих, как правило, штрафовали за неисправную работу, в остальных — за прогулы. Штрафные капиталы чаще всего шли на пособия рабочим в случаях временной потери трудоспособности, но неизменно требовалось на это разрешение фабричного инспектора.

[43] Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 29.

Приведем примеры о штрафовании. Петербургское товарищество костеобжигательных заводов взыскало в январе 1910 г. 30 р. 20 к. штрафов.[44] В штрафной книге № 11 для записи денежных взысканий, налагаемых на рабочих заводов общества бр. Бромлей (Москва), размеры штрафов за неисправную работу колебались от 10 коп. до 1 руб., за нарушение порядка — от 15 коп. до 6 р. 95 к. На 6 января 1913 г. штрафной капитал, по данным штрафной книги заводов общества бр. Бромлей, достигал 29 340 р. 67 к., к 7 ноября 1913 г. — 30 856 р. 33 к.[45]

До 1905 г. в преобладающем большинстве губерний штрафных капиталов поступало значительно больше, чем выдавалось пособий. По этой причине, а также вследствие накопления процентов на ранее оставшиеся суммы общий штрафной капитал предприятий достигал значительных размеров.

В табл. 4 представлено изменение общей по России суммы штрафных капиталов, поступление денежных взысканий с рабочих и выдача им пособий за 1901—1913 гг.[46]

Таблица 4

Год	Общая сумма штрафных капиталов на 1 января (руб., коп.)	Сумма взысканий с рабочих (руб.)	Выдано за год пособий (руб., коп.)
1901	2 628 662.89	555 041	502 432.28
1902	2 743 467.80	529 465	501 365.89
1903	2 857 336.94	527 433	516 862.32
1904	2 955 597.59	535 945	535 877.77
1905	3 032 415.84	316 809	549 173.38
1906	2 909 588.77	276 626	482 239.87
1907	2 782 197.20	312 235	471 320.61
1908	2 720 090.94	432 658	514 837.93
1909	2 747 976.97	464 976	534 182.21
1910	2 810 649.53	544 643	592 751.72
1911	2 890 905.21	605 314	621 307.22
1912	—	696 701	693 848.29
1913	3 096 140.98	774 922	792 566.92

Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что общая сумма штрафных капиталов по всей России за 1900—1913 гг. не претерпела серьезных изменений, составляя около 3 млн. руб. ежегодно. Эта огромная сумма накопленных штрафных капиталов позволяла рабочим в 1905—1907 гг., несмотря на резкое умень-

[44] ЛГИА, ф. 1229 фабричной инспекции, оп. 1, д. 11. — О приходе и расходе штрафного капитала..., л. 62.

[45] ЦГА г. Москвы, ф. 736 Механического завода Акц. о-ва механических заводов бр. Бромлей, оп. 1, д. 676. — Штрафная книга № 11..., л. 20 об.—21, 135 об.—136.

[46] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год. Спб., 1911, с. LVIII—LIX; там же, 1913 год. Пг., 1914, с. LXIV—LXV.

шение штрафования в результате массовых революционных битв, добиваться выдачи пособий в прежних размерах. В годы реакции ежегодная сумма взысканий с фабрично-заводских рабочих на предприятиях, применявших штрафование, стала постепенно возрастать, достигнув в годы промышленного подъема солидных размеров (табл. 4). За 1913 г. с каждого фабричного рабочего было взыскано 46.8 коп. штрафов.

Кроме капиталов, складывавшихся из штрафований рабочих на отдельных фабрично-заводских предприятиях России, существовал общеимперский штрафной капитал. Он образовывался из взысканий, налагаемых на предпринимателей согласно ст. 51 и ст. 155 Уст. о пром. (несвоевременная выдача расчетных книжек рабочим, несвоевременная регистрация несчастных случаев и т. д.). В случае прекращения деятельности фабрично-заводского предприятия наличные в кассе штрафные деньги также переходили в общеимперский штрафной капитал.[47]

Размер общеимперского штрафного капитала был невелик. Так, в 1910 г. в среднем на каждого фабричного рабочего причиталось около $2^1/_3$ коп. Как видно из соответствующих документов, на 1904—1913 гг. назначено было для выдачи больным и увечным рабочим из общеимперского штрафного капитала единовременных пособий на сумму:[48]

Год	Сумма	Год	Сумма
1904—39	801 р. 96 к.	1909—39	000 р. 00 к.
1905—38	254 60	1910—42	000 00
1906—42	200 00	1911—43	000 00
1907—35	900 00	1912—40	000 00
1908—34	100 00	1913—37	000 00

Общеимперский штрафной капитал создавался для единовременных выдач пособий больным и увечным рабочим или семьям умерших рабочих. Размер пособия, определяемый окружным фабричным инспектором, не мог превышать 100 руб. Общую сумму для выдач пособий по округам, начиная с 1904 г., определял Отдел промышленности Министерства финансов (с 1905 г.— Министерства торговли и промышленности).

Необычайно суровый полицейско-охранительный характер носили, как мы видели выше на примере судорабочих, договор о найме и правила внутреннего распорядка для других категорий пролетариев наемного труда, в частности, сельскохозяйственных рабочих.

В Положении о найме на сельские работы мы находим не только пункты, характеризовавшие условия и формы найма, о чем сообщалось выше, но и правила об исполнении договоров

---

[47] ЦГИА СССР, ф. 20 Учреждения по части торговли и промышленности, оп. 3, д. 2318, 1900.— О штрафных капиталах..., л. 156—157.
[48] Там же, ф. 20, оп. 3, д. 2318, 1903—1913, л. 208—367.

о найме, т. е. правила внутреннего распорядка. Прежде всего в Положении подчеркивалось, что сельскохозяйственный рабочий, заключивший договор о найме, обязан явиться к исполнению работ в условленное договором время. Несвоевременное прибытие разрешалось в случае следующих уважительных причин: 1) лишения свободы, 2) прекращения движения из-за эпидемии, военных действий, разлива рек и других подобных непреодолимых препятствий, 3) разорения от несчастного случая, 4) болезни, 5) смерти или болезни членов семьи, 6) призыва на военную службу. Во всех этих случаях рабочий обязан был возвратить хозяину полученный во время заключения договора о найме задаток.

Согласно договору о найме, хозяин мог штрафовать рабочих 1) за прогул,[49] 2) за небрежную работу, 3) за грубость и неповиновение хозяину, 4) за причинение вреда хозяйскому имуществу. Штрафы не могли превышать двойной поденной платы и шли полностью в пользу нанимателя.

При неправомерных действиях хозяина рабочий имел формальное право, не бросая работы, жаловаться в суд.[50]

Согласно условиям о найме, предприниматель не имел права увольнять рабочего до окончания срока найма. На практике, как уже сообщалось выше, эти условия часто нарушались обеими сторонами.

Очень часто, согласно закону, в случае неявки или самовольного ухода рабочего хозяин взыскивал неустойку, а паспорт рабочего в течение первой недели неявки передавал в суд.[51]

Таким образом, в 1900—1914 гг. существеннейшая часть условий труда — правила о найме и их реализация — свидетельствовали об административно-полицейском их характере, причем организации финансового капитала пытались всемерно унифицировать жесткие условия договора о найме и правила внутреннего распорядка.

2. Условия производства и охрана труда

Наличие в России периода капитализма многомиллионной резервной армии труда, возросшей в связи с проведением столыпинской аграрной реформы, способствовало сохранению экстенсивных форм эксплуатации труда и тормозило развитие техники во всех отраслях народного хозяйства. Однако в связи с анархией в развитии народного хозяйства не было даже в одной отрасли промышленности двух похожих по уровню и харак-

---

[49] Прогулом считалась отлучка рабочего с работы без уважительных причин не свыше 3 дней сряду.

[50] ПСЗ. Собр. 3-е. 1886. т. VI. № 3803.

[51] Там же.

теру производства предприятий. Возникшие в дореформенный период фабрики и заводы медленно и робко перестраивались в техническом отношении, а созданные в 1900—1914 гг. строились на уровне развития техники в данной отрасли (речь идет о заведениях фабрично-заводской промышленности).

Так, несмотря на финансовую реорганизацию, получение миллионных заказов казны на тяжелую артиллерию, условия труда рабочих на крупнейшем предприятии страны — Путиловском заводе — оставались крайне тягостными, что вызывало огромную текучесть рабочей силы, в результате которой увольнялось с завода до десятка рабочих в день. Еще к началу промышленного подъема 1909—1913 гг. металлургический отдел, работавший по старинке, «на мускульной силе, на грыже», уже не мог удовлетворять растущих потребностей всех других отделов завода.[52] Скверными были не только условия труда, но и его организация. Поэтому люди были вынуждены постоянно отрываться от дела: «Ничего не было под руками. За напильником надо было бегать в инструментальную и там полчаса вымаливать его у заведующего. Чтобы согреть работу, приходилось бегать в кузницу и там дожидаться очереди. Материал выдавался в обрез, и часто приходилось рыскать по всей мастерской и выпрашивать кусочек железа... погонщики-мастера да старшие, грубые, с кабацким ругательством на устах, черствые и жестокие, — только и делали, что отбивали охоту к труду».[53]

Мастерские были и на Путиловском, и на других фабриках и заводах столицы сырыми, грязными, полутемными, с крайне узкими проходами, загроможденные оборудованием, движущиеся и вращающиеся машинные части чаще всего не были ограждены.[54] Это вызывало на предприятиях, использующих механизмы, как будет показано ниже, огромное число несчастных случаев. Такие же условия труда были и на других металлообрабатывающих и машиностроительных предприятиях России. Так, на Пермском пушечном казенном заводе (Мотовилиха), где в 1913 г. было занято до 7.5 тыс. человек, не соблюдалось самых элементарных правил техники безопасности, что приводило к огромному числу несчастных случаев, тяжелым профессиональным заболеваниям.[55]

8 августа 1909 г. в книге для записи результатов ревизии фабрики товарищества латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина фабричной инспекцией была произведена запись о том, что на предприятиях товарищества нарушены правила об ограждении машин, приставные лестницы не имеют железных

---

[52] Мительман М., Глебов В., Ульянский А. История Путиловского завода 1801—1917. 3-е изд. М., 1961, с. 357.

[53] Свирский А. И. Записки рабочего. 5-е изд. М.; Л., 1925, с. 61.

[54] Борисов Г., Васильев С. Станкостроительный имени Свердлова. Л., 1962, с. 49.

[55] Слово о Мотовилихе. Пермь, 1974, с. 287.

шипов, на кранах нет надписи о предельной нагрузке, в стародавильном корпусе подъемные машины ограждены не на достаточную высоту (надо 3 арш.), а в этом же цехе на щеточных станках не работает вентиляция и т. д. Серьезные недостатки были обнаружены в котельной.[56]

Правда, что бывало, впрочем, довольно редко, на некоторых предприятиях и условия производства, и состав рабочих заставляли предпринимателей создавать для них более или менее сносные условия труда. Часто это диктовалось условиями найма, например, заграничных рабочих. Так, на заводе о-ва «Сименс и Гальске», по воспоминаниям рабочего С. Канатчикова, к 1900 г. трудились кадровые рабочие высокой квалификации, грамотные, не связанные с деревней, а также иностранцы: немцы, шведы. Рабочие здесь не подвергались унизительному обыску, на время работы они переодевались в рабочие блузы, имели шкафчики для верхнего белья, умывальники с мылом и концами тряпок для вытирания рук. Даже на столичных предприятиях начала XX в. «эти внешние условия служили большим притяжением для рабочих».[57]

Капиталистическая промышленность эпохи империализма, особенно в период кризиса и депрессии, широко вовлекала женщин в производство. Женщины в начале XX в. трудились в таких ранее чисто мужских отраслях промышленного производства, как обработка металлов и машиностроение, электротехническая, полиграфическая и др.

Несмотря на одинаковую продолжительность рабочего дня и производительность труда, заработок женщин почти в 2 раза уступал заработку мужчин, особенно на текстильных, конфетных, резиновых, табачных предприятиях и в типографиях. К тому же господствующие классы, в частности, предприниматели России, из-за обилия резервной армии труда полностью игнорировали охрану труда женщин-работниц. В ряде капиталистических стран уже учитывалось, что от условий труда женщины-работницы зависит здоровье будущего поколения рабочих. В Швейцарии, например, еще в 1887 г. был издан закон, по которому за 2 нед до родов и в течение 6 нед после родов фабричной работнице полагался отдых. Такой же закон, снизивший смертность детей, ввели Швеция, Германия, Норвегия и еще ряд капиталистических стран. Кроме того, в Германии и Австрии, на основе обязательного страхования рабочих от болезней, роженицы получали 50—60% заработной платы.[58]

---

[56] ЦГА г. Москвы, ф. 385 Т-ва латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина, оп. 1, д. 119, 1909. — Переписка с фабричным инспектором..., л. 13—15.

[57] Канатчиков С. Из истории моего бытия. М., 1932, с. 144—145.

[58] К вопросу о борьбе с детской смертностью. Доклад д-ра О. А. Шестаковой. — В кн.: Тр. 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10—16 декабря 1908 г. Спб., 1908, с. 75.

В России не существовало законов, охраняющих беременную женщину-работницу. Она трудилась до последнего часа, и даже во время родов ей не всегда обеспечивалась медицинская помощь. Острая необходимость в родильных домах ощущалась даже в Петербурге. В результате в фабричных районах России смертность детей до 3 лет достигала 54%, а из большинства остальных детей вырастал особый тип «фабричных» — слабосильных, отсталых в развитии и дающих высокий процент отсрочек для отбывания воинской повинности — результат тяжелого труда и отсутствия отдыха у матерей во время беременности, в особенности на фабриках и заводах.

Как отмечалось в демократической печати, вопрос о детской смертности становился вопросом общественной важности. Это было связано с голоданием трудящегося населения в дореволюционной России, где неурожаи были постоянным явлением: 32% населения питалось более или менее сносно, а 52.7% недоедало. В связи с такими огромными народными бедствиями, как голодовки, эпидемии, безработица, материальное положение и здоровье подавляющего большинства населения были плохими. В результате в Европейской России в рассматриваемый период ежегодно в младенческом возрасте умирало до 1 200 000 детей.[59]

I Всероссийский женский съезд при Русском женском обществе в Петербурге, рабочая группа которого решительно шла за большевиками,[60] основываясь на огромном материале об условиях труда и положении в целом работниц России, изложенном в докладе II секции («Экономическое положение женщин и вопросы этики в семье и обществе»), разработал «Проект резолюции о женском труде на фабриках».[61] В резолюции отмечалось, что введение машин на производстве и прогресс техники отчасти способствовали росту применения женского труда. Однако неудовлетворительные экономические условия жизни рабочих и скверные условия труда привели к тому, что смертность детей фабрично-заводских рабочих стала выше общероссийской: из 100 родившихся детей рабочих умирало 59—64. Причина: плохой уход за детьми в связи с занятостью матери на работе, недостаточное питание ребенка и матери.

Исходя из сказанного выше, II секция съезда постановила обратить особое внимание на охрану жизни и здоровья женщин-работниц и добиваться всюду, где только возможно, чтобы в законодательном порядке:

1) допускать женщин к труду не ранее 18 лет;

---

[59] Там же, с. 72—73.

[60] См.: Кац Н. И. Рабочие группы на всероссийских легальных съездах (1907—1910). — История СССР, 1966, № 5, с. 94—95.

[61] Текст резолюции опубликован в кн.: Тр. 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10—16 декабря 1908 г., с. 388—389.

2) не допускать ночных и сверхурочных работ для женщин;
3) не допускать женщин к подземным работам;
4) не допускать женского труда во вредных для организма производствах;
5) бороться за 8-часовой рабочий день;
6) освобождать женщин от труда за 4 нед до родов, на 6 нед после родов;
7) отпускать кормящих работниц через известные промежутки времени для кормления грудных детей в отведенные для этого на фабрике особые помещения;
8) устраивать для грудных детей на предприятиях приюты-ясли и бесплатную акушерскую и медицинскую помощь для женщин;
9) ввести обязательное государственное страхование всех видов и категорий женского труда;
10) организовать статистику труда с участием профессиональных организаций рабочих;
11) увеличить число фабричных инспекторов, ввести женскую фабричную инспекцию;
12) для проведения мер к охранению здоровья женщин избирать самих женщин.

Труд на предприятиях в отвратительных производственных условиях был для женщин тяжел и вреден. Особенно много их трудилось на текстильных предприятиях, где, как, впрочем, и в других отраслях, случаи освобождения работниц до и после родов с сохранением содержания были крайне редким явлением и имели место лишь на двух предприятиях: С. Морозова в Орехове-Зуеве и бр. Леонтьевых в Петербурге. От пыли, жары, влажного воздуха на текстильных предприятиях женщины заболевали туберкулезом. Так как хозяева предприятий строили многоэтажные корпуса, полы сотрясались от работы станков и механизмов, что вызывало потерю чувства равновесия, головокружение, неврастению. От шума ткацких станков работницы глохли. На аппретурно-красильных фабриках температура воздуха достигала 45°, он был пропитан одуряющими испарениями. Краска впитывалась в тело, кожа слезала, зубы крошились. Чтобы не отравиться черным анилином, рабочие ежедневно принимали противоядие.[62]

На фабриках т-ва «Треугольник» запахом резины пропитывалась не только одежда работниц, но и они сами, их кожа, волосы. Дети отказывались брать грудь матери и погибали от голода.[63]

Общеизвестны массовые отравления работниц на «Треугольнике», рижском «Проводнике», ряде табачных фабрик в марте

---

[62] Кириллова Н. А. Женщина-работница в крупной промышленности. — В кн.: Тр. 1-го Всероссийского женского съезда..., с. 20.
[63] Там же.

1914 г. Причиной послужило применение дешевого, но вредного для здоровья рабочих клея. В знак протеста против произвола промышленников с 17 по 20 марта, по данным «Правды», в столице бастовали 156 030 рабочих.[64] Петербургский пролетариат поддержали рабочие Москвы и Риги. Общество заводчиков и фабрикантов объявило локаут наиболее сознательной и революционной части пролетариата столицы — рабочим заводов Путиловского и Невского, заводов бывш. Парвиайнен, Барановского, «Л. Нобель», «Лесснер», «Феникс», бывш. Розенкранца, «Сименс-Шуккерт» и др.[65]

Особенно опасными были условия труда на спичечных фабриках. Поработав некоторое время на предприятии, рабочие начинали ощущать зубную боль, которая с течением времени становилась нестерпимой. Боль не прекращалась и после удаления зубов, так как отравленная атмосфера предприятий, по свидетельству врачей, вызывала воспаление надкостницы и гниение челюстей. Мало того, постепенно все кости размягчались и ломались от самых незначительных причин. Поэтому окрестное население называло рабочих спичечных фабрик «глиняными людьми».[66]

Не менее опасным для жизни был труд на химических предприятиях. Условия труда в них оставались допотопными. На Охтинских казенных пороховых заводах, например, в мастерских по производству кислот рабочие через 10 лет после начала трудовой деятельности погибали от общего истощения организма и заболеваний.[67]

В стране насчитывалось большое число предприятий по производству обуви. Труд обувщиков оплачивался особенно низко, а рабочий день был предельно длинным. Можно себе представить, какие условия труда царили на этих предприятиях, особенно средних и мелких, если даже на крупнейшем из них — предприятиях т-ва «Скороход» в столице — условия труда в цехах были каторжными: «Полы никогда не мыли, стены не белили, вентиляции не было. Все помещения загромождали вагончики для обуви, грохотали трансмиссии. У верстаков — мусор, под ногами хрустел текс и вкалывался в подошвы ботинок».[68]

На казенной Карточной фабрике 75% рабочих составляли женщины. От газового освещения, резки, бракировки и подборки и особенно граверных работ сильно страдало зрение. От наличия

---

[64] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.; Л., 1961, с. 296. (Подсчеты автора).

[65] Там же, с. 297.

[66] Кириллова Н. А. Женщина-работница в крупной промышленности, с. 296—297.

[67] Охтинский химический комбинат. 1915—1965. Очерки, документы, воспоминания. Л., 1965, с. 75—77, 84—86.

[68] История Ленинградской государственной ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрики «Скороход» им. Я. Калинина. Л., 1969, с. 85.

талька в воздухе и 32-градусной жары работницы болели малокровием и туберкулезом.[69]

Владельцы горнозаводских и горных предприятий России также не заботились об улучшении условий труда рабочих. На металлургических заводах, построенных в 90-е гг., часто устанавливалось устаревшее оборудование по старым проектам, не предусматривавшим элементарных правил безопасности для рабочих, что приводило к большому числу несчастных случаев. Известный русский ученый-металлург М. А. Павлов при обследовании Дружковского и Таганрогского заводов выяснил, что ручной труд применялся в самых трудоемких и опасных для жизни производственных процессах.[70]

Условия труда в горной промышленности в течение 1900—1914 гг. почти не менялись, не менялся и профессиональный состав горнопромышленных рабочих. По мнению С. Г. Струмилина, механизация и рост энерговооруженности в этой отрасли, прежде всего в угольной, происходили на транспорте (в перевозке угля), в вентиляции шахт, водоотливных сооружениях, подъеме добытого угля на поверхность, а «подземные работы по добыче производились все время по старинке, вручную... При углублении шахты, удлинении подземных работ и галерей, с расширением работ по проходке и креплению ходов, выемке пустой породы и закладке использованных выработок подземные работы на единицу полезной добычи могли лишь возрастать. И, поскольку механизация подъема и водоотлива уравновешивала все же этот прирост и, таким образом, препятствовала снижению общего индекса производительности живого труда, она уже делала свое дело».[71] В условиях сохранения ручного труда производительность труда шахтера в угольной промышленности России в 1900—1914 гг. не возрастала.[72]

Труд основного отряда горняков — подземных рабочих на угольных шахтах от забойщика до откатчика угля — производился примитивным, первобытным способом с помощью кайла, лопаты, санок при предельном напряжении физических сил. Редко, лишь в случае залегания мощных пластов угля, забойщик мог работать стоя, а чаще — скорчившись или лежа, настолько тесными были выработки. При плохой вентиляции люди задыхались от угольной пыли и отсутствия свежего воздуха. Большую опасность представляли «газовые» рудники, в которых при малейшей неосторожности с огнем происходили взрывы. От них

---

[69] Полтора века. Очерки, документы, воспоминания, материалы. Л., 1969, с. 42—43.

[70] Максимов А. М. На баррикадах. Донецк, 1973, с. 18.

[71] Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. М.; Л., 1935, с. 242.

[72] В 1903 г. один рабочий Донбасса добывал 152 т угля в год, в 1904 — 157, в 1912 — 152, в 1913 г. — 150 т; Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, с. 165.

почти ежедневно гибли шахтеры. Страдали рабочие от недостаточной освещенности рабочих мест, сырости. Хроническими болезнями шахтеров были туберкулез, ревматизм, заболевания глаз.[73]

Правда, и в угольной промышленности Юга России постепенно росло число рабочих, обслуживавших машины, а в 1900 — 1913 гг. и подземные работы начали механизироваться: появились врубовые машины и перфораторы.[74]

Как отмечают исследователи истории рабочих Сибири, условия труда сибирских рабочих в период империализма были необычайно тяжелыми. Труд горнорабочих не был механизирован, люди работали кайлом и лопатой. Отсутствовала охрана труда, что приводило к частым производственным травмам.[75]

Об условиях труда золотопромышленных рабочих Ленских золотых приисков (далее — «Лензолото») в докладе сенатору С. С. Манухину иркутский генерал-губернатор Бантыш в 1912 г. сообщал, что воздух в холодных, темных, старых шахтах и просечках спертый, бегущая по канавкам холодная вода пронизывает рабочего. В таких случаях рабочий трудился 10—11 ч в сутки.

В связи с забастовкой ленских шахтеров в 1912 г. врач Д. Л. Зейлигер установил, что в результате общих условий труда на производстве горняк, работая без отдыха, теряет трудоспособность уже через 2—3 года.[76]

Роста добычи угля и железной руды добивались за счет увеличения числа горняков и их усиленной эксплуатации, приносившей большие прибыли. Так, помещик Карпов начал разведку угольных месторождений в 70-х гг. XIX в. с капиталом 4 тыс. руб. В 90-е гг. его каменноугольный рудник оценивался в 8 млн. руб.[77]

Опубликовано много документов, свидетельствующих о крайне тяжелых антисанитарных условиях труда бакинских рабочих как на нефтяных промыслах, так и на фабрично-заводских предприятиях. Но лучше всего об этом писали сами рабочие. В относящемся к 1909 г. бюджетном обследовании бакинских рабочих, произведенном А. М. Стопани, помещены примечания рабочих о самих себе, придающие бюджетному материалу особую убедительность.

О гигиенических условиях своего труда бакинские нефтепромышленные рабочие писали: «Работа на промыслах тяжелая и грязная — все время в нефти и грязи», «от работы глаза забо-

---

[73] Иванов. Положение донецких углекопов. — Звезда, 1912, 23 февраля.

[74] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913 гг.). Ростов н/Д., 1971, с. 57.

[75] Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1972, с. 163.

[76] Овсянникова Н. Д. Заболеваемость, производственный травматизм рабочих и медицинское обслуживание на золотых приисках Урала и Сибири в конце XIX—начале XX в. — Сибирский исторический сборник, Иркутск, 1974, вып. 2, с. 16, 24.

[77] Горнозаводской листок, 1909, № 123—124, с. 12016.

лели и болят сильно ноги». В фабрично-заводских предприятиях и мастерских «санитарные условия, при которых приходится работать рабочему, совершенно невозможны; помещения темны, что отражается на зрении, холодны, грязны». Или: «Другой, после жилищного, не менее жгучий вопрос у бакинского рабочего — это не менее убийственные условия (гигиенич[еские]) в мастерской и заводах». Рабочий-котельщик писал: «Условие котельной работы — это одно из тягчайших физических мучений: летом жара, зной солнца, а зимою — слякоть, непогода. Кроме того, масса калек и увечных — по большей части из котельщиков».[78]

На окраинах Российской империи горные предприятия чаще всего принадлежали иностранному капиталу. В целом же в этих районах (Казахстан, Средняя Азия и др.) и в промышленности царская администрация проводила колонизаторскую политику расовой дискриминации. Местных рабочих-казахов ставили по сравнению с русскими, не говоря уже об иностранных рабочих, в худшее положение: их труд оплачивался ниже, рабочий день был более продолжительным, господствовали экстенсивные формы труда, охрана труда отсутствовала, что приводило к массовым несчастным случаям и гибели рабочих. Квалифицированные рабочие составляли среди рабочих-казахов, например, всего 7%.[79]

Антигигиенические и по другим причинам невыносимые условия труда были в 1900—1914 гг. повсеместным явлением и на предприятиях Туркестана. 12 декабря 1909 г. газета «Туркестанский курьер» писала об условиях труда на одном из хлопкоочистительных предприятий: «В заводском здании пылища всегда держится в воздухе невообразимая; на все здание завода имеется 3—4 штуки висячих фонарей с огарками свечей, и это считается освещением; рабочие вследствие этого по всему заводу ходят с клочком ваты в зубах для фильтрации вдыхаемого пыльного воздуха».[80]

Особенно тяжелы были условия труда категорий рабочих, обойденных законодательством о труде и не подведомственных надзору фабричной инспекции: судорабочих, рабочих в мелкой промышленности, батраков.

Матросы на судах дежурили по 12 ч в смену, но и затем они не имели права на более чем 2-часовой отдых подряд, так как на каждой пристани во время погрузки, перегрузки, отлива воды, приема дров, переводки судов, согласно условиям о найме, работала вся команда. Работали бегом, без передышки, чтобы уложиться во время стоянки судна.[81] К концу навигации, за 5—6 мес такой каторжной, почти круглосуточной, работы большинство матросов из сильных и здоровых мужчин превращались в вялых

---

[78] Степани А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. 2-е изд. М., 1924, с. 108.

[79] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, т. I, с. 531.

[80] История рабочего класса Узбекистана. Ташкент, 1965, т. II, с. 34—36.

[81] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 33.

и слабых, неспособных к активным действиям даже в случае пожара на судне.[82]

Судоходство на Волге, по Мариинской системе и на ряде других рек было сильно развито. Достаточно вспомнить, что в 1901 г., например, за полугодовой период навигации в Европейской России на судах и плотах было перевезено более 2 млрд. пуд. груза, а по железным дорогам за весь 1901 г. — около 4 млрд. пуд., т. е. равное количество.[83] Но в то время как железные дороги для погрузки и выгрузки частично уже использовали механические приспособления, судовладельцы — лишь мускульную силу грузчиков, обходившуюся им баснословно дешево.[84] В течение всего периода навигации грузчик за 14—18 ч в день переносил на спине огромные тюки 15—16 пуд. весом, что вызывало огромное число несчастных случаев и заболеваний. Поэтому в течение всего рассматриваемого периода от Нижнего до Астрахани среди грузчиков нельзя было встретить не только стариков, но даже людей от 40 до 45 лет.[85]

Массовые увечья и несчастные случаи с грузчиками вызывали протесты в демократической печати, множество гневных писем в Отдел торговли Министерства торговли и промышленности. В связи с этим 20 июля 1905 г. Отдел торговли издал для биржевых комитетов России циркуляр № 5418 о запрещении переноски на плечах грузов, если ее можно заменить механическим приспособлением. Для одного грузчика или матроса устанавливалась предельная норма переноски тяжестей: на хлебные грузы — не более 9 пуд. 1 место; на другие негромоздкие — 8 пуд., громоздкие — 6 пуд. Предписывалось предупредить фабричные и заводские предприятия о том, чтобы одно место груза не превышало указанного веса.[86]

К транспортным рабочим относятся и извозчики, перевозившие пассажиров («легковые») и грузы («ломовые», или биндюжники). Условия труда и тех, и других были, если учесть к тому же 17—18-часовой рабочий день, невероятно тяжелыми. Ломовые извозчики работали сразу на двух лошадях, уход за которыми также входил в их обязанность. Грузить приходилось сразу по 50—100 пуд. на 1 подводу. На вокзалах или пристанях кладь разгружалась и погружалась другая. Таких нагрузок—выгрузок бывало

---

[82] Чирков А. В. Грузчики. — В кн.: Сб. отчетов и докладов врачей санитарного надзора на рр. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1903 г. Спб., 1904, с. 154, 159 и др.

[83] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 33—43.

[84] Обычная попудная расценка за 1000 пуд. груза составляла 5—7 руб.

[85] Северянин. Еще о тружениках рек. — Русские ведомости, 1904, 21 июня.

[86] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 433, 1905—1906. — Об облегчении труда грузчиков на волжских пристанях, л. 1—2.

до 3—4 в день, так что каждому извозчику ежедневно приходилось разгружать и погружать до 300—400 пуд. груза.[87]

Положение занятых в мелкой промышленности рабочих даже по сравнению с чрезвычайно тяжелыми условиями труда фабрично-заводского и горнозаводского пролетариата всегда было особенно тяжелым из-за гибельной для многих ее отраслей конкуренции крупной фабрично-заводской промышленности. В семье кустаря и ремесленника очень рано начинали трудиться дети (с 5—6 лет), большая нагрузка ложилась на плечи стариков, женщин и даже инвалидов.[88] Из-за чрезмерно продолжительного рабочего дня среди рабочих мелкой промышленности грамотных было меньше, чем среди рабочих других категорий. Непосильный труд накладывал свой отпечаток на физическое и умственное развитие детей: из-за антигигиенических условий труда их физическое развитие было значительно худшим, чем у детей состоятельных родителей.[89]

Самыми тяжелыми, пожалуй, были условия труда сельскохозяйственных наемных рабочих. Выше сообщалось о чрезвычайно жестоких условиях договора о найме этой группы рабочих и в 1900—1914 гг. основывавшихся еще на Положении о найме 1886 г. Единственными орудиями труда чаще всего являлись руки рабочих, рабочий день не регламентировался, пища была недоброкачественной, глумление и издевательства над рабочими и особенно работницами со стороны помещиков принимали самые необузданные формы. Как видно из заявления 33 депутатов в Государственную думу о положении сельскохозяйственных рабочих, в поместье одного из князей женщин и девушек, чтобы они не ели собираемые ягоды, заставляли работать в намордниках.[90]

В период империализма действовали карательные меры, установленные против сельскохозяйственных рабочих еще в 1883 г. «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Так, если сельский рабочий не являлся, согласно договорному листу, в указанный срок на работу или самовольно покидал ее, он подвергался аресту. За всякие другие нарушения договора о найме рабочий также подвергался наказаниям, начиная от арестов на различные сроки и кончая каторжными работами.[91]

В начале 1906 г. был разработан и 26 апреля издан специальный закон, направленный против сельскохозяйственных наемных рабочих. За основу был взят печально известный царский указ

---

[87] Серебрянников Г. Как живут биндюжники. — Звезда, 1911, 29 октября.

[88] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 443.

[89] Рыбников А. А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913, с. 71.

[90] Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975, с. 334.

[91] Свод Законов..., 1883, т. XV.

от 2 декабря 1905 г. «О наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных». Более того, при обсуждении законопроекта в Государственном совете было заявлено, что карать за забастовку в данном случае надо еще жестче, поскольку сельское хозяйство является главным источником народного благосостояния и процветания государства.

Закон 26 апреля 1906 г. защищал прежде всего интересы помещиков и носил ярко выраженный классовый характер. По закону виновные в организации стачки сельские рабочие подвергались заключению на срок от 2 до 8 мес; в случае угроз и насилий со стороны стачечников срок увеличивался от 4 мес до 1 г. 4 мес. Такими же суровыми были и остальные статьи закона.[92]

Издание закона 26 апреля вызвало возмущение передовой общественности и резкую критику со стороны социал-демократов и части трудовиков. В июне 1906 г. 33 члена Государственной думы — депутаты от названных партий — представили на имя председателя Думы запрос с требованием об отмене этого закона, так как стачки сельских рабочих вызваны невероятно тяжелыми условиями их труда.[93]

Как ясно из вышеизложенного, рабочий в капиталистической промышленности трудился в тяжелейших условиях, вызывавших большое число несчастных случаев и профессиональных заболеваний. Даже на крупнейших предприятиях России, основанных в 90-х гг. XIX в. и в начале XX в., оборудование и станки ставились крайне тесно, предохранительные сетки при двигателях отсутствовали, колеса, поршни не были защищены предохранительными футлярами и т. д. Из-за плохих условий труда рабочие травились свинцом, ртутью, мышьяком, фосфором, бензином, анилином и т. д. и заболевали профессиональными болезнями.

Царское правительство и капиталисты не принимали никаких мер для охраны труда рабочих. Достаточно отметить, что в российском фабрично-заводском законодательстве не существовало постановлений и правил об охране труда. Правда, в 1886 г. были изданы «Правила о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности», возлагавшие на созданные в том же году местные по фабричным делам присутствия издание обязательных постановлений о мерах для охраны жизни и здоровья рабочих во время работ. Однако из 56 существовавших тогда местных присутствий обязательные постановления были приняты лишь 32, причем и они страдали серьезными недостатками.[94] В связи с этим Министерство финансов возложило издание общих правил об охране труда на учрежденное в 1899 г. Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. Оно неоднократно состав-

---

[92] Дубровский С. М. Указ. соч., с. 337—338.
[93] Там же, с. 340.
[94] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 17, д. 540, л. 418.

ляло проекты общих правил о безопасности работ в промышленных заведениях, но ни один из этих проектов не стал законом.

В. П. Литвинов-Фалинский в 1900 г. писал о постановке охраны труда в России: «К сожалению, наше законодательство уделяет этому вопросу слишком малое внимание и для охраны жизни и здоровья рабочих у нас почти ничего не сделано».[95] Другой крупный чиновник Министерства торговли и промышленности А. Н. Быков в 1909 г. в книге, посвященной фабрично-заводскому законодательству в России, писал, что в Уст. о пром. нет статей об охране жизни и здоровья рабочих, что охрана труда рабочих — самая слабая сторона русского законодательства. В Горн. уст. имелись статьи 715—717, 721, 722, 729, 733, согласно которым управление предприятием обязано извещать правительственный надзор о начале каждой подземной разработки, а органы надзора должны были контролировать условия работ и обращать внимание предпринимателей на недостатки. После катастрофы в Юзовке в 1908 г. на Рыковских рудниках была издана специальная инструкция министра торговли и промышленности об охране труда шахтеров.[96] Однако именно в горной промышленности происходило более всего несчастных случаев, что свидетельствовало о неблагополучии с охраной труда в этой отрасли.

Только в 1911 г. Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности разработал проект «Правил о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности». Большевистская легальная газета «Звезда» доводила до сведения рабочих, что проект «Правил» был разослан на заключение заинтересованных лиц и общественных учреждений. Однако ни рабочим, ни их союзам проект «Правил» на заключение послан не был, так как, с чиновничьей точки зрения, рабочие вовсе не являлись компетентными судьями в вопросе о том, приемлемы или неприемлемы правила безопасности, а рабочие союзы, по мнению предпринимателей, являлись не общественными учреждениями, а «скопищами смутьянов».[97]

«Правила» были изданы Главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием 19 февраля 1913 г. и утверждены министром торговли и промышленности 31 марта 1913 г.[98]

Издание «Правил», однако, не означало, что все их статьи капиталисты немедленно должны были вводить в действие. С 1 июля 1913 г. их должны были в полном составе ввести в действие владельцы вновь строившихся заведений, а на всех действовавших предприятиях вводились в действие лишь 56 второсте-

---

[95] Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, с. 209.

[96] Быков А. Н. Фабричное законодательство и его развитие в России, с. 202, 207.

[97] Полетаев Н. Г. Важный вопрос. — Звезда, 1911, 23 октября.

[98] Собр. узаконений, 1913, с. 1515.

пенных, легко выполнимых условий. Остальные (более 50) главные статьи «Правил», определявшие основу безопасности работ, как например увеличение проходов между машинами, ограждение машин, об устройстве котельной и даже обеспечение чистоты воздуха искусственной вентиляцией и др., должны были вводиться предпринимателями лишь с 1 июля 1916 г. Поэтому Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие на заседании 13—14 марта 1912 г. было вынуждено признать, что «отсутствие общих правил по охране промышленного труда приводит к крайне неудовлетворительной постановке этой важной стороны фабрично-заводского благоустройства».[99] Действительно, в своих самых существенных частях «Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности» так и не были введены в действие на фабрично-заводских предприятиях России.

3. Производственный травматизм

Из-за отсутствия мер по охране труда в промышленности дореволюционной России число рабочих, подвергшихся увечьям, было исключительно велико. В рабочей большевистской печати справедливо отмечалось, что число увечных рабочих было больше числа убитых и раненых во время войны.[100] Кроме того, труд подавляющей части рабочих оплачивался ниже его стоимости, организм рабочего изнашивался необычайно интенсивно. К 40 годам рабочий становился инвалидом и выбрасывался за ворота предприятия. Особенно ярко этот процесс социального убийства рабочего капиталистической промышленностью России был виден на примере петербургской промышленности с наиболее высокой интенсификацией труда. Если в промышленности Европейской России к концу XIX в., согласно переписи 1897 г., насчитывалось около 20% рабочих старше 40 лет, то в промышленности Петербурга — 15%.[101]

Табл. 5 дает представление о размерах производственного травматизма на крупных фабрично-заводских предприятиях России, подведомственных надзору фабричной инспекции, в период с 1904 по 1911 г.[102]

Здесь приводится число несчастных случаев со времени введения в действие закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев, что вполне право-

---

[99] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 17, д. 540, л. 418.

[100] Полетаев Н. Г. Важный вопрос. — Звезда, 1911, 5 ноября.

[101] Подсчеты см.: Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. — Зап. [Императорского] Русского технического общества (далее — ИРТО), 1909, № 2, с. 58.

[102] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним. — Отдельный оттиск из кн. «Охрана труда в промышленных предприятиях»/ Под ред. А. А. Пресса. Спб., 1913, с. 24.

Таблица 5

Год	Под надзором фабричной инспекции		Всего несчастных случаев	Число заявленных несчастных случаев на 1000 рабочих
	заведений	рабочих		
1904	14 701	1 663 080	69 697	41.9
1905	14 736	1 693 323	71 345	42.1
1906	14 190	1 723 177	78 734	45.8
1907	14 801	1 808 679	84 358	46.6
1908	14 985	1 808 109	76 409	42.3
1909	14 710	1 831 396	70 999	38.8
1910	14 721	1 951 955	77 608	39.8
1911	16 600	2 051 198	86 745	42.3

мерно, так как только с этого времени началась их более или менее полная регистрация фабричными инспекторами. С 1912 г. вознаграждение при несчастных случаях изменяется в связи с провозглашением страховых законов.

Общее число несчастных случаев, о которых сообщалось фабричной инспекцией, ежегодно колебалось от 70 до 87 тыс.[103] Наибольшее число их падало на годы Первой буржуазно-демократической революции, когда возросла точность их учета. Падение числа заявленных случаев в 1909—1910 гг. объясняется кризисным положением дел в наиболее опасной для жизни рабочих отрасли промышленности — металлообрабатывающей и машиностроительной.

Не все представленные сведения, сообщалось в названном издании Отдела промышленности, подготовленном А. Н. Быковым, могли быть детально обработаны. Актами соглашений предпринимателей с увечными рабочими (или их семьями в случае смерти кормильца) за время действия закона 1903 г. «закрывались» от 67.9 до 81% дел по несчастным случаям. Остальные 25% несчастных случаев примерно в таких же соотношениях (на 68—80%) ликвидировались согласно судебным приговорам или частным соглашениям с предпринимателями.[104]

А. Н. Быков отмечал, что средний размер пенсий, выплачиваемый семьям погибших от несчастных случаев рабочих, по от-

---

[103] В 1895 г., на основании высочайше утвержденного 14 марта 1894 г. мнения Государственного совета и ст. 40 изданного согласно этому закону наказа чинам фабричной инспекции, последние могли требовать от владельцев промышленных заведений ведения с 1 июля 1895 г. книги для записи несчастных случаев. Согласно наказу, предприниматель был обязан не позже следующего дня сообщать о них фабричному инспектору. За 1901 г., например, фабричным инспекторам было заявлено о несчастных случаях с 24 744 лицами, в 1902 — 25 847, в 1903 г. — 31 319. См.: Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за 1903 г. Спб., 1906, с. 1.

[104] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры..., с. 26.

дельным годам — с 1904 по 1911 — составлял 44.2—49.6% заработка потерпевших, т. е. от 119.1 до 155.4 руб. Полная постоянная утрата способности к труду оплачивалась в размере 65—67% от заработка рабочего, частичная (постоянная) — от 7.8 до 10.2% заработка.[105]

На первом месте по числу увечных рабочих стояла горная (минеральное топливо, каменная соль, железная руда) и горнозаводская (доменные и передельные заводы) промышленность. За 5 лет (1904—1908 гг.) ежегодно число пострадавших росло, причем выбывала почти треть рабочих.

Приведем по годам число горных и горнозаводских рабочих Южной России и число пострадавших: [106]

Год	Всего рабочих	Пострадавших
1904	141 882	51 206
1905	148 345	57 246
1906	157 959	61 911
1907	183 776	65 799
1908	199 303	60 481

Армия пострадавших рабочих Юга России в горной и горнозаводской отраслях промышленности за 1904—1908 гг. достигла около 300 тыс., причем из года в год число случаев со смертельным исходом возрастало, составляя 246 человек на тысячу в 1904 г., 337 — в 1905, 276 — в 1906, 370 — в 1908 и 711 случаев — в 1908 г.[107] Из остальных пострадавших в течение 1904—1908 гг. рабочих 250 полностью потеряли трудоспособность, 18 128 — частично.

В целом же по горной и горнозаводской промышленности России даже в эти годы депрессии в промышленности в целом число пострадавших на 1000 рабочих было очень большим. В 1904 г. оно составляло 347, в 1905 — 391, в 1906 — 383, в 1907 — 384, в 1908 — 316 человек горных и горнозаводских рабочих, причем убитые и умершие от ран были мужчины молодого и зрелого возраста 27—31 года.[108]

Приведенные выше данные о производственном травматизме в горной и горнозаводской промышленности Юга России за 1904—1908 гг. можно дополнить имеющимися данными о промышленном травматизме на остальных заводах и промыслах трех гор-

---

[105] Там же, с. 26.

[106] Статистическое бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России. Статистика несчастных случаев с рабочими горной и горнозаводской промышленности Южной России за 1904—1908 гг. Харьков, 1910, с. IV. По свидетельству А. Н. Быкова, последние полные данные получены за 1907 г. См.: Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры..., с. 29.

[107] Там же.

[108] Там же, с. V. В основном это были кадровые квалифицированные рабочие со средним заработком от 267 р. 72 к. в 1904 г. до 351 р. 63 к. — в 1908 г.

ных управлений (Томского, Южной России и Юго-Восточной России) и семи округов, подчиненных непосредственно Горному департаменту (Петербургского, Московского, Северо-Западного, Нижегородского, Калужско-Смоленского, Туркестанского и Закаспийского) за 1911 г.[109]

Данные за 1911 г. имеются о 279 506 рабочих. За год среди них произошло 51 360 несчастных случаев, т. е. на 100 рабочих приходилось 184 травмы. Число несчастных случаев со смертельных исходом составляло 485, а на 1000 рабочих — 1.7. Кроме того, в 1911 г. навсегда потеряли трудоспособность в результате несчастных случаев 86 человек.[110]

Анализируя данные о производственном травматизме в горной и горнозаводской отраслях, чиновник Отдела промышленности делает вывод о том, что цифры о травматизме в этой отрасли свидетельствуют «о крайней опасности горных промыслов, дающих очень большое число несчастных случаев и очень высокий процент тяжелых повреждений».[111]

Историю развития только одной русской каменноугольной промышленности газета «Звезда» называла рядом «кровавых этапов, рядом человеческих жертв богу-капиталу».[112] 18 июня 1908 г. на шахте № 4-бис Рыковского рудника (Донецкий бассейн) произошла катастрофа с 274 жертвами. В 1909 г. произошел взрыв гремучего газа на шахте «Итальянка», в результате которого погибло 20 человек; ежегодно происходило большое число мелких взрывов из-за плохой вентиляции на шахтах. Исследовавший страшную Рыковскую катастрофу проф. Бокий отмечал, что правительственный горный надзор осуществляется формально, а указания о ликвидации упущений не проверяются. Ни правительство, ни капиталисты не защищают жизнь рабочих, их интересы. Приведя эти данные, «Звезда» делала вывод, что единственно разумным в подобной обстановке был бы контроль самих рабочих над условиями их труда, а задача строительства рабочих организаций является для пролетариата вопросом жизненно важным.[113]

Огромных размеров достигло число несчастных случаев на золотых приисках Сибири. Так, в 1904 г. из 37 384 рабочих 10 горных округов несчастные случаи (профессиональные травмы, ушибы, раны и др.) имели место у 514, т. е. пострадало около 1.4% учтенных горнорабочих. В 1909 г., несмотря на сокращение в некоторых горных округах числа рабочих (в целом оно в 9 округах составляло 34 215 человек), количество несчастных случаев возросло до 516, т. е. пострадали 1.5% рабочих.

---

[109] К сожалению, эти сведения не охватывают всей России, но так как в перечисленные горные управления входят крупнейшие в стране каменноугольные копи, то имеющиеся данные весьма показательны.

[110] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры..., с. 29—30.

[111] Там же, с. 31.

[112] Иванов. Положение донецких углекопов.

[113] Там же.

В 1911 г., когда сведения стали наиболее полными (охватывали 14 горных округов из 15), из 50 761 рабочего пострадали 2779, т. е. около 5.5% всех рабочих. Наибольшее число несчастных случаев было на Ленских и Енисейских золотых приисках.[114]

По неполным данным, в Западно-Сибирской горной области в 1914 г., например, из 27.5 тыс. горняков 963 человека (3.5%) получили травмы. Из них остались калеками 133 (около 14%), умерли 18 человек (около 2%).[115]

Данные о промышленном травматизме еще одной большой группы рабочих — транспортных — за интересующий нас период имеются в изданиях Министерства путей сообщения.[116] При учете несчастных случаев, связанных с движением поездов (без учета несчастных случаев с членами семей рабочих и служащих) и вызванных работой на железных дорогах и в железнодорожных депо и мастерских, травматизм в России в этой области определяется такими данными:

Общее число рабочих и служащих на железных дорогах в 1910 г.[117]	829 036
Общее число пострадавших	114 403
В том числе получивших повреждения:	
легкие	103 148
тяжелые	8 417
смертельные	2 838

Министерство путей сообщения не вело учета несчастных случаев соответственно тяжести их последствий, не прослеживало дальнейшего исхода травм, как это практиковалось Отделом промышленности и Горным департаментом. Поэтому упоминания о постоянной утрате даже некоторой доли трудоспособности можно считать тяжелым увечьем.

Огромное число несчастных случаев объясняется тяжелыми условиями труда и быта железнодорожников, на чем мы останавливались выше, их чрезмерной утомляемостью. С 1883 по 1913 г., по данным С. Г. Струмилина, в результате несчастных случаев было убито и ранено 185 тыс. железнодорожников.[118] В 1904 г. на 100 рабочих и служащих приходилось на железных дорогах в 4 раза больше несчастных случаев, оканчивавшихся смертью, чем в фабрично-заводской промышленности, причем чаще всего жертвами становились кочегары, ремонтные рабочие, машинисты,

---

[114] Овсянникова Н. Д. Указ. соч., с. 28—29.

[115] Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма, с. 163—164.

[116] См.: Министерство путей сообщения. Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых железных дорог за 1910 г. Спб., 1912.

[117] Данные 1910 г. можно рассматривать как средние за 5 лет: с 1905 по 1909 г. Общее число тяжело пострадавших на железных дорогах по годам колебалось незначительно и давало 23.4—26.8 случаев на 1 млн поездоверст ежегодно. См.: Статистический сборник Министерства путей сообщения, вып. 113. Железные дороги в 1909 г., ч. I, с. XLVII—LV.

[118] Струмилин С. Г. Избр. произв. М., 1963, т. I, с. 414.

сцепщики, составители поездов, путевые сторожа, стрелочники. Особенно много несчастных случаев перед 1905 г. происходило на Сибирской и Закавказской железных дорогах, о чем сохранились значительные материалы в архивах.[119]

К транспортным рабочим несомненно относится огромная армия судорабочих, насчитывавшая к 1900 г. 400 тыс. чел., а к 1913 г. возросшая до 500 тыс. чел.[120] Число несчастных случаев на внутренних водных путях из-за тяжелейших условий труда судорабочих, о чем сообщалось выше, было необычайно большим. Предприниматели тщательно скрывали случаи увечья рабочих, сведения о такого рода происшествиях не собирались и не изучались, за исключением крупных аварий судов, когда сообщались общие данные о числе убитых и раненых пассажиров и членов команды.[121]

Судовладельцы умели оградить себя от юридической ответственности за увечных. В договорах о найме имелся такой пункт: если кто-либо из рабочих станет жертвой несчастного случая, то «от ответственности подрядчика освобождаем и никаких убытков по сему предмету к нему впоследствии предъявлять не должны, а также лишаем права предъявлять иск родственникам тех рабочих, кого искалечит и вовсе убьет на пристани». Подрядчику предоставлялось право застраховать рабочих в страховом обществе и внести заработанные ими деньги в уплату страховой премии.[122]

Примерные размеры травматизма судорабочих пытался определить Отдел промышленности Министерства торговли. В труде А. Н. Быкова отмечено, что эти подсчеты являются грубыми, примерными определениями размеров травматизма на водных путях России для всех 400 тыс. судорабочих за пятилетие 1904—1908 гг. и составляют цифру коэффициентов смертельных и несмертельных травм (0.7 и 1.8), полученных для водных путей Казанского округа. Исходя из этих данных, Быков установил, что число смертельных несчастных случаев на речных путях России за указанные годы в среднем не может быть определено ниже 280 в год, а число прочих тяжелых повреждений — ниже 720. Число легких травматических повреждений на водных путях России (реках, каналах и озерах), по аналогии с другими отраслями промышленности, Быков определил в размере 10—12 тыс. в год.[123]

---

[119] Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 67.

[120] См.: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 129—130.

[121] Десятов А. К. К вопросу об изучении несчастных случаев с людьми на внутренних водных путях. — В кн.: Сб. отчетов и докладов врачей санитарного надзора на рр. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1903 г. СПб., 1904, с. 236.

[122] См.: Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 54.

[123] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры..., с. 34—36.

В 1896—1905 гг. расширилось применение машин в сельском хозяйстве. В 1906—1913 гг. машинный парк достиг наибольшей за весь период империализма численности. Труд на машинах (сенокосилках, жатках, сноповязалках, молотилках и др.) потребовал значительного числа опытных, квалифицированных сельскохозяйственных рабочих, умевших не только управлять машиной, но и производить ее несложный ремонт. Между тем таких рабочих в 1906—1913 гг. было недостаточно. Если, например, в таких крупных районах зернового хозяйства, как Екатеринославская и Херсонская губ., с 1886—1895 по 1906—1913 гг. прирост зерновой площади возрос на 70%, а применение машинного труда на 30, то сокращение пришлых сельскохозяйственных рабочих за эти годы достигло 40%.[124]

Поэтому чрезвычайно возрастала продолжительность рабочего дня и интенсивность труда сельскохозяйственных рабочих, что приводило к росту несчастных случаев. Особенно тяжелым был труд на сенокосилках, жатках и молотилках. Труд рабочих на этих машинах давал наибольшее число несчастных случаев.

В табл. 6 приводятся данные за 1910 г. о несчастных случаях в крупных отраслях промышленности, о которых сообщалось выше, и данные о строительных рабочих и рабочих городских рельсовых путей.[125]

Таблица 6

Отрасли промышленности	Общее число рабочих	Число несчастных случаев		
		всего	тяжелых *	со смертельным исходом
Фабрично-заводская	1 951 955	77 608	9 679	458
Горная и горнозаводская	548 798	81 822	7 681	691
Железные дороги	829 035	103 148	8 417	2 838
Внутренние водные пути	400 000	10 000	720	280
Строительные работы	500 000	15 000	—	250
Городские рельсовые пути	25 000	3 000	—	25
Всего:	4 254 788	290 578	Не менее 26 497	4 542

* Смертельные или влекущие за собой частичную потерю трудоспособности.

Данные табл. 6 показывают, что в крупной фабрично-заводской промышленности число несчастных случаев, по самым осторожным подсчетам Отдела промышленности, составляло в 1900—1914 гг. не ниже 290 тыс. ежегодно. Из них количество тяжелых несчастных случаев достигало не менее 27 тыс., а число смертельных случаев превосходило 4500. Данные табл. 6 пока-

[124] Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки, с. 33—34.
[125] Быков А. Н. Промышленный травматизм, его размеры..., с. 42.

зывают, что самое большое число несчастных случаев давала горная и горнозаводская промышленность, затем железные дороги и фабрично-заводская промышленность.

Наиболее трудным делом для увечного рабочего было получить пенсию за утерянное здоровье, ибо рабочему по закону 2 июня 1903 г. прежде всего требовалось доказать, что несчастный случай произошел по вине предпринимателя или администрации, а не по злому умыслу и грубой неосторожности пострадавшего. Однако факт получения увечья накладывал на рабочего как бы каинову печать. Его всячески стремились уволить, спровадить с глаз. По свидетельству фабричных врачей, боясь потерять работу, увечные рабочие старались скрыть получение травмы.[126] Общества и союзы работодателей регистрировали увечных рабочих и обменивались их списками во избежание приема на работу когда-то потерпевших увечье рабочих.

Только на некоторых предприятиях Центра, Петербургского промышленного района, Царства Польского и др. после 1905 г. несколько улучшились условия работы, появились различные ограждения у наиболее опасных частей машин.[127]

4. Страхование рабочих

Для рабочих особо вредных и опасных производств правительство было вынуждено ставить вопрос об ответственности предпринимателей за увечье. Как отмечалось выше, особенно велико число увечных было в горной и горнозаводской отраслях промышленности. Первые подобия больничных касс, называемые горнозаводскими товариществами,[128] возникли в результате издания закона 8 марта 1861 г. об освобождении рабочих казенных горных заводов и наделении их землей. Предусматривалось бесплатное лечение рабочих, пенсии по инвалидности, болезни и старости из сумм, создаваемых от взносов рабочих и заводоуправлений.

Лишь в 1881 г. с утверждением положения о вспомогательных кассах пенсионное обеспечение горнозаводских рабочих казенных горных заводов было в минимальной степени упорядочено. Вспомогательные кассы выдавали пенсии рабочим по старости, в случае болезни или увечья в размере, определяемом заводоуправлением. Заболевшие рабочие получали $^1/_3$ (холостые), $^1/_2$ (женатые, бездетные) и $^2/_3$ (женатые, с детьми) заработной платы в течение 2 мес. Проработавшим 35 лет выдавалась полная пенсия в раз-

---

[126] Хейсин М. Л. Закон 2 июня и государственное страхование рабочих от несчастных случаев. — В кн.: Тр. Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1910, т. I, с. 397.

[127] Шварабович А. Ф. Защита здоровья и жизни рабочих. — В кн.: Тр. Первого Всероссийского съезда фабричных врачей..., с. 396—401.

[128] См.: Тигранов Г. Ф. Кассы горнорабочих. Спб., 1896, с. 21.

мере $^1/_2$ заработка и т. д. Капиталы горнозаводских товариществ складывались из 2—3%-ных удержаний заработной платы рабочих и таких же по величине взносов заводоуправлений. Попытки правительства распространить правила о горнозаводских товариществах на частные заводы закончились провалом. Разработки законопроектов об обеспечении потерпевших рабочих одна за другой терпели крах. Законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев неоднократно пересматривался и перерабатывался.[129]

Однако экономика страны, в том числе и промышленное производство, продолжали развиваться. Достаточно отметить, что ежегодный прирост промышленной продукции в 1900—1913 гг. составлял 3—4%.[130] Поэтому сама промышленная жизнь с огромным числом несчастных случаев и профессиональных заболеваний толкала правительство и предпринимателей принимать какие-то меры по социальному обеспечению и социальному страхованию рабочих.

Страхования рабочих от несчастных случаев (кроме названных выше касс горнозаводских товариществ на горных и горнозаводских казенных заводах) до издания страховых законов 1912 г. не существовало. Как уже отмечалось, потерпевший увечье рабочий добивался возмещения через суд, доказав предварительно, что вина за несчастный случай лежит на предпринимателе. В некоторых случаях судебные процессы заканчивались благоприятно для рабочих.[131] Казенный Балтийский судостроительный завод с 1898 по 1908 г. выплачивал пенсию 3078 рабочим, из них 630 человек получали пенсию по решению суда.[132] На ряде уральских заводов выдавались натуральные и денежные пособия престарелым, а также больным и увечным рабочим.[133] Можно было бы еще привести примеры возникновения на ряде предприятий вспомогательных касс, создания богаделен для больных и увечных и т. д., однако в целом факты выплаты пособий по увечью, факты функционирования в некоторых местах больничных и вспомогательных касс не меняли положения, поскольку такие факты являлись не правилом, а редким исключением.

В то же самое время случаи выдачи рабочим пособий свидетельствуют о том, что буржуазия в ряде случаев была вынуждена

---

[129] Иванов Л. М. К вопросу о страховании рабочих в России. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 329—334.

[130] Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967, с. 408.

[131] Такие материалы находятся в архивных фондах крупных акционерных предприятий страны.

[132] Чиколев А. Н. Опыт исследования по влиянию заводских работ на заболеваемость и состояние здоровья рабочих. Спб., 1909, с. 38.

[133] См.: Тигранов Г. Ф. Кассы горнорабочих, с. 101—103; Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX в. (1861—1904). Сб. документов. М., 1960, с. 543, 611.

идти на акты социального обеспечения. В 1887 г. правительство издало правила о добровольном коллективном страховании предпринимателями рабочих в страховых акционерных обществах в случае, когда фабриканты не желали сами иметь дело с увечными рабочими, а передавали их в страховые акционерные общества. Правила 1887 г. регламентировали выдачу пособий и пенсий в случае: 1) смерти от несчастного случая, 2) полной утраты трудоспособности и 3) частичной утраты трудоспособности.[134] При желании увечного рабочего страховое общество выплачивало застрахованному взамен пенсии единовременный капитал. В зависимости от 3 степеней инвалидности устанавливались и 3 степени обеспечения рабочих.[135]

Из рассмотрения контингента застрахованных рабочих по отраслям промышленного производства и губерниям видно, что число застрахованных было непосредственно связано со степенью риска: наибольшее развитие страхование получило в Южном горнопромышленном районе, где происходило больше всего несчастных случаев, затем в Петербургском промышленном районе с высокоразвитыми отраслями металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности и т. д.[136] Если число застрахованных рабочих в различных страховых обществах в 1890 г. составляло всего 93 432 человека, то к 1900 г. оно возросло до 936 243 человек, составляя почти миллион фабрично-заводских рабочих.[137] В последующие годы в связи с подготовкой закона 1903 г. об индивидуальной ответственности предпринимателей за увечье число застрахованных рабочих в страховых обществах резко сократилось.

Как видно из огромного числа писем рабочих в различные учреждения Министерства торговли и промышленности, страховые общества наживались за счет ограбления рабочих. Дело в том, что увечные рабочие, как правило, не получали всей

---

[134] При полной утере трудоспособности (потеря зрения, обеих рук или ног, умопомешательство) выдавалась полная пожизненная пенсия. При второй степени инвалидности, потере трудоспособности наполовину (потеря одной руки или одной ноги, умопомешательство) рабочему пожизненно выдавалась только половина пенсии. При третьей степени пожизненной утери трудоспособности страховое общество выдавало 10—25% полной пенсии.

[135] См.: Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, с. 233—235. Страхованием рабочих занимались 7 следующих страховых обществ: «Россия», «Помощь», «Заботливость», «С.-Петербургское», «Якорь», «Саламандра», «1-е Российское страховое товарищество».

[136] Пресс А. А. Страхование рабочих в России. Спб., 1900, с. 3.

[137] Там же, с. 3. Как правило, предприниматели страховали своих рабочих в случае полной потери трудоспособности из 1500-кратного дневного заработка, в случае смерти — в 1000-кратном размере. При временной потере трудоспособности размер выплачиваемой суммы определялся предпринимателем и страховым обществом. См.: Россия в конце XIX в. Под ред. В. И. Ковалевского. Спб., 1900, с. 568.

причитающейся им страховой суммы. Штатные работники обществ (врачи, юристы и др.) занижали степень потери трудоспособности рабочим; комиссионеры обществ, выезжая на места, уговаривали пострадавшего рабочего отказаться от ежегодного получения пенсии, заменив ее единовременной выплатой пособия в значительно уменьшенном размере.[138] Это ограбление рабочих приносило страховым обществам высокую прибыль. Так, за 1900 г. доходы акционерных обществ составили значительную сумму (более трех с половиной миллионов руб.), а расходы на выдачу пенсий и пособий увечным и погибшим рабочим — всего 2325.1 тыс. руб.[139]

В связи с тем что число увечных на шахтах и заводах Юга было весьма велико, при Совете съезда горнопромышленников Юга России еще с 1884 г. стало функционировать Общество пособия горнорабочим. С 1884 г. до начала действия закона 2 июня 1903 г. общество собрало 921.7 тыс. руб., из которых выдало в виде временных пособий и постоянных пенсий 405.8 тыс. руб.[140]

За 1900 г., по данным обследования предприятий, подчиненных фабричной инспекции, без учета фабрик и заводов, обложенных акцизом (сахарных, винокуренных, табачных, спичечных), расходы предпринимателей по страхованию 1274.1 тыс. учтенных рабочих с общей суммой зарплаты за этот год 269.9 млн. руб. составили 1465.9 тыс. руб., что равнялось примерно 0.6% к заработной плате рабочих, а на одного рабочего — 1 р. 15 к. Такова была мизерная сумма социального обеспечения рабочих, на которую расщедрились капиталисты в 1900 г.[141]

Издание и проведение в жизнь закона 2 июня 1903 г. под названием «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» при всей его ограниченности явилось историческим завоеванием рабочего класса и известным сдвигом в рабочем законодательстве царизма.[142]

Согласно ст. 2 закона 2 июня 1903 г., издержки по обеспечению пострадавшего рабочего падали на работодателей. Однако в этой же статье имелась весьма существенная оговорка, гласившая, что в случае злого умысла или грубой неосторожности рабочего предприниматель освобождался от обеспечения пострадавшего. Этими оговорками закона предприниматели часто злоупотребляли.

---

[138] Бертенсон А. Б. По поводу честного страхования рабочих. Спб., 1903.

[139] См.: Страховое обозрение, 1901, № 11, с. 655; 1903, № 12, с. 721.

[140] Труды XXIX съезда горнопромышленников Юга России. Харьков, 1905, т. II, с. 12.

[141] Иванов Л. М. К вопросу о страховании рабочих в России, с. 348.

[142] ПСЗ. Собр. 3-е. 1903, т. XXIII, № 23060.

Рабочие, потерпевшие от несчастного случая, при временной потере трудоспособности получали 50% годовой заработной платы, а при постоянной — $66^2/_3$%. В случае смерти пострадавшего (взрослого или подростка) семья получала 30 руб. пособия на похороны. Определенную часть вознаграждения получали вдова или вдовец, бывшие на иждивении погибшего, дети, родители (ст. 5, 6, 11, 26).

Выплата вознаграждения пострадавшему от несчастного случая начиналась со дня восстановления частичной трудоспособности или со дня признания утраты ее постоянной. В случае отказа владельца платить за увечье давность исков могла составлять 2 года, причем при рассмотрении подобных исков должен был устанавливаться упрощенный льготный судебный порядок и обязательное посредничество фабричной инспекции (ст. 31—36). Однако огромное число неудовлетворенных исков рабочих, отложившихся в соответствующих архивных фондах, свидетельствует о трудности и сложности получения пенсии.

Кроме того, согласно ст. 16, 18 и др. закона 2 июня 1903 г., очень часто эталоном для исчисления пенсии пострадавшим фабрично-заводским, горным и горнозаводским рабочим служил не действительный размер их заработков, а средний поденный заработок чернорабочего данной губернии или области, умноженный на 260 (число рабочих дней в году),[143] несмотря на то что число рабочих дней в году даже без учета сверхурочных работ достигало 290—300 и более.[144]

«Правительству очень хотелось бы, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — свести всех рабочих до положения чернорабочих, — для сознательного пролетария вытекает отсюда тот урок, что только тесное единство всех рабочих и всех чернорабочих вместе в состоянии создать силу, способную сломить корысть капитала».[145] Ст. 31 закона 2 июня 1903 г. «Искра» определяла как наиболее вредную и наиболее иезуитскую. Дело в том, что закон обладал, как отмечалось выше, рядом крупных недостатков, но, пожалуй, самым опасным из них для рабочих являлась система индивидуальной ответственности предпринимателей, когда вознаграждение потерпевших от несчастных случаев или потерявших трудоспособность рабочих зависело от кредитоспособности отдельного владельца данного предприятия. Перед постра-

---

[143] Для этого с 1904 г. местные фабричные и горнозаводские присутствия стали устанавливать на трехлетия (1904—1906, 1907—1909, 1910—1912) размеры средних поденных заработных плат чернорабочих, утверждаемые Главным присутствием; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 195—196.

[144] Там же, с. 254—255.

[145] Ленин В. И. Закон о вознаграждении рабочих. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 331.

давшим рабочим постоянно существовала угроза в случае закрытия предприятия остаться без пенсии.[146]

Крайне коварной для рабочих и прибыльной для капиталистов являлась ст. 19 закона 2 июня 1903 г., согласно которой стороны могли по взаимному соглашению заменять пенсии единовременными выдачами капитала (см. с. 54), т. е. получить капитализированную пенсию. Величина такого «капитала» составляла десятикратный размер вычисленной пенсии. Как показала практика применения закона, рабочие чаще всего соглашались на уплату пенсии единовременными суммами. Так, за трехлетие 1904—1906 гг. из 18 836 соглашений по ликвидации дел о несчастных случаях число выданных пенсий составляло едва 8.2% всего числа ликвидаций, а число удовлетворений в форме выдачи капитала — 91.8%, т. е. в одиннадцать раз превосходило число пенсионных выплат. Однако если сравнить размер выданных пенсий и единовременных вознаграждений, то за трехлетие пенсии составят 131 785 руб., а единовременные вознаграждения — 4 642 040 руб., получившиеся вследствие капитализации пенсии в 464 204 руб. в десятикратном размере. Таким образом, средний размер выдаваемой за трехлетие пострадавшему рабочему пенсии был равен 84 р. 80 к., а средний размер капитализированной пенсии — всего 26 р. 27 к., — в 3.2 раза меньше регулярно выдаваемой.[147] Это происходило в связи с тем, что ко времени достижения соглашения уменьшались действительные размеры потери рабочими трудоспособности, что в свою очередь приводило к сокращению пенсии. И врачи, и юристы, и фабричная инспекция прежде всего охраняли интересы предпринимателей.

Вознаграждение рабочих, потерпевших от несчастных случаев, и после опубликования закона 2 июня 1903 г. по-прежнему производилось через страховые учреждения, принимавшие на себя, согласно полисным условиям, денежные обязательства владельцев предприятий.[148]

Закон 2 июня 1903 г. касался не всех категорий наемных рабочих, а лишь фабрично-заводских, горных и горнозаводских даже в том случае, если они не состояли под надзором фабричной и горной инспекции.

---

[146] Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. — Искра, 1903, 1 сентября.

[147] Варзар В. Е. Статистические сведения о результатах применения закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев на фабриках и заводах, подчиненных надзору фабричной инспекции, за трехлетие 1904—1906 гг. Спб., 1908, с. 16—20.

[148] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 254, 1903. — По проекту общих условий коллективного страхования, заключаемого на основании ст. 52 закона 2 июня 1903 г., л. 3—9 об. Полисными условиями называются условия коллективного страхования рабочих от несчастных случаев, заключаемые между фабрикантами и страховыми обществами.

Очень трудно подсчитать суммы расходов промышленников по окончательному удовлетворению всех рабочих единовременными выдачами взамен пенсий и размеры пенсий по годам согласно закону 1903 г. По этому вопросу существует большое число трудов дореволюционных и советских исследователей, но проблема эта до конца не исследована до сих пор. Наиболее достоверными следует считать сведения Министерства торговли и промышленности. Эти данные свидетельствуют о том, что за время с 1904 по 1910 г. расходы предпринимателей по удовлетворению претензий потерпевших (пособия, пенсии и единовременные выдачи) составили сумму 5 541 065 р. 15 к. Число застрахованных рабочих составляло 2 048 163 человека, суммы их заработных плат — 501 149 503 млн. руб.[149]

Обращает на себя внимание тот факт, что революционное движение рабочих России оказало значительное влияние и на размеры страховых выплат предпринимателей. Если в 1900 г. расходы их на страхование составляли всего 0.6% к заработной плате рабочих, то в 1904—1910 гг. — уже 1.1%.[150]

На железных дорогах для постоянных рабочих и служащих пенсионные кассы стали создаваться с 1894 г.[151] Средства кассы на $^1/_3$ составлялись из средств казны (казенные ж.-д.) или дороги (частные ж.-д.) и на $^2/_3$ из взносов пайщиков, что составляло 6% вычетов из зарплаты. На 1 января 1906 г. в пенсионных кассах насчитывалось 372 324 участника, а сумма, которой они располагали, составляла около 70 млн. руб. [152]

Кроме того, с 1899 г. пенсионные кассы приняли на себя операции по страхованию жизни работников железных дорог. За 1904 г., например, было заключено 5336 страхований на общую сумму более 3.3 млн. руб. Средняя застрахованная сумма на 1 полис составила 876 руб.[153] Следовательно, страховать свою жизнь могли только состоятельные клиенты кассы. Если железнодорожник проработал менее 10 лет и уходил с работы, то взнос в кассу ему не возвращался и не передавался по наследству и т. д. Поэтому и в 90-е гг. XIX в., и к 1905 г. среди железнодорожников возникали волнения и стачки против существующих уставов пенсионных касс. Рабочие требовали уменьшения удержаний в кассу, выплаты накопленных в кассе сумм по требова-

---

[149] Сведения о расходах владельцев промышленных предприятий по вознаграждению, на основании закона 2 июня 1903 г., последствий несчастных случаев за 1904—1910 гг. Спб., 1913, с. XII—XIII.

[150] Там же, с. XIII.

[151] См.: Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях, с. 68—70. Временные и поденные рабочие и служащие на железных дорогах, независимо от стажа работы, пенсионными кассами не обслуживались.

[152] Статистика служащих на железных дорогах участников пенсионных и ссудно-сберегательных касс. Спб., 1907, с. 13, 34—40.

[153] Святловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1924, с. 69.

нию участника кассы или его наследников, использования средств кассы на улучшение условий труда и быта участников кассы.[154]

Из остальных категорий наемных рабочих вознаграждались вследствие несчастных случаев рабочие некоторых отраслей промышленности казенных заводов. Так, 9 июня 1904 г. царь утвердил правила об обеспечении пострадавших рабочих, вольнонаемных мастеровых и членов их семей артиллерийских заведений Военного министерства, почти полностью схожие с временными правилами 15 мая 1901 г. о пенсиях рабочим горных заводов и рудников.[155]

23 июня 1912 г., наконец, увидели свет законы о страховании рабочих от несчастных случаев и об обеспечении рабочих на случай болезни.

Равенства сторон в законах 23 июня 1912 г. не было и в помине. Рабочий был лишен права обращаться с ходатайством об изменении размеров вознаграждения в связи с ухудшением состояния здоровья непосредственно в суд без предварительного обращения к страховому товариществу, в то время как страховое товарищество обладало этим правом. Особенно ярко выраженный антирабочий характер носили статьи 52—55 закона о страховании рабочих от несчастных случаев.[156] Согласно этим статьям, страховые товарищества под угрозой потери вознаграждения могли понуждать рабочих, пострадавших от несчастного случая, и членов их семей к соглашениям, не требуя ни письменного оформления подобного «миролюбивого договора», ни утверждения его фабричным инспектором или судом.[157] За увечным рабочим, согласно ст. 56 закона, сохранялось право в случае, на его взгляд, неправильного определения размера вознаграждения начать тяжбу со страховым товариществом. Но даже фабричные инспекторы в своих отчетах отмечали, что судились рабочие «редко и неохотно ввиду большой траты времени, медленности судебного производства и необходимости нести предварительные расходы».[158]

Правительство передало проведение в жизнь закона о страховании рабочих от несчастного случая в руки классовой организации крупной буржуазии — Совету съездов представителей промышленности и торговли. Всего в России создавалось 13 окружных страховых товариществ: Московское, Петербургское,

---

[154] Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях, с. 70.

[155] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, д. 1241, 1904—1906. — По вопросу о распространении закона 2 июня 1903 г. на казенные заведения, л. 14, 22.

[156] ПСЗ. Собр. 3-е. 1912, т. XXXII, отд. 1, № 37447.

[157] Элиассон Л. С. Законы об отношениях между предпринимателями и рабочими в области фабрично-заводской промышленности. Спб., 1908, с. 135—136.

[158] Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. Спб., 1913, с. 60.

Киевское, Харьковское, Прибалтийское и др. В Петербургское товарищество, например, входили Петербург с губернией, губернии Новгородская, Псковская и Олонецкая. Страхованию подлежали лишь 2.5 млн. рабочих фабрично-заводской и горной промышленности,[159] что составляло $^1/_{10}$ часть всех наемных рабочих. Руководителями окружных страховых товариществ Совет съездов назначил местные союзы капиталистов. Так, Петербургское страховое товарищество создавалось Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов. Газета «Звезда» разъясняла рабочим, что главный смысл замены индивидуальной ответственности предпринимателя коллективной заключается в значительном усилении позиции предпринимателей в их классовой борьбе с рабочими.[160] Если и раньше, имея дело лишь со своим хозяином, рабочий, боясь увольнения, чаще всего соглашался на минимальные размеры единовременного пособия, то теперь, противопоставленный классовой организации предпринимателей, он понимал, что назначение пособия — дело почти нереальное.[161]

По новому закону в течение первых 13 нед лечить пострадавшего от несчастного случая рабочего должны были больничные кассы.[162] С промышленников на плечи рабочих перекладывалась плата за их же лечение. «Звезда» называла этот порядок законом страхования капиталистов за счет рабочих.[163] Утверждение уставов окружных страховых товариществ было закончено лишь в 1914 г.

Второй закон — об обеспечении рабочих на случай болезни — предусматривал принудительное объединение фабрично-заводских рабочих и рабочих горной промышленности в больничные кассы. Положительное значение этого закона заключалось в том, что правительство невольно давало в руки рабочих такое мощное средство организации, как больничные кассы. Кассы учреждались на предприятиях с числом рабочих не менее 200 человек. Они выдавали заболевшим рабочим пособие в размере $^1/_2$—$^2/_3$ заработка для семейных и $^1/_4$—$^1/_2$ заработка для холостых. Средства кассы составлялись из 1—2% взносов от заработка рабочих, а предприниматель вносил $^2/_3$ суммы взноса рабочих. Руководство делами кассы по закону должен был осуществлять владелец предприятия: он распоряжался и средствами кассы и являлся председателем ее правления. Делопроизводства касс утверждались губернаторами — председателями страховых присутствий. Согласно статьям страховых законов о больничных кассах, само-

---

[159] Данский Б. Г. Дореволюционная страховая кампания. М., 1925, с. 92—93.

[160] Предкальн А. О страховании. — Звезда, 1911, 23 октября.

[161] Предкальн А. К вопросу о страховании рабочих в России. — Просвещение, 1912, № 3—4, с. 30.

[162] Там же.

[163] Заломов Г. 3-я Дума и рабочий вопрос. — Невская звезда, 1912, 17 июня.

управление рабочих в больничных кассах сводилось к нулю.[164] По закону хозяевами кассы являлись не рабочие, а чиновники, владельцы предприятий и полиция.

Дело оказания рабочим медицинской помощи было поставлено даже на фабрично-заводских предприятиях крайне неудовлетворительно. В 1907 г., по данным Министерства торговли и промышленности, из каждых 100 фабрикантов лишь 8 содержали больницы, 23 — приемные покои и амбулатории. Таким образом, $^2/_3$ фабрикантов, на предприятиях которых трудились 19% всех рабочих (это были главным образом мелкие предприятия), не оказывали им никакой медицинской помощи.[165] Между тем заболеваемость рабочих на фабрично-заводских предприятиях достигала катастрофических размеров, особенно на шахтах, рудниках, металлургических, металлообрабатывающих и химических предприятиях, где каждый рабочий болел несколько раз в течение года. Рабочие железных дорог болели в среднем 3 раза в год. Но закон 23 июня 1912 г. не установил какой-либо обязательной формы организации медицинской помощи. Функции больничных касс были ограничены лишь выдачей пособий, а врачебная помощь являлась необязательной.

Легальная большевистская печать, прежде всего газета «Правда», в отделах «Вопросы страхования» и «Страхование рабочих» отмечала несовершенство и антинародный характер страховых законов 1912 г. Путиловские рабочие писали в «Правду», например, о том, что «новый закон о больничных кассах явно ухудшает положение путиловских рабочих. В настоящее время на Путиловском заводе семьи рабочих получают бесплатную медицинскую помощь за счет завода... Новый страховой закон освобождает завод от этих расходов, и рабочим придется лечить своих жен и детей на собственный счет... В настоящее время на заводе выдаются денежные пособия всем больным рабочим... С введением больничных касс эти расходы большей частью будут переложены на рабочих».[166]

Правительство понимало всю опасность, которую представляли больничные кассы, дававшие в руки рабочих значительные средства и организацию. Не случайно еще 17 и 19 июня, а также 26 сентября 1908 г. на заседании Совета министров при обсуждении представленных Министерством торговли и промышленности проектов законов отмечалось, что при разработке законов, подобных германскому рабочему законодательству, следует сообразоваться с особенностями русской жизни и не нарушать коренных основ существующего в России административного строя. В связи

---

[164] Подробно см.: Шелымагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900—1917 гг. М., 1952, с. 250—258.

[165] Александровский Ю. Б. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. Спб., 1913, с. 81.

[166] Правда, 1912, 10 ноября.

с этим Совет министров выразил опасение, что проекты законов «не вполне обеспечивают, в некоторых случаях, правительственный в деле страхования рабочих надзор административной власти».[167] В частности, правительство опасалось, что, несмотря на спад революционного движения, проведение в жизнь страховых законов может быть использовано рабочими в революционных целях. Особо подчеркивалось, что «рассматриваемыми законопроектами создаются сильные рабочие организации, в руках которых будут сосредоточены крупные денежные суммы».[168] В журнале Совета министров выражалось пожелание о том, чтобы страховые учреждения «не превратились в орудие и опорные пункты революционного движения».[169] Самодеятельность рабочего класса, по мнению Совета министров, должна развиваться под надзором и руководством сильной государственной власти.

Опасаясь революционизирующего влияния страховых законов, правительство не спешило с их утверждением. Обсужденные и утвержденные Государственным советом и Государственной думой в 1908—1909 гг. страховые законы были окончательно санкционированы царем лишь 23 июня 1912 г.[170]

С редакцией текста страховых законов, кроме того, не согласился Совет съездов представителей промышленности и торговли, заявивший, что точка зрения предпринимателей в Государственной думе будет представлена особо. Комиссия Совета съездов под председательством М. М. Федорова заседала 12 раз и выработала свою редакцию страховых законов.[171]

Большевики через газеты «Звезда» и «Правда», журналы «Просвещение» и «Вопросы страхования» возглавили проведение страховой кампании на фабрично-заводских предприятиях и проведение выборов от рабочих в центральные страховые органы, превратив ее из закрытой в открытую, революционизировавшую рабочих. Журнал «Вопросы страхования» (1913, № 1) в передовой статье опубликовал основные положения большевистской страховой программы, разработанные В. И. Лениным и принятые на Пражской партийной конференции РСДРП.[172] Совпавшая с массовым революционным подъемом, страховая кампания раз-

---

[167] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, 1908—1914. — Дело о разработке законопроекта о страховании рабочих, об учреждении Совета по делам страхования рабочих, л. 407—426.

[168] Там же, л. 411 об.

[169] Там же.

[170] Журнал заседания Совета министров от 17 и 19 июня и 26 сентября 1908 г. царь утвердил для представления в Государственную думу 30 октября 1908 г. — ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 125, л. 407.

[171] См.: ЦГИА СССР, ф. 32, оп. 1, д. 1948, л. 257—290; проект Положения об обеспечении рабочих на случай болезни в редакции, предложенной Советом съездов представителей промышленности и торговли. Спб., 1909.

[172] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1910—1914 гг. — В кн.: История рабочих Ленинграда. Л., 1972, т. I, с. 439—442.

вертывалась не по правительственной, а по большевистской программе. На предприятиях происходили митинги с требованием улучшения страховых законов, разрешения рабочих собраний, выносились резолюции протеста против назначения «благонадежных» рабочих в страховые органы. То и дело вспыхивали стачки, в которых рабочие требовали изменений уставов больничных касс. Пролетарии столицы возглавили и задали тон проведению страховой кампании фабрично-заводскими рабочими всей страны. Они отказывались руководствоваться уставом больничной кассы, разработанным Министерством торговли и промышленности и Обществом заводчиков и фабрикантов, а предпочитали брать за образец устав Путиловской больничной кассы, опубликованный в «Правде» и утвержденный Петербургским комитетом в качестве общегородского типового устава. Рабочие отказывались без созыва собраний, втемную, избирать уполномоченных, которые уже из своей среды выберут правления больничных касс. Как сообщало Петербургское охранное отделение в Департамент полиции, под руководством членов Петербургского комитета А. А. Митревича и других уполномоченных больничной кассы Путиловского завода рабочие провалили проект устава больничной кассы и в связи с этим 7 октября 1913 г. забастовали 380 рабочих лафетно-снарядной мастерской.[173]

Московские рабочие в конце 1913—начале 1914 г. активно включились в проведение страховой кампании, в частности, в выборы уполномоченных в больничные кассы. 21 февраля по всем 8 отделам завода Бромлей от 1004 рабочих, участвовавших в выборах, были избраны 50 уполномоченных. К 1 сентября 1913 г. в Москве и уездах действовали уже 11 касс с 34.8 тыс. участников.[174] Как отмечалось в секретном циркуляре Совета Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района членам общества от 23 октября 1913 г., рабочие Центрального промышленного района пока не бойкотировали выборы в страховые учреждения, как это сделали рабочие Петербурга, Варшавы, Риги, Вильны, ибо их умами еще не овладели лозунги социал-демократической партии, добивающейся устранения влияния владельцев предприятий на ход дел в кассах, полного овладения рабочими коллективами постановкой врачебной помощи в них и устройства не отдельных, а общегородских больничных касс. Цель таких касс, по мнению авторов циркуляра, создать серьезную угрозу капиталу в борьбе за улучшение экономического положения рабочих.[175] Циркуляр требовал немедленного создания больничных касс и начала их деятельности, пока в Центре от-

---

[173] Там же.

[174] ЦГА г. Москвы, ф. 763 Акц. о-ва механических заводов бр. Бромлей, оп. 1, д. 795, 1913—1918. — Больничная касса при заводе Бромлей л. 81—83. Всего на заводе было занято 1212 человек.

[175] Там же, л. 91—92 об.

сутствуют столкновения с рабочими на почве проведения в жизнь страховых законов.

Совет Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района 23 октября 1913 г. разослал членам общества циркуляр, в котором предлагалось нейтрализовать влияние на уставы страховых законов социал-демократической рабочей партии, так как она-де стремится устранить влияние владельцев предприятий на дела больничных касс, завладеть врачебной помощью и оказывать сопротивление устройству отдельных больничных касс, настаивая на учреждении общей городской кассы. Такие общегородские кассы, подчеркивалось в циркуляре, будут являться крупными объединениями, созданными с целью угрозы капиталу в борьбе за улучшение положения пролетариата. В циркуляре отмечалось, что реальные шаги в этом направлении сделаны рабочими Петербурга, Варшавы, Риги, Вильны и что поэтому, пока в Центральном промышленном районе руководители рабочего движения не оказали такого же влияния на рабочих, нужно немедленно приступить к организации больничных касс и открытию их действий.[176]

В страховой кампании партия большевиков одержала блестящую победу. В подавляющем большинстве крупных фабрично-заводских предприятий России в правления больничных касс были избраны большевики. Больничные кассы превратились в легальные опорные пункты большевистской партии для проведения нелегальной работы на предприятиях. В Петербурге на Путиловском заводе в ноябре 1913 г. в правление больничной кассы были избраны большевики Г. М. Шкапин, И. И. Корнеев, В. А. Алексеев, И. Г. Егоров и др. На Металлическом заводе в проведении страховой кампании активно участвовали избранные в первый состав правления больничной кассы член Выборгского РК Н. И. Яковлев, известный страховик-правдист С. Д. Чудин, Н. Г. Данилов и другие большевики.[177] В марте 1914 г. состоялись выборы в городской и губернский страховые присутствия и Совет по делам страхования рабочих. Победа большевиков была полной.[178] К июню 1914 г. в Петербурге уже действовали 176 заводских больничных касс, охвативших своим членством 164 тыс. рабочих.[179] От предпринимателей в состав Совета по делам страхования рабочих вошли такие крупные магнаты финансового капитала, как председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников, председатель Общества сахарозаводчиков

---

[176] ЦГА г. Москвы, ф. 763 Акц. о-ва механических заводов бр. Бромлей, оп. 1, д. 795, 1913. — Больничная касса при заводе Бромлей, л. 91—92 об.

[177] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1910—1914 гг. — В кн.: История рабочих Ленинграда, т. I, с. 442.

[178] См.: ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 377, 1913—1916. — О производстве выборов членов Совета по делам страхования рабочих от участников больничных касс..., л. 1 об.—2.

[179] Данский Б. Г. Дореволюционная страховая кампания, с. 112.

гр. А. А. Бобринский, от Совета съездов горнопромышленников Юга России — Н. Ф. Фон-Дитмар, от Совета съездов представителей промышленности и торговли В. В. Жуковский, от Общества заводчиков и фабрикантов — М. Н. Триполитов.[180]

Активизации страховой кампании способствовало Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, резолюции которого написал В. И. Ленин.[181] Правительственный план проведения ускоренными темпами страховой кампании провалился.

На 1 марта 1914 г. в организации больничных касс (на различных этапах их создания) принимали участие 6808 предприятий России с 1 902 131 участником. Однако начали производство удержаний и выдачи пособий к этому времени всего 1311 предприятий с 1 021 588 рабочими в них, 285 предприятий только что приступили к выборам уполномоченных, 53 — лишь успели подать заявления фабричному инспектору о разрешении учреждения больничной кассы и т. д.[182] Еще медленнее происходило учреждение больничных касс на горных предприятиях России. Из 221 предприятия с 355 106 рабочими в них, принявшими на 1 марта 1914 г. участие в организации больничных касс, последние были созданы только на 22 предприятиях с 23 870 рабочими. Они и начали производство удержаний и выдачу пособий. На остальных горных и горнозаводских предприятиях России, где по новому закону о лечении рабочих следовало учредить больничные кассы, все они находились на той или иной стадии «последовательного хода открытия».[183]

Не удался и правительственный план разобщения рабочих по отраслям промышленности. В Петербурге, например, к концу октября 1913 г. большевики для руководства страховой кампанией создали общегородской страховой центр. Успешно проходила страховая кампания по большевистской программе в Петербурге, Москве, Харькове, Риге, Екатеринославе. Победой большевиков закончились не только выборы в Страховой совет, но и в губернские страховые присутствия. В промышленных районах страны возникли сотни больничных касс, которые, как отмечалось, использовались большевиками как легальные центры для прикрытия нелегальной революционной деятельности.

Страховые законы 1912 г. не коснулись других категорий наемных рабочих, кроме фабрично-заводских, подведомственных надзору горной и фабрично-заводской инспекции. Случайно лишь

---

[180] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 403, 1908—1916. — Инструкция чинам фабричной инспекции, л. 56.

[181] Ленин В. И. Извещение и резолюции Краковского совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 263—265.

[182] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 647, 1914. — Ведомость о последовательном ходе открытия больничных касс в империи на 1 марта 1914 г., л. 171—176.

[183] Там же, л. 176 об.

в областях промышленности, близких к фабрично-заводской, оказывалось застрахованным в страховых обществах небольшое число рабочих. Так, из большой массы строительных рабочих, численность которых в 1913 г. достигла 1.6 млн.,[184] было застраховано в 1907—1909 гг. всего лишь от 4.1 до 5.4 тыс. человек (0.3% их общего числа).[185]

5. Медицинская помощь

С развитием капитализма во все отрасли промышленного производства внедрялась новая техника, усиливалась интенсификация труда, что вызывало огромное число несчастных случаев. Между тем в отношении врачебной помощи рабочим российское законодательство имело такие же пробелы, как и в отношении охраны труда.

Первое, если так можно сказать, случайное узаконение о медицинской помощи рабочим появилось в 1866 г. Оно было вызвано эпидемией холеры, заставившей московского губернатора возбудить вопрос о необходимости учреждения на крупных фабрично-заводских предприятиях больниц для рабочих, тем более что на таких предприятиях всегда происходило большое число несчастных случаев и значительная часть рабочих страдала от профессиональных заболеваний. В результате 26 августа 1866 г. последовало повеление царя о том, чтобы на фабриках и заводах были построены больницы из расчета койка на 100 человек.

Закон 1866 г. породил массу недоразумений и постоянно нарушался предпринимателями. В нем не было указаний о необходимости амбулаторного приема и организации приемных покоев для заболевших рабочих, о возможности заключения соглашений между предпринимателями и земскими и городскими больницами по вопросу лечения рабочих за определенную плату и т. д. Предприниматели категорически выступали против закона 1866 г., возлагавшего на них обязанность лечить рабочих, мотивируя свой отказ отсутствием подобного закона в других странах, где врачебной помощью занимались органы общественного самоуправления.

Рассмотренный нами выше закон 3 июня 1886 г., впервые определявший взаимоотношения предпринимателей и рабочих, предоставлял фабричным управлениям право расторгать договор о найме вследствие болезни рабочего, если она длилась более 2 нед, и немедленно, если болезнь носила инфекционный («заразительный») характер. Тем самым закон как бы ограничивал во времени обязанность владельцев предприятий оказывать врачеб-

---

[184] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 34.

[185] Забытые рабочие. — Звезда, 1911, 30 апреля.

ную помощь рабочим,[186] что являлось по отношению к заболевшим, лечение которых требовало продолжительного срока, крайней несправедливостью.

Постановление об оказании рабочим бесплатной врачебной помощи на фабриках и заводах было позже подтверждено ст. 52 Уст. о пром. (изд. 1893 г.). Одновременно ст. 102 того же Устава разрешала взимание с рабочих ряда городов больничного сбора, так что лечение в больницах в этих городах фактически не было для рабочих бесплатным.[187] Это противоречие привело к тому, что предприниматели и в 1900—1914 гг. в ряде случаев отказывались строить на свои средства больницы, ссылаясь на наличие больничного сбора, взимание которого обязывало городские самоуправления брать на себя лечение рабочих. Между тем городских больниц было недостаточно и они находились в неудовлетворительном состоянии. Даже в Петербурге насчитывалось всего около полутора десятков городских больниц, в которых на каждую тысячу жителей приходилось всего около 8 коек. Здания больниц обветшали, им требовался капитальный ремонт, а 5 больниц, в том числе Обуховская, Алафузовская и др., нуждались не только в капитальном ремонте, но и в перестройке.[188] Городские больницы бывали всегда переполнены больными и на основании закона 1886 г. часто отказывались принимать на лечение заболевших рабочих. Поэтому больные рабочие лишены были в ряде случаев должной медицинской помощи. Чаще всего больницы из-за недостатка мест принимали только умирающих, остальным же отказывали в приеме.[189]

Закон 1886 г. не устанавливал единообразия в формах и принципах лечения рабочих различных губерний, так как он возлагал на губернские фабричные присутствия обязанность издавать свои постановления об организации врачебной помощи рабочим. Эти постановления, издаваемые в разных местах, носили противоречивый характер и вызывали множество нареканий как среди предпринимателей, так и среди рабочих.

В конце января 1897 г. было опубликовано обязательное постановление Петербургского столичного по фабричным делам присутствия. В нем указывалось, что в связи с существованием в Петербурге городских больниц владельцы промышленных заведений освобождаются от обязанности строить заводские больницы, а лишь обязаны оплачивать издержки, связанные с лечением рабочих

---

[186] ПСЗ. Собр. 3-е. 1886, т. VI, № 3769.

[187] Больничный сбор взимался при прописке паспорта и достигал в Петербурге, Варшаве, Харькове, Николаеве, Ростове-на-Дону 1 руб. в год с человека, в Москве — 1 р. 25 к., Кронштадте и Владивостоке — 2 руб.; Иваново-Вознесенске — 75 коп., Одессе — 60 коп.

[188] ЛГИА, ф. 210 Спб. городской санитарной комиссии, оп. 1, д. 600, 1913. — По вопросу о постройке новых и расширении существующих городских больниц, л. 1—6.

[189] См.: Вересаев В. Два конца. — Собр. соч. В 5-ти т. М., 1961, т. 2, с. 270.

в городских и других больницах. На предприятиях следовало иметь (при наличии более 50 рабочих) приемный покой для оказания первоначальной помощи в случае травм и заболеваний. При наличии 50—200 рабочих в приемном покое следовало иметь не менее 1 койки, от 200 до 1000 — не менее 2, более 1000 — 3. Предприниматели были обязаны содержать постоянного врача, который при 50—100 рабочих должен был производить прием больных не менее раза в неделю, при 100—500 рабочих — 2 раза в неделю, от 500 до 1000 рабочих — 3 раза и свыше 1000 — принимать больных ежедневно. На предприятиях, имевших более 500 рабочих, требовалось постоянное нахождение фельдшера.[190]

Во всех случаях, когда предпринимателей столицы упрекали в плохой организации медицинской помощи, они ставили себе в заслугу то обстоятельство, что на частных предприятиях имелось 5 лечебниц: Путиловская — на 84 койки, завода Кенига — на 10, завода бывш. Парвиайнена — на 28, Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры — на 28, за Невской заставой совместная общая больница 8 заводов — на 50 мест. Кроме того, больницы имели койки для 2 казенных заводов: 30 для Ижорского и 60 для Обуховского.[191]

Однако о состоянии медицинского обслуживания фабрично-заводских рабочих даже в столице рабочая печать сообщала с чувством горечи и гнева. Лечение чаще всего осуществлялось в амбулаториях полупьяными фельдшерами. Такая «помощь» приводила к трагическим исходам. В начале февраля 1911 г. от заражения крови на фабрике Торнтона умерла работница.[192] 26 сентября на Кабельном заводе от несчастного случая скончался рабочий Викторов В., которому не была оказана своевременная медицинская помощь.[193]

В Петербурге в рассматриваемое время, как отмечалось, существовал больничный сбор в размере 1 руб. в год с каждого рабочего. Несмотря на то что город был обязан обеспечить рабочих врачебной помощью, петербургские одинокие рабочие тратили около 1% бюджета (в среднем около 8 руб. каждый), а семейные еще больше (13 руб. на семью) на врачей и лекарства. Расходы на медицинскую помощь росли с ростом бюджета рабочего. Больше всего на лечение тратили рабочие с бюджетом 700 руб. и выше.[194]

---

[190] Ведомости С.-Петербургского градоначальника и столичной полиции, 1897, 24 января.

[191] Мурзинцева С. В. Из истории экономического положения рабочих на предприятиях военного и морского ведомства в 1907—1914 гг. в Петербурге. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1959, № 270, с. 228.

[192] Звезда, 1911, 5 февраля.

[193] Местная хроника. Васильевский остров. — Металлист, 1911, № 2, с. 13.

[194] Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. — Зап. ИРТО, 1909, № 3, с. 91—93.

Больничный сбор с рабочих, кроме Петербурга, взимался и в других названных выше крупных промышленных центрах. На основе этого рабочие приобретали бесплатное право лечиться в городских больницах.[195] Фабричные присутствия этих городов издали соответствующие постановления. На остальной территории страны фабрично-заводские предприятия, расположенные в сравнительно небольших городах и сельских местностях, обязаны были иметь свои приемные покои и больницы с определенным числом мест (в зависимости от числа рабочих). Например, в Подольской губ. летом 1899 г. при фабриках и заводах насчитывалось 49 больниц с 382 койками, из них 47 — при сахарных заводах. В них лечили не только рабочих, но и членов их семей и местных жителей.[196] В таких крупных городах, как Нижний Новгород, Рига и многих других, согласно закону 1866 г. и соответствующим обязательным постановлениям губернских присутствий, предприниматели содержали на предприятиях лишь приемные покои, а рабочих лечили в городских или земских больницах, уплачивая им по договоренности определенную сумму за каждый день лечения.

Несмотря на это кажущееся упорядочение вопроса, к началу рассматриваемого периода дело с постановкой врачебной помощи даже фабрично-заводским рабочим обстояло неблагополучно. По подсчетам главного фабричного ревизора Е. М. Дементьева, к 1897 г. на 19 292 фабрично-заводских предприятиях с 1.5 млн. рабочих медицинскую помощь оказывали только на 3488 предприятиях (18%) примерно с 1 млн. рабочих на них (70% рабочих).[197]

По данным Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, половина всех рабочих, пользовавшихся медицинской помощью (35% всех фабрично-заводских рабочих России), лечилась в фабричных больницах (35.4 тыс.), 15 тыс. (7.5% всех охваченных лечением рабочих) — в амбулаториях, около 12 тыс. (2.3% всех рабочих) — в приемных покоях и 4.5 тыс. (1.6%) — по соглашению с земствами, городскими и другими учреждениями.[198]

По этим же данным, из общего числа фабрик (1028 с 579 726 рабочими), где рабочим оказывалась больничная помощь, 710 фабрик России с 514 615 рабочими имели свои специальные

---

[195] ЦГИА СССР, ф. 20 Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, оп. 13а, д. 203, 1899—1905. — О врачебной помощи рабочим, *л. 8 об.—10 об.*

[196] ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 13а, д. 178, 1899—1907. — Обязательные постановления присутствий относительно врачебной помощи, *л. 11—13.*

[197] Дементьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. Спб., 1899, с. 222—224.

[198] ЦГА г. Москвы, ф. 143 Московского биржевого комитета, оп. 2, д. 134, 1906—1907. — Замечания представителей Московского биржевого комитета и Московского отделения торговли и мануфактур по проекту о врачебной помощи, *л. 212.*

больницы, устроенные отдельно или совокупно для нескольких предприятий, по соглашению их владельцев; прочие же 318 фабрик с 65 111 рабочими достигали той же цели путем соглашения с городскими и земскими больницами. Чем крупнее были фабрично-заводские предприятия, тем больше среди них было фабрично-заводских заведений, оказывавших врачебную помощь рабочим, и наоборот. Так, в 1897 г. из 192 предприятий с числом рабочих более 1000 человек в каждом не оказывали врачебной помощи лишь 9 фабрик (4.6% всего их числа), тогда как на самых мелких с числом рабочих до 15 человек помощь оказывалась лишь на 155 из 623, т. е. на ничтожном их числе, не достигавшем и 2% их общего числа.[199]

Ниже, в табл. 7, на основании собранного за 1897 г. по поручению Департамента торговли и мануфактур статистического материала приводятся данные о стоимости врачебной помощи на одного рабочего на предприятиях с различным числом рабочих.[200]

Таблица 7

Больницы	Стоимость врачебной помощи (руб., коп.) на фабриках с числом рабочих					На всех фабриках
	16—50	51—100	101—500	501—1000	свыше 1000	
Самостоятельные	13.95	11.32	6.57	4.88	4.01	4.65
Совместные	3.10	4.80	2.86	4.49	3.69	3.60
Прочие	8.61	8.54	5.86	4.84	3.99	4.57
По соглашению с земствами	3.10	3.03	2.16	2.96	0.75	2.38
По соглашению с городскими думами	2.18	5.18	—	—	6.15	6.02

Как видно из приведенных в табл. 7 данных, стоимость больничного лечения одного рабочего в фабрично-заводских больницах при отдельных предприятиях составляла 4 р. 65 к., на совместных — 3 р. 60 к. в год, а во всех остальных больницах — 4 р. 57 к. Лечение рабочих в земских больницах обходилось предпринимателям дешевле и составляло 2 р. 38 к., а в больницах, принадлежавших городским думам, — очень дорого: расходы на лечение одного рабочего составляли 6 р. 02 к. в год. При рассмотрении данных табл. 7 обращает на себя внимание следующее обстоятельство: чем мельче фабрика, тем дороже для нее обходилось лечение рабочего, и наоборот. Из всех видов больниц дешевле всего предпринимателям обходилось лечение рабочих в земских больницах.

Оба эти вывода относятся и к стоимости содержания рабочих в приемных покоях и приема в амбулаториях. Здесь отметим

[199] Там же.
[200] Там же, л. 212 об.

лишь, что стоимость врачебной помощи в 1897 г. в среднем на одного фабрично-заводского рабочего в приемных покоях отдельных фабрично-заводских предприятий составляла в среднем 3 р. 48 к., в амбулаториях — 3 р. 28 к., совместных приемных покоях нескольких предприятий — 2 р. 56 к., амбулаториях — 2 р. 70 к. и приемных покоях вообще — 3 р. 46 к., амбулаториях вообще — 3 р. 27 к.[201]

Качество врачебной помощи на фабрично-заводских предприятиях точно охарактеризовал главный фабричный ревизор Е. М. Дементьев. Он отмечал, что, несмотря на многочисленный персонал, фабричная медицина находилась в весьма неудовлетворительном состоянии, так как фабриканты неохотно брались за чуждое им дело: лечебные заведения были неблагоустроены и персонал их слабо подготовлен. «Фабричная медицина, — писал Е. М. Дементьев, — в настоящем ее виде есть преимущественно фельдшерская медицина со всеми недостатками последней».[202]

Было бы все же неверно думать, что длительная и упорная борьба рабочего класса за улучшение своего экономического положения, в частности, за улучшение медицинского обслуживания, не дала никаких положительных результатов. В революционной борьбе с царизмом и капиталистами рабочий класс добился того, что значительная часть пролетариата стала пользоваться медицинской помощью. Если в 1912 г. от 85 до 90% населения России не получало никакой медицинской помощи, то из фабрично-заводских рабочих ее не получали только 16%. По данным того же Е. М. Дементьева, из 1 млн. 782 тыс. рабочих, занятых на 10 448 предприятиях страны с числом рабочих 16 человек и выше, удовлетворительной медицинской помощью пользовались 1 482 000 человек, т. е. 83% всех рабочих, неудовлетворительной — 42 948 рабочих, или 2.4%. Остальные 256 930 рабочих, т. е. 8—16%, не получали никакой помощи.[203]

Стоимость лечения рабочих при удовлетворительной постановке дела стоила от 4 р. 99 к. в год; неудовлетворительное лечение обходилось от 1 р. 24 к. до 4 р. 69 к. в год.

Таким образом, в то время как на лечение каждого человека из русского населения, не занятого в промышленности, тратилось всего по 60 к. в год, фабрично-заводские рабочие добились, что к 1912 г. на лечение каждого из 84% всех рабочих, охваченных врачебной помощью, в год предприниматели тратили от 1 р. 24 к. до 6 р. 68 к.[204]

---

[201] Там же, л. 12 об.

[202] ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 13а, д. 203, 1899—1905. — О врачебной помощи рабочим, л. 2—2 об.

[203] ЦГА г. Москвы, ф. 143, оп. 2, д. 137, 1908—1912. — Протоколы заседаний комиссий по рабочему законодательству, л. 42.

[204] Там же, л. 43.

Подробные сведения о врачебной помощи рабочим частных и казенных горных и горнозаводских предприятий на 1904 г.[205] отложились в фондах Горного департамента Министерства торговли и промышленности. Закон 1886 г. возложил на губернские не только фабрично-заводские, но и горнозаводские присутствия обязанность издавать постановления о мерах для охранения жизни и здоровья рабочих и оказания им врачебной помощи. Это положение вошло в состав статей 102 Уст. о пром. (изд. 1893 г.), а затем распространилось на горные заводы и промыслы (ст. 160—168, 647—660 Уст. Горн.).

Территориальное административное деление горных округов России в начале рассматриваемого нами периода было изменено. Согласно Уст. Горн. (изд. 1902 г.), на территории страны насчитывалось 11 горных областей. Из них 4 (Северная, Северо-Западная, Волжская и Замосковская) были подчинены непосредственно Горному департаменту, а 7 (Уральская, Западная, Южная, Юго-Восточная, Кавказская, Западно-Сибирская и Восточно-Сибирская) — местным горным управлениям.[206]

Имея возможность рассмотреть лишь общие итоги по оказанию медицинской помощи рабочим на частных предприятиях горной и горнозаводской промышленности, прежде всего отметим, что они резко распадаются на 2 большие группы: в первую входят Европейская Россия с Кавказом, т. е. подавляющая часть горных и горнозаводских рабочих России, во вторую — Сибирь с Туркестаном и Закаспийской областью. Если данные первой группы в какой-то мере сравнимы, поддаются обобщениям, то данные второй группы — разрознены и весьма своеобразны.

В табл. 8 приводятся сведения о медицинской помощи рабочим на предприятиях горной и горнозаводской промышленности Европейской России и Кавказа за 1904 г.[207]

По данным табл. 8, в 1904 г. на 3.8 тыс. горных и горнозаводских предприятиях Европейской России и Кавказа были заняты 426.3 тыс. рабочих. Из-за большого числа несчастных случаев предприниматели этой отрасли были вынуждены содержать значительную сеть больниц, амбулаторий и приемных покоев.

По данным Горного департамента, 79% рабочих лечились в отдельных или совместных с другими предприятиями больницах, 6.5 — получали помощь в приемных покоях, 3 — амбулаторно, 6.3% — в земских или городских больницах. Около 5% горных и горнозаводских рабочих, преимущественно занятых на

---

[205] В 1905 г. Горный департамент с целью выяснения сведений о постановке оказания врачебной помощи горнорабочим разослал окружным инженерам анкеты с 12 вопросами. Приводимый ниже материал о состоянии оказания врачебной помощи горным и горнозаводским рабочим России составлен на основании ответов на эти вопросы.

[206] Названные 11 областей делились на 63 горных округа. Кроме того, особый род горных округов составляли Туркестанский и Закаспийский.

[207] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 324, 1905—1907. — Сведения о врачебной помощи рабочим, л. 299 об.—300.

Таблица 8

Горные области	Число		Количество больниц (число коек)	Приемные покои и амбулатории (число коек)	Ежегодные расходы на врачебную помощь (руб., коп.)	Расход на одного рабочего в год (руб., коп.)
	предприятий	рабочих				
Северная, Северо-Западная, Замосковская, Волжская	859	30 833	18 (206)	47 (44)	127 459.79	4.13
Западная	244	42 070	13 (389)	56 (21)	390 780.59	9.29
Южная Россия	759	113 686	71 (1423)	79 (55)	957 184.55	8.41
Юго-Восточная	165	46 470	21 (650)	37 (5)	310 840.49	6.69
Уральская	1257	149 979	84 (1320)	101 (111)	869 211.63	4.65
Кавказская	549	43 296	6 (256)	35 (67)	390 798.97	9.03
Всего:	3833	426 334	213 (4244)	355 (303)	3 046 276.02	6.72

мелких и даже средних размеров предприятиях с числом рабочих менее 16 (11 405 человек) и от 16 до 100 (5843 человека) на 1560 предприятиях, вовсе не получали медицинской помощи. Рабочие большинства заведений, имевших приемные покои и амбулатории, пользовались стационарным лечением в соседних промысловых земских и городских больницах.[208]

Что касается расходов на лечение рабочих, то по первой группе предприятий ежегодный расход, по данным Горного департамента, составлял 2.9 млн. руб. в целом, а на одного рабочего в среднем 6 р. 72 к. Несмотря на то что наибольшее число горных и горнозаводских рабочих к 1904 г. насчитывалось в Уральской горной области, самые сравнительно высокие затраты на лечение рабочих вынуждены были производить предприниматели Западной, Кавказской и Южной горных областей (табл. 8), где, как отмечалось выше, происходило наибольшее число несчастных случаев. Приведем данные о стоимости врачебной помощи рабочим ведущих отраслей промышленности названных округов. Относительно дорого обходилось предпринимателям оказание медицинской помощи рабочим-нефтяникам Кавказской горной области: на лечение терских и дагестанских рабочих расходовалось 17 руб. в год на одного рабочего, на лечение бакинских рабочих — 9 р. 60 к. Примерно так же обходилась в среднем и медицинская помощь самой большой по числу горных и горнозаводских рабочих, по выпуску продукции и известной на всю страну по огромному числу несчастных случаев горной области Южной России. Здесь за год стоимость лечения горнорабочих железных и марганцевых рудников составляла 11 р. 80 к., камен-

[208] Там же, л. 300 об.—301.

поугольных копей — 10 р. 57 к., чугуноплавильных и железоделательных заводов — 11 р. 60 к. Большое число несчастных случаев происходило на шахтах и металлургических заводах Западной горной области. Здесь лечение шахтеров обходилось предпринимателям в среднем 10 р. 57 к. в год, металлургов — 8 р. 91 к. и т. д.[209]

Данные о врачебной помощи на частных предприятиях горной и горнозаводской промышленности Азиатской России — Сибири, Туркестана и Закаспийской области, условно обозначаемые нами предприятиями 2-й группы, резко отличаются от выше проанализированных сведений по предприятиям 1-й группы (табл. 8).

В табл. 9 приводятся сведения о медицинской помощи рабочим на предприятиях горной и горнозаводской промышленности Азиатской России за 1904 г.[210]

Таблица 9

Горные области и округа	Число		Количество больниц (число коек)	Приемные покои и амбулатории (число коек)	Ежегодные расходы на врачебную помощь (руб., коп.)	Расходы на одного рабочего в год
	предприятий	рабочих				
Закаспийский	7	420	Нет	1 (4)	2 140.00	5.09
Туркестанский	13	608	Нет	2 (4)	Свед. нет	Нет
Западно-Сибирская	206	13 104	68 (400)	46 (68)	68 400.00	5.28
Восточно-Сибирская	433	40 612	58 (619)	121 (256)	374 796.00	9.22
Всего:	659	54 744	126 (1019)	170 (332)	445 336.00	8.13

Сведения о врачебной помощи рабочим предприятий Азиатской России свидетельствуют о том, что предприниматели содержали не больницы для рабочих, а лишь приемные покои и амбулатории для осмотра и оказания первой помощи заболевшим. В Западно-Сибирской и особенно в Восточно-Сибирской горных областях предприниматели тратили на лечение значительные средства (табл. 9). В среднем они на полтора рубля превышали средства, затрачиваемые на лечение одного рабочего Европейской России, и достигали 8 р. 13 к. в год. Между тем в Азиатской России дело оказания врачебной помощи было поставлено значительно хуже, чем в Европейской России и на Кавказе. В известной мере это определялось продолжительностью деятельности предприятия. Если месторождение данного полезного ископаемого (угля, железа, марганца, золота и др.) разрабатывалось в од-

[209] Там же, л. 307 об.—308 об.
[210] Там же, л. 309 об.—310.

ном и том же микрорайоне долгие годы, то сооружение больницы не представляло больших финансовых трудностей для предпринимателя. Если же оно разрабатывалось в течение 5—6 лет, как это обычно бывало с золотыми приисками, составлявшими большинство предприятий, то владельцы откладывали строительство, ссылаясь на недостаток средств. Вторым обстоятельством, определявшим уровень врачебной помощи рабочим, во всех случаях являлась близость (или удаленность) к промышленным центрам, удобные (или неудобные) пути сообщения. От этого зависела стоимость строительства больницы для рабочих, квалификация персонала, качество и количество лекарств и т. д., а также и возможность соглашения с другими (городскими и земскими) лечебными учреждениями, если предприниматель не намеревался строить свою больницу. В Азиатской России большинство предприятий находилось в огромном отдалении не только от городов, но и от населенных пунктов вообще, к этим предприятиям часто не вели никакие дороги, а иногда, как например в Буреинском округе, это были конные тропы.[211]

Отсутствие больниц в Туркестанском и Закаспийском горных округах мотивировалось администрацией предприятий тем, что основным костяком рабочих являлись здесь местные жители, которые редко обращались за помощью к врачам, предпочитая лечиться своими средствами. Кроме того, в этих богатых углем и нефтью округах разработка полезных ископаемых еще не получила должного развития, в какой-то степени соответствующей природным богатствам края. Мелкие предприятия не имели достаточных средств для устройства больниц для рабочих и довольствовались амбулаториями и приемными покоями.

В своих выступлениях фабричные врачи отмечали, что в Москве с 1899 до 1910 г. не произошло заметных сдвигов в лечении фабрично-заводских рабочих. То же было сказано и о Петербурге.[212]

В то же самое время врачи отмечали влияние революционного движения 1905—1907 гг. на улучшение постановки медицинской помощи на предприятиях России в целом. Так, функционировавшая с 1903 г. Екатеринославская фабрично-заводская больница (в соглашение вошло 59 предприятий с 3000 рабочих в них) до 1905 г. управлялась исключительно хозяевами. Рабочие в состав правления больницы не допускались. С 1907 г. больницей стал руководить новый состав правления (6 человек — от предпринимателей и 6 — от профсоюзов рабочих). Дела больницы заметно улучшились: увеличилась смета, возросло поступление лекарств, было принято решение пригласить 6 врачей. Больница, несмотря

---

[211] Там же, л. 296 об.—297.

[212] Вегер И. С. Фабричная медицина и земство. — В кн.: Тр. Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1910, т. II, с. 5, 6, 16; Орлов Д. И. Проблемы фабричной медицины. — Там же, с. 253—254.

на саботаж предпринимателей, стала работать хорошо, ее пропускная способность возросла.[213]

В Иваново-Вознесенске с 1861 г. функционировала одна больница для мастеровых и рабочих. К 1909 г. число рабочих на 35 фабриках составляло уже около 32 тыс. Больница находилась в ведении Городской думы, но расширение ее производилось за счет фабрикантов. Каждый рабочий и мастеровой по уставу больницы должен был уплачивать, несмотря на существующие узаконения о бесплатном лечении рабочих, больничный сбор. В революционные дни 1905 г. иваново-вознесенские фабрично-заводские рабочие добились отмены этого сбора. После 1905 г. его восстановили для некоторых категорий рабочих (мастеровые, прислуга и рабочие других отраслей наемного труда). Медицинская помощь рабочим оказывалась в амбулаториях при каждом фабрично-заводском предприятии, обслуживаемых в зависимости от числа рабочих фабричными врачами. Заболеваемость рабочих была очень высокой и достигала на крупных предприятиях 360—380 человек на 100, а в мелких, где заболеваемость была выше, 440—450 человек на 100.[214]

В Бакинском промышленном районе Белый город (часть Заводского р-на) и весь промысловый район, где добывалась нефть (Балаханы, Сабунчи, Раманы, Сураханы, Биби-Эйбат), из-за отсутствия в них местного самоуправления находились в отношении медицинского обслуживания в ведении Совета съездов бакинских нефтепромышленников. Здесь трудилась основная часть бакинских рабочих. Баку и Черный город (часть Заводского р-на) обслуживало Бакинское городское управление.

Ежегодные расходы Совета съездов бакинских нефтепромышленников на врачебную и амбулаторную помощь рабочим достигли 600 тыс. руб., причем бесплатную медицинскую помощь получали не только рабочие (48 тыс.), но и остальное промысловое население (24 тыс.). Всего Съезд бакинских нефтепромышленников имел 6 амбулаторий и 2 больницы на 450 коек. Бурные революционные выступления бакинских рабочих в 1905—1907 гг. привели к росту смет Совета съездов на медицинскую помощь рабочим, достигшую в денежном выражении около 1 млн. руб.[215]

Как видно из приведенных данных, в ходе и в результате буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. предприниматели были вынуждены увеличить расходы на медицинскую помощь рабочим. К решению вопросов о лечении и организации лечебных учреждений стали допускаться представители рабочих

---

[213] Винокуров А. Н. Екатеринославская фабрично-заводская больница. — Там же, с. 23—24.

[214] Алявдин П. А. Заболеваемость рабочих и организация медицинской помощи на фабриках и заводах г. Иваново-Вознесенска. — Там же, с. 36—39.

[215] Дурново А. С. Некоторые данные о медико-санитарной организации съезда бакинских нефтепромышленников. — Там же, с. 56—65.

организаций. Все это необходимо было законодательно и организационно закрепить. Поэтому на I Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей большинством голосов была принята резолюция об улучшении медицинского обслуживания на фабрично-заводских предприятиях. Прежде всего было зафиксировано, что лечение рабочих должно производиться за счет предпринимателей, а там, где взимался с рабочих больничный сбор, он подлежит отмене. Отмечалось также, что фабричную медицину нельзя передавать в руки земствам: лечебные учреждения должны находиться недалеко от предприятий и учитывать особенности обслуживаемой профессии, медицинская помощь должна предусматриваться фабричным законодательством и т. д. Земская медицина не отвечала этим требованиям. Фабричная медицина не могла быть передана также и в руки других органов местного самоуправления. Поэтому съезд признал «единственно целесообразным и соответствующим интересам рабочего класса передачу врачебного дела для рабочих всех отраслей наемного труда в руки самоуправляющихся рабочих больничных касс».[216]

Оказание врачебной помощи рабочим казенных горных и горнозаводских предприятий в 1900—1914 гг. производилось на основании статей 117, 118, 125, 130 и 912—922 т. VII Уст. Горн. изд. 1898 г. и по прод. 1902 г.[217]

По этим законам и рабочие, и члены их семейств лечились как в больнице своего завода, так и у заводского врача бесплатно до полного выздоровления. Если же рабочий заболел не вследствие горнозаводских работ, то он содержался в больнице за счет завода лишь первые 2 месяца, причем за это время холостые рабочие получали пособие в размере $^1/_3$ заработка, семейные бездетные до $^1/_2$, а семейные с детьми в объеме $^3/_4$ заработка. По истечении 2-месячного срока рабочие и их семьи получали пособия из вспомогательных касс своих горнозаводских товариществ.[218]

К 1904 г. Горный департамент имел 22 действовавших предприятия с 32 072 рабочими на них (31 107 мужчин и 965 женщин). Наибольшее число заводов (18 с 29 903 рабочими) находилось в Уральской горной области. Самые крупные 13 предприятий с 23 323 рабочими имели отдельные больницы с общим числом коек 244 и 8 приемных покоев; 6 предприятий с 8373 рабочими имели 3 совместные больницы всего на 80 коек, 3 приемных покоя и 1 амбулаторию; 3 предприятия с 376 рабочими имели

---

[216] Тр. Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. Т. II, с. 169—170. Более поздних отчетов о состоянии медицинской помощи на фабриках и заводах не обнаружено.

[217] Первые постановления о врачебной помощи содержались в проекте Горного положения 1806 г., где в ст. 679 указывалось, что каждый завод и селение при руднике с числом более 200 человек должны иметь госпиталь с одним лекарем (ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 324, 1907, л. 295).

[218] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 324, 1907. — Врачебная помощь рабочим на горных заводах и промыслах, л. 295 об.

приемные покои, больничная же помощь рабочим в них оказывалась в ближайших казенных городских больницах.

В среднем в больницах казенных горных и горнозаводских предприятий 1 койка приходилась на 99 рабочих, а расход на 1 рабочего в год составлял 5 р. 45 к. Однако эти средние данные числа рабочих, приходившихся на одно больничное место, были весьма приближенными и не отражали, как и на частных фабрично-заводских предприятиях, истинного положения дел. Так, к 1904 г. при 7214 рабочих на Пермских пушечных заводах в больнице имелось всего 26 коек, что никак не могло удовлетворять нужды заболевших рабочих. Больница Верхнетуринских заводов (1940 рабочих) имела всего 6 коек и т. д.[219]

В 1907 г., по данным фабричной инспекции, из 14 247 заведений с 1814 тыс. рабочих (за исключением Баку), подчиненных ее надзору, врачебная помощь оказывалась 84% рабочих. На мелких фабриках (до 15 рабочих) помощь оказывалась лишь в 8% заведений, в крупных (более 500 рабочих) — в 96%.

Из названного выше общего числа фабрично-заводских заведений только 964 оказывали медицинскую помощь рабочим в заводских больницах, 327 располагали для этого лишь приемными покоями, 2932 лечили амбулаторно, 541 имело на этот счет специальные соглашения с городскими думами или земствами.

Таким образом, из общего числа фабрично-заводских заведений, оказывавших в 1907 г. рабочим медицинскую помощь, только 17% предприятий располагали для этого собственными больницами. В среднем на лечение одного рабочего в 1907 г., по данным фабричной инспекции, расходовалось 6 руб. в год.[220]

Подавляющее большинство других категорий наемных рабочих — сельскохозяйственные, занятые в мелкой промышленности и др., подобно большей части неимущего населения России, в случае заболевания не получало медицинской помощи.

---

[219] Там же, л. 296—296 об.

[220] К-вич. Врачебная помощь рабочим. — Торгово-промышленная газета, 1910, 13 января, № 10.

Глава II

УСЛОВИЯ БЫТА РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В 1900—1914 гг.

Быт рабочего — условия существования его в свободное время, в домашних условиях в период отдыха от работы (прежде всего квартирные условия) и восстановление израсходованных сил для нового трудового дня (проблемы питания) — вот основные вопросы, которые встают перед исследователем условий быта рабочих дореволюционной России. Если учесть, что подавляющую часть расходного бюджета рабочие тратили именно на питание и жилища,[1] то станет ясно, что в жизни рабочего они являлись определяющими.

1. Жилищные условия

Капиталистический способ производства, являющийся прямым выражением капиталистической эксплуатации, выколачивания из рабочей силы прибавочной стоимости, неизбежно ведет к росту больших городов и порождает жилищную нужду рабочих. Стоимость земельных участков в таких городах, особенно центре, колоссально возрастает. Рабочие жилища не могли повысить стоимость участков, их сносили, а рабочих загоняли в подвалы или на чердаки, оттесняли на окраины.

Ф. Энгельс в труде «К жилищному вопросу» наголову разбивал реакционность мелкобуржуазных учений, в которых выражалось сожаление по поводу лишения пролетариата крупных городов при капитализме собственных жилищ. Он указывал, что жилищная нужда рабочих неизбежна и что она «представляет собой одно из бесчисленных *более мелких,* второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства».[2]

[1] См.: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, с. 230—234.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 208.

Лишение собственного крова рабочих крупных капиталистических городов, по мнению Ф. Энгельса, было явлением не только неизбежным и объективно прогрессивным, но и первейшим условием духовного освобождения рабочих: «Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле рабочего в лишенного всякой собственности, избавленного от всех унаследованных цепей, *поставленного вне закона* пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства».[3]

Несмотря на то что со времени введения крупного капиталистического производства положение рабочих в целом ухудшилось, рабочий не должен, продолжал свою мысль Ф. Энгельс, с тоской оглядываться назад: «Напротив. Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству».[4]

С возникновением капиталистического способа производства и его развитием во всех капиталистических странах на страницах журналов, газет и в научных трудах различных направлений остро дебатировался вопрос о том, как разрешить жилищную нужду. Классики марксизма-ленинизма правильно ответили на этот вопрос, подвергая сокрушительной критике лицемерные и лживые филантропические построения мелкобуржуазных и буржуазных ученых.

Ф. Энгельс отмечал, что жилищная нужда рабочих при капитализме — не случайность, а необходимый институт развития капиталистического общества: «... без жилищной нужды не может существовать такое общество, где огромная масса трудящихся должна жить исключительно на заработную плату... где новые усовершенствования в машинной технике и т. д. непрерывно лишают работы массы рабочих; где бурные, регулярно повторяющиеся колебания промышленности обусловливают, с одной стороны, наличие многочисленной резервной армии незанятых рабочих, а с другой стороны, выбрасывают время от времени на улицу большую массу рабочих, ставших безработными; где рабочие скопляются массами в больших городах и притом быстрее, чем при существующих условиях создаются для них жилища; где, стало быть, самые мерзкие свиные хлева всегда найдут себе съемщиков; где, наконец, домовладелец, в качестве капиталиста, не только имеет право, но, в силу конкуренции, в известной мере даже обя-

---

[3] Там же, с. 213—214.
[4] Там же, с. 214.

зан беспощадно выколачивать из своего домовладения наиболее высокую по размеру наемную плату».[5]

Ф. Энгельс критикует книгу немецкого буржуазного ученого Э. Закса,[6] в которой автор заявляет, что капиталисты не знают, какую важную роль играет нормальное жилье в жизни рабочих.

Русские промышленники в рассматриваемое нами время прекрасно понимали, что вопрос о рабочих жилищах является вопросом социальной политики. Наиболее концентрированно их точка зрения на жилищные условия рабочих изложена в объяснительной записке Совета съездов промышленников России к материалам по пересмотру рабочего законодательства для комиссии 1906 г. под председательством М. М. Федорова. В ней отмечалось, что «для нравственного и материального подъема положения рабочих этот вопрос имеет едва ли не большее значение, чем вопрос о зарплате и рабочем времени».[7]

Предприниматели России демагогически утверждали, что в тяжелом жилищном положении рабочих виновно правительство, так как рабочее законодательство не содержит постановлений, поощряющих строительство жилищ для рабочих.[8]

Как же можно разрешить жилищный вопрос при капитализме?

Классики марксизма-ленинизма считали, что жилищная проблема решалась при капитализме так же, как и любой другой общественный вопрос: «постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, то есть не дает никакого решения».[9]

Ф. Энгельс отмечал, что в больших городах Европы, в частности Англии, имелось достаточное число жилых зданий, чтобы «тотчас помочь действительной „*нужде* в жилищах“ при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах».[10]

В. И. Ленин в сентябре 1910 г. то же самое указывал и относительно России: «... статистика квартир в каждом большом городе покажет нам, что низшие классы населения, рабочие, мелкие торговцы, мелкие служащие и т. д., всего хуже живут, имеют самые тесные и самые плохие квартиры и *всего дороже* платят за 1 кубический фут. По расчету на единицу пространства квар-

---

[5] Там же, с. 231.

[6] **Закс** Э. Жилищные условия трудящегося класса и их реформа. Вена, 1869.

[7] **ЦГИА СССР**, ф. 150, оп. 1, д. 494, 1906—1907 (Матер. по обсуждению основных положений проектов, выработанных Министерством торговли и промышленности по рабочему законодательству, ч. I, л. 71).

[8] Там же, л. 71—72.

[9] **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., т. 18, с. 221.

[10] Там же.

тиры фабричной казармы или любой трущобы для бедноты дороже шикарных квартир где-нибудь на Невском».[11]

Обследование положения, в частности, жилищных условий рабочих более 150 крупнейших промышленных городов Англии, Бельгии, Франции и Германии осенью 1905 г. Департаментом труда английского Министерства торговли показало, что рабочие этих капиталистических государств в подавляющем числе были в состоянии снимать квартиры из 2 и более комнат. В Англии и Бельгии капиталисты строили рабочие квартиры, размещавшиеся в специальных коттеджах, в Германии — в обычных больших многоэтажных домах, во Франции — и в коттеджах, и в больших домах. В России рабочие бюджеты страдали хроническим дефицитом, а царское правительство не строило жилищ для рабочих и не поощряло в этом отношении частное предпринимательство. В Петербурге квартиры стоили дороже, чем в Германии, где они были самыми дорогими на Западе. Так, если однокомнатная квартира в Берлине стоила в год 108 руб., то в Петербурге — 155 руб.; двухкомнатная соответственно — 175 и 249 руб., 3—5-комнатная — 375 и 445 руб. и т. д. Таким образом, от дороговизны страдали самые малообеспеченные слои населения.[12]

По наблюдениям доктора Н. А. Рубеля, сдача квартир под углы в столице являлась одной из выгоднейших профессий, приносившей до 50% дохода.[13]

Сами рабочие при крайне низкой в России заработной плате и хроническом дефиците в приходо-расходном бюджете[14] не могли объединяться в кооперативы или строительные товарищества для постройки жилищ, тем более что земельные участки, особенно в больших городах, стоили неимоверно дорого. Ф. Энгельс отмечал, что даже английские рабочие и рабочие на континенте Европы, сравнительно более высоко оплачиваемые, не могли создать жилищно-строительных товариществ.[15]

Что же предпринимали капиталисты в области строительства жилищ для рабочих?

В упомянутой выше записке Совета съездов представителей промышленности и торговли признавалось, что жилища рабочих во всех отношениях неудовлетворительны: размещены они чаще всего на чердаках и в подвалах, комнаты низки, темны и переполнены жильцами. Эти недостойные человеческого существова-

---

[11] Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 343.

[12] Пажитнов К. Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России. — В кн.: Тр. Вольного экономического общества, 1911, т. 1, с. 85—86. В рабочих районах столицы, как это видно из данных табл. 13, комнаты стоили от 150 до 300 руб. в год.

[13] Бинштok В. И. Где и как ютится петербургская беднота. — В кн.: Итоги. М., 1903, с. 119.

[14] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 246.

[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 246.

ния квартиры рабочих, отмечалось в записке, дороги, отдалены от фабрик и заводов, результатом чего является высокая смертность рабочих и членов их семей и различные заболевания.[16] В заключение делался вывод, что строительством дешевых и здоровых жилищ должны ведать специально созданные для этой цели Главный и местные жилищные комитеты в составе выборных от земства, городов, предпринимателей и учреждений по страхованию рабочих. Им надлежит взять на себя решение жилищной проблемы и строить дешевые дома для рабочих, причем государство должно освободить по примеру капиталистических стран Запада это строительство от налогов, сборов и пошлин и финансировать строительные товарищества из капиталов сберкасс и строительных учреждений.[17]

Как видно из записки Совета съездов, предприниматели не приступали в рассматриваемый период к каким бы то ни было реальным начинаниям в строительстве жилищ для рабочих. Они даже были заинтересованы в сохранении жилищной нужды, используя ее как средство давления на рабочих, особенно в сельских или отдаленных от городов местностях, где, как будет показано ниже, капиталисты были вынуждены строить жилища для рабочих. Кстати сказать, эксплуатация рабочих жилищ, как считал Ф. Энгельс, при фабричном производстве в сельской местности представляла для капиталистов очень доходную часть всего основного капитала предприятия.[18] Именно из этих фабричных поселков постепенно вырастали в России, как и в других капиталистических странах, фабричные города со всеми их язвами: «Эти колонии, стало быть, — отмечал Энгельс, — не разрешили жилищного вопроса, а *впервые создали* его в своей местности».[19]

Таким образом, устранить жилищную нужду рабочего класса в период капитализма «капиталисты не хотят, а рабочие не могут».[20]

Казалось бы, строительство жилищ для рабочих — дело правительства. Однако оно считало, что существовавшая в России система полицейско-санитарных предписаний, распространявшихся на все слои населения, должна относиться и к жилищам рабочих. Фабричные и горнозаводские присутствия обязаны были издавать постановления и осуществлять надзор за благоустройством и порядком на частных предприятиях лишь во время работ, а также в отношении врачебной помощи рабочим.

Однако правительство не могло не считаться со скученностью населения, создаваемого фабрично-заводским производством.

---

[16] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 27, д. 322, 1906—1907. — Справки, записки, правила и другие материалы к пересмотру рабочего законодательства, л. 35—36 об.

[17] Там же, л. 22.

[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 242.

[19] Там же, с. 243.

[20] Там же, с. 247.

К тому же в 1900—1914 гг. на страницах газет и журналов то и дело появлялись сообщения о том, что другие капиталистические страны, например Англия, Бельгия, Франция и даже Италия, отказываются от старого метода полицейско-санитарных предписаний в отношении жилищного строительства и переходят к системе постройки дешевых квартир. В Англии, например, к началу XX в. насчитывалось до 3000 строительных организаций, получавших дивиденды от 2.5 до 6%. Они имели от правительства различные льготы, в том числе освобождались от налогов (например, поземельного) и различных сборов.[21]

Царское правительство не только не поощряло строительства предпринимателями дешевых квартир для рабочих, но и облагало строительство многочисленными налогами: налогом с недвижимых имуществ, промысловым налогом со всех сумм, затраченных на постройку, городскими налогами (по устройству канализации, водоснабжения и освещения). Строительством жилищ занимались в основном владельцы частных земельных участков. Из-за повышения с 1904 по 1914 г. цен на участки стоимость их в среднем возросла на 30%.[22] Вздорожание земельных участков и рост квартирной платы вызывались также интенсивным ростом городского населения, особенно его рабочей части. С 1897 по 1914 г. численность всего населения России возросла (без Польши) на 33.7, а городского — на 58.4%.[23] Наиболее бурно за это время возросло население крупнейших промышленных центров: Петербурга — с 1.3 до 2.1 млн. чел., Москвы — с 1.0 до 1.8, Риги — с 0.3 до 0.6, Екатеринослава — с 0.1 до 0.2 млн. чел. и т. д.[24]

«Кому неизвестно, — отмечалось в ленинской „Искре“, — что в больших городах квартирный вопрос для рабочих — вопрос первостепенной важности... Отсутствуют всякие удобства для жизни рабочих, не берется во внимание никаких соображений, за исключением наибольшей наживы на каждом вершке площади пола».[25]

На всю страну насчитывалось лишь несколько маломощных благотворительных учреждений, занимавшихся строительством жилищ для рабочих.[26] В справке Министерства торговли и промышленности, разъяснявшей причины создания названных учре-

---

[21] Вестник финансов, промышленности и торговли, 1914, № 9, с. 392—395.

[22] Там же.

[23] Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956, с. 88.

[24] Там же, с. 89—91.

[25] Искра, 1901, 10 сентября.

[26] Это были Общество для улучшения в С.-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения (1902), Товарищество устройства и улучшения жилищ для пришлого рабочего люда в С.-Петербурге (1906), Общество для улучшения в Киеве помещений рабочего и нуждающегося населения (1903), Варшавское товарищество устройства и улучшения жилищ и т. д. (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 791, л. 29—37).

ждений, отмечались крайне негигиенические условия, в которых проживал рабочий люд.[27]

Согласно российскому законодательству, санитарные требования по устройству и содержанию жилых помещений для рабочих осуществляли Главное и губернские по фабричным и горнозаводским делам присутствия (путем издания обязательных постановлений) и земские учреждения и городские общественные управления. Надзор за выполнением обязательных постановлений присутствий и земских и городских управлений возлагался на фабричную инспекцию и общую полицию. Это же подтверждалось циркуляром № 795 министра внутренних дел губернаторам и градоначальникам от 27 июня 1913 г. под названием «О санитарном благоустройстве фабрично-заводских предприятий и горных промыслов и санитарном надзоре за ними».[28] Участие владельцев предприятий в деле строительства рабочих жилищ считалось делом добровольным.[29]

«Государство, — отмечал Ф. Энгельс, — есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты. . ., того не желает и их государство».[30]

При капиталистическом строе невозможно разрешить ни одного вопроса о положении рабочих. «Решение, —писал Ф. Энгельс, — состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении всех жизненных средств и средств труда самим рабочим классом».[31]

Пока же, на буржуазно-демократическом этапе революции, партия большевиков ставила перед рабочим классом с целью улучшения его жилищных условий задачу путем организации революционной классовой борьбы за улучшение жилищных условий всемерно добиваться «надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан».[32]

В рассматриваемый период в России существовали следующие главные типы рабочих жилищ: помещения, снимаемые рабочими у домохозяина, и собственные их дома и помещения от предприятия (квартира, комната, каморка или нары в фабричной казарме).

[27] Там же, л. 30 об.

[28] Журнал Русского общества по охранению народного здравия, 1913, № 9—10, с. 124—128.

[29] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 237, л. 23—24 об.

[30] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 253.

[31] Там же, с. 259.

[32] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 1, с. 65.

За 1900—1914 гг. не осталось массовых анкет или обследований по жилищному вопросу. Вновь учрежденное Министерство торговли и промышленности в 1906 г. при составлении записки «Об улучшении жилищ фабрично-заводских рабочих» пользовалось собранными в 1894 г. Департаментом торговли и мануфактур данными, по которым в «не вполне удовлетворительных в санитарном отношении» помещениях от предприятий жили 20% всего числа рабочих, а в еще более худших в санитарном отношении частных наемных квартирах — 60 и еще 20% — в собственных квартирах или домах.[33]

В 1897 г. в Европейской России из 2 169.1 тыс. промышленных рабочих 61.6% проживали на частных квартирах или в собственных домах и 38.4% — в помещениях от предприятия.[34]

Жилищные условия рабочих каждого промышленного района, как и условия их быта в целом, складывались исторически, в течение длительного времени и имели свои особенности.

а) Петербургский промышленный округ

В Петербургском промышленном округе основная масса фабрично-заводских рабочих была сосредоточена в городах Петербурге, Риге, Ревеле и др. Только в одном Петербурге к 1914 г. насчитывалось 250 тыс. рабочих. В столице ярче всего проявились социальные контрасты, характерные для капиталистических городов. Благоустроенные центральные районы — Адмиралтейская часть, 1-й участок Васильевской части, Казанская часть, Рождественская и др. — с роскошными дворцами и набережными заселялись представителями царской фамилии и дворцовой камарильи, высшим духовенством и чиновничеством, капиталистами. Улицы были замощены и освещены, действовали канализация и водопровод и т. д.

Пролетарии селились на дальних окраинах города и в пригородах, в неблагоустроенных, негодных для проживания домах.

Согласно данным табл. 10, в губерниях Петербургского промышленного округа в 1902 г. в городах и вне городов численность рабочих выражалась в следующих цифрах.[35]

Как видно из данных табл. 10, около 70% рабочих Петербургского фабричного округа размещались в городах, где можно было снять помещение для жилья в зависимости от квалификации ра-

---

[33] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 237, 1902. — По вопросу об улучшении быта рабочих..., л. 25 об.—26 об.; Погожев А. В. Жилищная нужда в промышленных центрах России. — В кн.: Тр. Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1910, т. 1, с. 114—115.

[34] Кирьянов Ю. И. Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905—1907 гг. — Ист. зап., 1977, т. 98, с. 170—171.

[35] Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. Спб., 1906, Приложение. Табл. I, с. 2—17. (Проценты подсчитаны автором).

Таблица 10

Губернии Петербургского округа	В городах		Вне городов	
	абс.	%	абс.	%
Архангельская	1 670	14.3	10 138	85.7
Витебская	9 193	73.6	3 291	26.4
Курляндская	6 209	63.7	3 544	36.3
Лифляндская	43 593	89.4	8 000	10.6
Новгородская	586	3.7	15 301	96.3
Олонецкая	958	41.9	1 326	58.1
Псковская	925	31.1	2 049	68.9
С.-Петербургская	130 479	83.9	24 990	16.1
Тверская	4 685	16.4	23 805	83.6
Эстляндская	6 918	49.3	7 129	49.7
Всего:	205 216	67.3	99 573	32.7

бочего и уровня его заработной платы. Поэтому на Севере и Северо-Западе в 1897 г. из общего числа промышленных рабочих 78% проживали в снимаемых или собственных помещениях и только 22% — в помещениях от предприятия. В Петербургском уезде в фабричных казармах проживали всего 10% рабочих.[36]

По данным бюджетной анкеты С. Н. Прокоповича, распространенной в феврале—марте 1908 г. среди наиболее грамотной, сознательной и высокооплачиваемой части рабочих столицы — членов профессиональных организаций и рабочих клубов, из 632 опрошенных 570 жили на «вольных» квартирах, снимаемых у квартировладельцев. В зависимости от заработка они снимали самые разнообразные жилые помещения. Одинокие рабочие с заработком от 100 до 500 руб. в год снимали чаще всего «углы» в комнатах. Рабочие следующих бюджетных групп (500—800 руб.) снимали комнаты, а получавшие более 800 руб. в год — даже квартиры. При заработке до 500 руб. одинокий рабочий тратил на квартиру 13% бюджета, свыше 500 руб. — 15—17%. Семейные рабочие при доходах до 600—700 руб. в год снимали койки, «углы», полукомнаты, а при доходах 700 руб. и выше — комнаты и даже квартиры. В первом случае семейные рабочие тратили на квартиру 8—16% бюджета, во втором — 20—23%. Из 632 опрошенных на хозяйской квартире проживали всего 55 одиноких и 2 семейных рабочих.[37]

Однако сведения Прокоповича, по его собственному признанию, касались наиболее обеспеченной части рабочих столицы.

[36] Кирьянов Ю. И. Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905—1907 гг., с. 169—170.

[37] Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. — Записки Русского технического общества (далее — РТО), 1909, № 2, с. 53, 61—64.

Совсем иную картину дают массовые данные об окраинах Петербурга, заселенных рабочими. Как видно из данных статистического сборника «С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г.», пролетарскими районами столицы, его «красным поясом», являлись отмеченные в табл. 11 районы и участки (подсчеты С. Н. Семанова).[38]

Таблица 11

Части и участки	Число жителей	Число рабочих (без членов семей)	Отношение числа рабочих ко всему населению (в %)		Число лиц привилегированных сословий	
			без семей	с семьями	всего	в % ко всему населению
3-й участок Александро-Невской части	51 848	13 646	28.5	45.0	1 905	3.6
3-й участок Нарвской части	34 610	11 745	34.0	57.8	2 285	6.6
2-й участок Васильевской части	50 292	10 676	21.3	35.2	7 561	15.0
3-й участок Васильевской части	46 497	12 537	27.0	45.9	5 626	12.1
2-й участок Выборгской части	32 362	9 691	30.1	51.2	2 905	9.0
Петергофский участок	68 899	21 554	31.3	53.2	2 408	3.5
Шлиссельбургский участок	78 714	26 181	33.3	56.6	3 203	4.1
Адмиралтейская часть	40 272	2 124	5.2	8.3	8 756	21.6
1-й участок Васильевской части	34 298	2 807	8.4	14.2	10 935	31.8
Всего:	1 439 613	231 932	19.5	29.4	214 260	15.1

В приведенных 7 пролетарских районах столицы в 1900 г. число рабочих составляло 105 420 человек, т. е. 37.8% всего числа рабочих в Петербурге, в то время как все население этих участков достигало лишь 29.0% общего числа жителей.

Наибольшее число рабочих, по данным табл. 11, проживало в Шлиссельбургском участке столицы. Это были металлисты и текстильщики, занятые на близлежащих заводах. Рабочие с семьями составляли около 57% всего населения участка. Вслед за Шлиссельбургским участком по числу рабочих шел Петергофский, где находился поселок Путиловского завода. Ярко выраженными пролетарскими районами являлись 3-й участок Нарвской части и 2-й участок Выборгской части.

Каковы же были условия жизни на «вольных» квартирах у петербургских рабочих?

---

[38] Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966, с. 148. Для сравнения в табл. 11 приведены два центральных района столицы: Адмиралтейская часть и 1-й участок Васильевской части.

Одним из главных показателей жилищных условий является скученность или плотность населения, причем минимальной санитарной нормой тогда считалась 1—1.5 куб. саж. воздуха на человека. При осмотре квартир обращалось внимание также и на влажность воздуха, его температуру, освещенность помещения, наличие водопровода, канализации и т. д.

По данным фабричной инспекции, средний заработок фабрично-заводского рабочего Петербургской губ. в 1900 г. составлял 299 руб. в год, а к 1913 г. возрос до 384 р. 10 к.

Какие же «квартиры» могла снимать на указанный выше заработок подавляющая часть петербургских рабочих?

Прежде всего это были «угловые» квартиры. Сравнительно полный осмотр их санитарными врачами был произведен в Петербурге в 1904 г., когда было осмотрено 3270 квартир с 9432 комнатами. Как видно из доклада 1905 г. председателя санитарной комиссии А. Н. Оппенгейма (на тему «Угловые квартиры») в Городскую думу, в осмотренных квартирах обитало около 52 тыс. человек, в среднем по 16 человек в каждой квартире и по 5—6 человек в комнате. Как отмечалось в докладе, наибольшее число обследованных угловых квартир находилось в Александро-Невской части (614), Васильевской (563), Нарвской (429), Выборгской (381), Рождественской (315), Московской (303).[39]

При осмотре угловых квартир было обнаружено, что из-за невероятной скученности на 1 кровать приходилось по 1.8 человека, причем на большей части постелей и нар отсутствовало белье. Угловые квартиры были настолько переполнены, что единственным мерилом вместимости служила площадь пола: квартира или комната в квартире тогда считалась заполненной, когда ни в какой угол нельзя было втиснуть ни одной койки. Неизменными спутниками скученности населения являлись духота, грязь. В 25% угловых квартир отсутствовал водопровод, 27% были сырыми, темными. Санитарные врачи утверждали, что именно угловые квартиры с невероятной скученностью населения в них являются главными источниками распространения холеры и брюшного тифа. По свидетельству санитарных врачей, «угловыми» жильцами являлись главным образом рабочие и ремесленники.

Наряду с угловыми квартирами рабочие часто снимали подвальные помещения. По обследованию 1900 г., в подвальных квартирах жили 52 023 человека, что составляло 5.5% всех жителей Петербурга. В среднем в одной комнате в подвальных квартирах жили 5.3 человека. Характерно также, что 40% жильцов подвальных квартир довольствовались одной комнатой.[40]

---

[39] Кашкадамов В. П. Санитарные условия жилищ в С.-Петербурге. — Журн. Русского общества по охранению народного здравия, 1909, № 5, с. 10—13.

[40] Там же, с. 14. Холерная эпидемия 1908 г. поразила 8630 человек, главным образом жителей угловых квартир. Главная причина холерной

Как показали неоднократные обследования подвальных квартир, в условиях Петербурга они всегда были сырыми, с затхлым воздухом, недостатком воздуха и света и невероятной скученностью.

Санитарные врачи города пытались вести борьбу с домовладельцами в плане улучшения санитарного состояния или ликвидации подвалов, но безуспешно. В лучшем случае жилые подвалы закрывались после составления ряда протоколов, с тем чтобы через несколько недель снова открыться.

За годы кризиса жилищные условия неимущего населения резко ухудшились, так как кризис наступил и в строительном деле. Если в 90-х гг. XIX в. за строительный сезон в столице нередко возводилось более 1000 домов, то в 1900 г. — 886, в 1901 г. — всего 548. Классовая политика, проводимая правительством и капиталистами в отношении рабочего класса и отмеченная нами выше, наиболее наглядно прослеживается в строительстве жилого фонда в период империализма.

В то время как с 1890 по 1900 г. население городских частей Петербурга возросло всего на 31%, население пригородных зон, где селились рабочие, — на 140%. Если в Выборгской части за указанное выше время прирост населения составил 69.6%, то прирост новых домов по отношению ко всем построенным в городе — 8.4%; в Александро-Невской — соответственно 57.8 и 10%; в Васильевской — 43.4 и 12.8%; в Нарвской — 37.1 и 6.7%; в центральной Адмиралтейской части — 2.7 и 3.4%.[41]

В результате в пригородах и пролетарских районах люди начинали селиться там, где 10 лет назад казалось еще невозможно жить. Резко возросло число подвальных квартир не только на окраинах, но и в новых домах в центре города. При ремонте домов подвалы, предназначенные для хозяйственных нужд (хранение дров и т. д.), превращались в жилые квартиры.[42]

В годы реакции в столице возросло число безработных. Увеличилось и число ночлежных домов. Если в 1895 г. их было 14, то в 1908 г. уже 22, а число мест возросло с 2087 до 4952. Больше

эпидемии и пришедшей ей на смену эпидемии брюшного тифа — антисанитарное состояние столицы и отсутствие удовлетворительных водоснабжения и канализации. Население городских частей, расположенных по левую сторону Невы до Обводного канала, пило фильтрованную невскую воду, проведенную в водопроводные трубы из середины глубокого невского русла. Живущие же за Обводным каналом, как и жители Васильевского острова, Выборгской и Охтинской частей, пили нефильтрованную воду. К тому же городские фильтры были не в состоянии очистить всю массу воды. См.: Блюменталь Ф. М. Петербург и Москва перед лицом холеры. — Журн. Русского общества охранения народного здравия, 1909, № 1, с. 21—27.

[41] Семанов С. Н. Указ. соч., с. 157—158.

[42] Бинштok В. И. Где и как ютится петербургская беднота, с. 119—120.

всего таких домов было в Нарвской части (7 с 2935 местами), затем в Александро-Невской (5 с 919 местами) и т. д.[43]

Для облегчения острой нужды в жилищах и сохранения квалифицированных кадровых рабочих некоторые крупные фабрично-заводские предприятия строили для рабочих казармы. К концу XIX в., по официальным данным, около 10% рабочих Петербургского округа проживали в платных и бесплатных фабричных казармах. Соотношение между рабочими, проживавшими в фабричных казармах платно или бесплатно, по отдельным губерниям Петербургского округа[44] видно из табл. 12.

Таблица 12

Губернии Петербургского промышленного округа	Число живущих при фабриках		
	платно	бесплатно	всего
Архангельская	6	60	66
Витебская	38	337	375
Курляндская	4 928	704	5 632
Лифляндская	4 172	596	4 768
Новгородская	203	2 030	2 233
Олонецкая	65	650	715
Псковская	9	92	101
С.-Петербургская	871	8 710	9 581
Тверская	541	5 410	5 951
Эстляндская	4	45	49
Итого:	10 837	18 634	29 471

В казармах в Петербургском округе обитало около 30 тыс. рабочих, причем 63% их общего числа жили в казармах бесплатно. В целом для Петербургского округа, в ведущих промышленных губерниях которого (Петербургской, Курляндской, Лифляндской) преобладала такая отрасль промышленности, как обработка металлов и машиностроение, число казарменных жильцов было крайне невелико. Это объясняется также и тем обстоятельством, что около 70% всех промышленных рабочих трудились в городах и, избегая, как огня, «благотворительности» фабриканта, предпочитали селиться на частных квартирах.

В Петербурге в фабричных казармах селились преимущественно низкооплачиваемые категории рабочих, например текстильщики. Большое число рабочих Петровской и Спасской мануфактур Максвеля проживало в огромном 5-этажном «Красном

[43] Блюменталь Ф. М. Петербург и Москва перед лицом холеры, с. 16—18.

[44] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 237, 1902. — По вопросу об улучшении быта рабочих, л. 25 об.—26 об.

доме» — платной фабричной казарме. Дом был выстроен еще в начале 70-х гг. XIX в. в Безымянном пер. около Шлиссельбургского тракта напротив фабрик Максвеля, но порядки в нем не менялись и в 1900—1914 гг. В каждой каморке размещались 5—6 человек взрослых, не считая детей. Плата составляла 2 р. 25 к. с человека. Каморки были холодными, сырыми, в среднем на человека приходилось 0.5 куб. саж. воздуха. Плату высчитывали из заработка. Такой системой жилищного «обеспечения» рабочих в одном месте хозяева предприятия преследовали цель установления слежки за поведением и настроениями рабочих в нерабочее время, с тем чтобы неугодных администрации революционно настроенных рабочих немедленно лишать не только работы, но и жилища.[45]

Часть рабочих Никольской ткацкой мануфактуры акц. о-ва «И. А. Воронин, Лютш и Чешер» проживала в рабочей казарме на Большом Сампсониевском пр., называемом Лаптевкой. В каждой комнате размером 10—12 м^2 размещалась рабочая артель (до 20 человек) или несколько семей. Спали на нарах и даже под нарами.[46]

Если в казармах Петербурга и Риги в начале XX в. уже почти не встречалось нар для спанья,[47] являвшихся рассадником различных инфекционных заболеваний, то в сельских местностях фабричного округа нары были распространенным явлением. Так, в Шлиссельбургском участке на кирпичных заводах, построенных вдоль Невы, все сезонные рабочие жили в деревянных бараках с нарами в крайне антисанитарных условиях.[48]

В 1894 г. под впечатлением доклада врача М. И. Покровской «Жилища петербургских рабочих» при Обществе охранения народного здравия была создана комиссия по изысканию мер к улучшению быта рабочих. Комиссия пришла к выводу, что 76 627 рабочих столицы нужно переселить в другие дома, чтобы создать остальным рабочим сносные условия существования (до 1 куб. саж. воздуха на человека и т. д.).

Комиссия собрала сведения о деятельности учреждений общественного характера. В частности, общество для улучшения помещений рабочего и нуждающегося населения владело в начале XX в. в Коломенской части 279 квартирами. Однако эти однокомнатные, двухкомнатные и трехкомнатные квартиры были не по

---

[45] Скородников Г. М. «Рабочий». Очерк истории ордена Октябрьской революции прядильно-ткацкой фабрики «Рабочий». Л., 1971, с. 29—34; Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. М., 1951, с. 37—43.

[46] «Красный маяк». История комбината технических тканей. Л., 1977, с. 26—27.

[47] При упоминавшемся выше обследовании угловых квартир Петербурга, произведенном в 1904 г., комиссия Городской думы обнаружила всего 375 нар.

[48] Отчет санитарного врача С.-Петербургского земства Н. Н. Рубеля по Шлиссельбургскому уезду за 1902 г. — В кн.: Отчеты санитарных врачей Петербургского губернского земства за 1902 г. Спб., 1903, с. 182—183.

карману рабочим, так как 1 куб. саж. стоила 1 руб. в месяц. В доме благотворительного общества дешевых квартир по Ярославской ул. рабочие также не жили из-за дороговизны этих квартир. Таким образом, в отношении улучшения рабочих жилищ ничего не было сделано.[49]

В табл. 13 по материалам переписи 1900 г. приводятся показатели квартирной платы для 7 пролетарских частей и участков Петербурга.[50]

Таблица 13

Части и участки	Плата в год за комнату, в руб.	Средняя плата в месяц, в руб.	Среднее число жителей в комнате
3-й участок Александро-Невской части	200—300	8	5.1
3-й участок Нарвской части	200—300	8.2	4.8
2-й участок Васильевской части	200—300	8.7	3.5
3-й участок » »	150—250	6.8	3.5
2-й участок Выборгской части	150—250	6.5	3.7
Петергофский участок	150—250	6.2	3.5
Шлиссельбургский участок	100—200	5.5	3.8

Самыми дорогими рабочие квартиры были во 2-м участке Васильевской части, а самыми дешевыми — в Шлиссельбургском участке. Величина квартплаты в среднем во всех пролетарских участках составляла 6—8 руб. в месяц из заработка 30—50 руб. (металлист), 20—30 руб. (текстильщики) и т. д. Вот почему рабочие снимали полкомнаты, «угол», койку на двоих.[51] Таким образом создавалась неимоверная скученность населения. Среди семейных рабочих широко было принято при аренде квартиры занимать с семьей одну комнату, а вторую или другие — сдавать внаем одиноким рабочим со столом и прочими услугами. В Петербурге из 307 обследованных семей рабочих сдавали помещения 53 (обследование Прокоповича), у текстильщиков — из 27 обследованных семей — около 30% (обследование Давидовича). Для сдающих помещения семейных рабочих доход от жильцов составлял в среднем 25.7% суммы годового заработка. Этот доход являлся не только существенным дополнением в приходном бюджете, облегчавшим материальное положение семьи рабочего. Он позволял семейному рабочему улучшить далеко не блестящие жи-

---

[49] Бинштok В. И. Где и как ютится петербургская беднота, с. 125—126.

[50] Семанов С. Н. Указ. соч., с. 154. Таблица приводится не полностью.

[51] Свирский А. И. Записки рабочего. М.; Л., 1925, с. 21; Канатчиков С. Из истории моего бытия. М., 1932, с. 156—157.

лищные условия: его семья могла занимать не «угол» или полкомнаты, а целую комнату.[52]

Отмеченные выше скученность населения, сырость, недостаток воздуха и света, антисанитарное состояние помещений вызывали повышенную смертность в рабочих кварталах. По материалам переписи населения Петербурга 15 декабря 1900 г., средняя смертность населения столицы составляла 24 человека на 1000 жителей. Ниже она была в тех участках, где на комнату приходилось менее 1.53 человека. Так, если в 1-м участке Адмиралтейской части в 1900 г. в среднем умерло 12.8 человек на 1000 жителей, в 3-м Литейном и 1-м Спасском — 15.7, то в 3-м Рождественском и других рабочих районах смертность доходила от 32.5 до 38.0 на 1000 жителей.[53] Такая же высокая смертность в рабочих районах, о чем писала рабочая легальная большевистская газета «Звезда», отмечена была и переписью населения Петербурга 15 декабря 1910 г. Эту необычайно высокую смертность населения в рабочих районах Петербурга «Звезда» квалифицировала как «факт массового социального убийства, факт истребления тысяч человеческих жизней во славу накопления капитала».[54]

Как уже отмечалось выше, у передовой революционно настроенной интеллигенции возникла мысль помочь самим рабочим организовать жилищное строительство на кооперативных началах и без участия капиталистов, использовав для этого систему кредитования через строительные банки.[55]

В Петербурге таким человеком, мечтавшим постепенно переселить рабочих из трущоб в светлые и просторные жилища, был архитектор В. П. Кондратьев. Его поддержал Г. М. Кржижановский, познакомивший Кондратьева со студентами, инженерами, передовыми рабочими. Кондратьев разработал кооперативный устав Общества взаимного благоустройства жизни семейных рабочих. Цель общества заключалась в строительстве образцовых жилищ для рабочих столицы. Проект устава рассматривался в Министерстве внутренних дел в течение 5 лет и был утвержден лишь в революционном 1905 г. Несмотря на это, Кондратьев в 1904 г. начал строительство рабочего городка-коммуны на первых порах на свое имя, с тем чтобы позднее, когда будет утвержден устав строительного рабочего кооператива, перевести постройку на имя общества. Уже летом 1904 г. вступил в строй главный корпус первой очереди на углу Смоленской и Лубянской улиц. Этот

---

[52] Овсянников В. Довоенные бюджеты русских рабочих. — Вопросы труда, 1925, № 7—9, с. 59—60.

[53] Бинштok В. И. Где и как ютится петербургская беднота, с. 116—117.

[54] Ольминский М. Жизнь и цифры. — Звезда, 1911, 30 апреля, № 20.

[55] Так, Кредитный строительный банк оплачивал векселя за земельный участок, строительные материалы и рабочую силу, получая 5% годовых под залог начинаемой постройки, а затем — под каждый возводимый этаж.

очень большой по тому времени шестиэтажный дом имел мусоропровод и мусоросжигательную печь, бесплатные бани для жильцов, библиотеку, музыкальную комнату и т. д. В память о крепости, сооруженной русскими инженерами и сданной японцам после 8-месячной осады, В. П. Кондратьев назвал этот дом «Порт-Артуром». По указанию Министерства внутренних дел банк отказал Кондратьеву в кредитах, и ему пришлось во избежание провала дела пойти в кабалу к ростовщикам. Вскоре вошел в строй второй дом, который назвали «Маньчжурией». Из-за отсутствия средств постройку домов третьей очереди пришлось приостановить.[56]

Отвратительные условия быта губили прежде всего детей. То и дело вспыхивали эпидемии дифтерита и скарлатины, а среди всех возрастов населения — эпидемии сыпного и возвратного тифа, особенно сильно поражавшие жильцов угловых квартир, ночлежных приютов и постоялых дворов.[57] Летом 1900 г. в Петербурге участились заболевания натуральной оспой. 6 апреля 1913 г. на заседании Биологического отделения Русского общества охранения народного здравия в докладе д-ра С. Тржецяка отмечалось заболевание проказой в 59 губерниях России. Эта страшная болезнь угрожала и Петербургу, так как в прибалтийских и Петербургской губерниях в 1910 г. насчитывалось несколько сотен прокаженных, причем многие из них жили совместно со здоровыми. Кроме того, жители уездов, особенно пораженных проказой, например Ямбургского, занимались «отхожими промыслами в Петербурге и его окрестностях — чернорабочие, извозчики, прислуга, кормилицы и т. д.».[58]

Самоотверженная деятельность санитарных врачей по обследованию домов и приусадебных участков положительных результатов не имела, так как доклады и протоколы обследований отсылались в Городскую думу, где и клались под сукно. Таким образом, санитарные врачи не имели никакой реальной силы и деятельность их не приносила осязаемых результатов. Иногда санитарное состояние осматриваемых жилищ или дворовых сооружений было столь вопиющим, что санитарные врачи были вынуждены составлять полицейские протоколы из-за нарушения обязательных постановлений. Но и эти протоколы оставались без ответа, и указания врачей не выполнялись домовладельцами.[59]

В связи с тем что губернские присутствия по фабричным и горнозаводским делам были лишены права издавать обязатель-

[56] Быстров С. В. Дом для рабочих и его создатель. — Вопросы истории, 1978, № 12, с. 202—205.

[57] Ольминский М. Жизнь и цифры.

[58] Тржецяк С. Проказа в библейские времена и в настоящее время, с обращением особого внимания на положение вопроса о прокаже в России. — Журн. Русского общества охранения народного здравия, 1913, № 5—6, с. 19—22.

[59] Рубель А. Н. Очерк врачебно-санитарной организации Петербурга. — Русский врач, 1904, № 7, с. 249—250.

ные постановления по улучшению жилищ для рабочих, фабричная инспекция официально была отстранена от наблюдения за их устройством и содержанием. Меры нравственного воздействия на домовладельцев и предпринимателей, попытки обращения к гласности и другие подобные меры с целью улучшения рабочих жилищ приводили к обратным результатам: предприниматели в связи с необязательностью для себя таких постановлений и чаще бесплатностью квартир для рабочих в случае настойчивых требований фабричных инспекторов об их улучшении вовсе закрывали рабочие казармы.[60]

Таким образом, неоднократные обследования санитарными врачами состояния квартир, наиболее неудовлетворительных в санитарном отношении, — угловых, подвальных и ночлежных домов, где в рассматриваемый период обитали более 120 тыс. столичных жителей, постоянно подвергавшихся тяжелейшим эпидемиям холеры и тифа, болевших туберкулезом, цингой, малокровием, ярко изобличали классовую политику царизма и капиталистов.

Русские врачи писали, что жилища трудящегося люда столицы Российской империи приобрели дурную известность и за границей, где сообщалось, что «в Петербурге рабочие без различия пола и возраста живут в холодных и старых помещениях, часто без постелей, спят этажами в четыре постели».[61] С горечью делали врачи вывод о том, что им остается лишь без конца описывать жилищные условия рабочих Петербурга, так как они не в состоянии оказать практическую помощь.

Рабочие большевистские легальные и нелегальные газеты неоднократно отмечали, что проезд в трамвае не по средствам рабочим. «Рано утром, — сообщалось в «Звезде», — по Каменноостровскому просп., через Троицкий мост и Марсово поле тянутся вереницы рабочего люда. Идут они на работу откуда-нибудь из-за Нарвской или Московской заставы на другой конец города. Такое же движение совершается и по другим улицам и мостам столицы. Трамвай еще не идет... Часу в седьмом вечера подобное же шествие можно наблюдать в обратном направлении. И так каждый день». Рабочие не могли пользоваться трамваем, так как проездная такса для рабочих не была пониженной, а «лишний пятак рабочему человеку всегда дорог».[62]

Даже на заседаниях Городской думы неоднократно отмечалась необходимость понижения тарифов для проезда в столичном трамвае. При этом обращалось внимание на то, что тариф на проезд в петербургском трамвае превышал самый высокий в Западной Европе тариф — парижский. Этот огромный косвенный налог

---

[60] См.: Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911, с. 151—155.

[61] Губерт В. О. Деятельность Общества охранения народного здравия по борьбе с жилищной нуждой в Петербурге. — Журн. Русского общества охранения народного здравия, 1909, № 6, с. 32.

[62] Старк Л. Н. Неотложная нужда. — Звезда, 1911, 9 апреля, № 17.

падал прежде всего на жителей окраин, главным образом рабочих. Выдвигались, кроме того, требования об уравнении тарифа на все расстояния.[63]

Водоснабжение и канализация в столице находились в столь вопиющем состоянии, что была создана правительственная канализационная комиссия. Она обнаружила, что установленные законом сроки представления проектов водоснабжения столицы и сооружения канализации были сорваны Городской думой, в связи с чем рассматривался вопрос об изъятии этого дела из ведения городских властей и передачи его под контроль правительства.[64]

Таким образом, царские власти до начала первой мировой империалистической войны так и не сумели справиться с проблемами водоснабжения и канализации столицы. Затем в связи с войной и социальными потрясениями перед царским правительством и буржуазией встали другие первостепенной важности проблемы.

Если бытовые условия даже сравнительно сносно оплачиваемых фабрично-заводских рабочих столицы представляли собой крайне неприглядную картину, то условия быта рабочих других категорий наемного труда были еще более тяжелыми.

В Петербургском промышленном округе трудилась большая армия судорабочих, так как наибольшая масса грузов (продовольствия, сырья для промышленности, топлива, строительных материалов и различных товаров) подвозилась в судоходное время по Неве.[65] Огромная армия судорабочих и грузчиков трудилась на волжских пристанях и других судоходных реках России. Общее число судорабочих с 1900 по 1913 г. возросло с 400 до 500 тыс. человек.[66]

Весь навигационный период (7 мес в году) судорабочие имели своим жилищем старые и темные трюмы, расположенные на днище парохода. Потолком им служила палуба. Стены этих не пригодных для жилья помещений были покрыты плесенью, вентиляция отсутствовала, так как трюмные люки наглухо закрывались. Рабочие фактически и жили и спали на нарах: из-за формы днища парохода на корме и на носу, где обычно в трюмах жили судовые команды, пола почти не было. На нарах матросы хра-

---

[63] К вопросу об эксплуатации трамвая. — Торгово-промышленная газета, 1910, 6 февраля, № 31. Достаточно отметить, что в Петербурге проезд на некоторые расстояния стоил 15 коп. (в Берлине 4.6 коп. на любое расстояние).

[64] О принудительном оздоровлении столицы. Хроника. — Там же, 1913, № 3—4, с. 135.

[65] Крузе Э. Э. Транспорт, торговля, кредит. — В кн.: Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956, т. III, с. 61—62. Следует при этом учесть, что Нева являлась только частью целой водной системы, через которую прибывали в Петербург и вывозились отсюда различные товары. В эту систему входили Нева, Ладожское озеро, сеть приладожских каналов (Мариинская система и др.) и Волга.

[66] Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 127—130.

нили еду и одежду.[67] На некоторых судах рабочих, особенно после 1905 г., размещали в каютах, но лучше от этого не стало. В любую погоду им приходилось спать на палубах, потому что в каютах бывало темно и тесно, царила грязь. На судах не существовало ни бань, ни прачечных, ни обмывален. Матросы мылись, а также стирали и сушили белье там же, где и работали.[68]

После окончания навигации судовладельцы нанимали для своих команд зимние квартиры. По свидетельству санитарных врачей, эти квартиры были непригодны для зимнего жилья. Дома, освидетельствованные врачом А. Ф. Никитиным, не имели сеней, и жилые комнаты имели выход прямо на улицу. Они отапливались железными печками и так же быстро остужались, как и нагревались. Около 80% всех обследованных грузчиков ютились в квартирах, где на человека приходилось менее $^1/_2$ куб. саж. воздуха, т. е. грузчики жили в менее благоприятных условиях, чем ночлежники Хитрова рынка в Москве: комнаты были переполненными, холодными, сырыми и неимоверно грязными. Кроме того, в затонах Волги часть рабочих ютилась в землянках, где содержание углекислоты в воздухе в 2 раза превышало норму.[69] В конце 1903 г. в Нижнем Новгороде на съезде судоходных деятелей В. Я. Канель отметил, что при обследовании санитарными врачами быта рабочих образ действий судохозяев по отношению к рабочим выступил во всей своей неприглядности, и сделал вывод, что правительство окажет судорабочим помощь лишь тогда, когда их поведение будет угрожать общественному спокойствию и безопасности.[70]

Тяжелыми были также условия быта рабочих и на судах дальнего плавания. Так, суда Русского общества пароходства и торговли «Ропит»[71] не только не модернизировались, а приходили в полную негодность. Г. А. Горбунов, следовавший в 1910 г. судовым врачом в Александрию на лучшем пароходе общества, в докладе, представленном им во II отделение Русского общества охранения народного здравия, писал, что этот пароход вышел в рейс без технического осмотра и ремонта и представлял из себя «нечто до такой степени антигигиеническое, изобиловавшее

---

[67] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы. М., 1906, с. 13—15.

[68] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 433, 1905—1906. — Об облегчении труда грузчиков на волжских пристанях, л. 18.

[69] Материалы для изучения санитарного состояния внутренних водных путей. VII. Очерк санитарно-экономического положения грузчиков на Волге санитарного врача А. Ф. Никитина. Спб., 1904, с. 142—153; Никитин А. Ф. Зимовки судовых команд в затонах р. Волги. — В кн.: Сб. отчетов и докладов врачей санитарного надзора на рр. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1903 г. Спб., 1904, с. 136—144.

[70] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 26—28.

[71] Акц. о-во «Ропит» — Российское общество пароходства и торговли — монополизировало внешнюю торговлю России с Ближним Востоком, на Черном море и т. д. В рассматриваемое время у общества насчитывалось 76 крупных пассажирских и грузовых судов, не считая мелких, свое управление, угольные копи, школа моряков и т. д.

крысами и всякой живностью, что думать об удобствах не только команды, но и пассажиров нельзя было».[72] Получая от государства ежегодно субсидию более 1 млн. руб., «Ропит», пользуясь своим монопольным положением в торговле с Персией, Турцией, Египтом, Грецией, и не думало о создании сколько-нибудь нормальных условий труда судовым командам.

Лесное общество в Петербурге собрало анкетным способом сведения о положении в 1905—1906 гг. более 1 млн. лесных рабочих в 200 лесничествах Европейской и Азиатской России. В числе других стоял и вопрос о жилищах рабочих.[73]

При всей своей неполноте данные анкеты давали сведения о труде рабочих на лесной площади в более чем 10 млн. дес. На этой огромной территории осенью, зимой и ранней весной трудились сотни тысяч людей. В лес шли мужчины, женщины и даже дети, шли издалека, со своими топорами, пилами, ехали на повозках. Большая часть лесопромышленных рабочих трудилась в лесах Севера, где условия их труда и быта были особенно тяжелыми.

Олонецкий губернский комитет по нуждам сельскохозяйственной промышленности и большинство земских организаций не раз возбуждали перед лесопромышленниками вопрос об улучшении условий труда и быта рабочих на лесных промыслах, подчеркивая их неприглядность. Отмечались нетерпимые жилищные условия.

Лесопромышленники совершенно не заботились о жилье и других условиях быта и труда лесных рабочих. Добравшись до места, рабочие разбивались на артели и устраивали временные жилища типа шалашей или избушек без пола с печкой из булыжника посередине. В такую избушку в 4 кв. саж. набивались до 20—30 человек взрослых (мужчин и женщин) и даже детей, причем подобные жилища были характерны для 66% лесничеств России. Не говоря уже о крайней перенаселенности, они были темными, сырыми, грязными и опасными для жизни и здоровья рабочих.[74]

Весной в условиях сплавной горячки, пока река не обмелела, работали днем и ночью. В пунктах сплава скапливалось много рабочих, но не было ни бараков, ни других жилищ и рабочие спали на голой земле под открытым небом, в сырости и на холоде. Совершенно антисанитарными были условия труда на за-

---

[72] Горбунов Г. А. Врачебно-санитарное дело на морских пароходах Ближнего Востока в связи с развитием наших торговых сношений. — Журн. Русского общества охранения народного здравия, 1913, № 3—4, с. 37—54.

[73] Чистосердов А. П. Некоторые данные по вопросу о страховании лесопромышленных рабочих. — Тр. Вольного экономического общества (далее — Тр. ВЭО), 1908, № 6, с. 1—8.

[74] Там же, с. 2—3; И. Л. Положение рабочих на лесных промыслах Олонецкой губ. — Торгово-промышленная газета, 1909, 4 сентября, № 198.

панях, например Чоглинской на р. Ояти, где собиралась огромная масса сплавщиков. Земская медицинская статистика установила, что только травматические повреждения получили 25—30% работающих. Тиф, бронхит, плеврит, ревматизм и особенно цинга поражали сплавщиков. Тем не менее они были вынуждены соглашаться на любые условия. Дети получали 10 коп., женщины — 15, мужчины — 20 коп. в день на своих харчах.[75]

Как только прекращалось поступление талой воды и мелели ручьи и реки, утихала сплавная горячка. Подавляющая часть лесных рабочих уходила на полевые работы в свое хозяйство либо искала для себя другие заработки.

б) Московский промышленный округ

В период империализма ведущим по численности рабочих промышленным центром России являлся Московский промышленный округ, причем из всех городов и губерний округа на первом месте по числу рабочих стояла Москва с губернией. В 1900—1914 гг. они сосредотачивали на своих предприятиях до 48—50% всех рабочих округа.

Крупнейший экономический и культурный центр России — капиталистическая Москва — по численности населения в целом и рабочего класса в частности росла необычайно быстро. Только с 1897 по 1914 г. численность населения Москвы возросла с 1264.9 тыс. до 1.8 млн. человек, а число фабрично-заводских рабочих — с 103.2 до 147.3 тыс. человек.

Ярче всего социальные контрасты, характерные для любого капиталистического города, проявлялись в размещении населения, особенно рабочего класса и главным образом пролетариата, занятого на крупных капиталистических предприятиях. Так, в 1902 г. размещение фабрично-заводских рабочих в частях Москвы представляло собой следующую картину (табл. 14).[76]

Как видно из данных табл. 14, части Москвы заселялись в зависимости от экономического развития данного района. В центре города, в пределах Бульварного кольца, проживала десятая часть населения Москвы: дворянство, буржуазия, высшее чиновничество и духовенство. Здесь размещались центральные правительственные и городские учреждения, банки, правления акционерных предприятий, биржа, Гостиный двор, магазины и лавки. Улицы и дома были благоустроены. Ни фабрично-заводских предприятий, ни, следовательно, пролетариата здесь не было.

Центр Москвы (Кремль, Китай-город, Бульвары) окружали Садовые улицы и часть Замоскворечья, где было особенно много

[75] Там же.

[76] Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII—начало XX в.). Обзор документов / Под ред. В. А. Кондратьева и В. И. Невзорова. М., 1968, с. 141—142.

Таблица 14

Части Москвы	Количество предприятий				Количество рабочих			
	всего	мелких	средних	крупных	всего	на мелких	на средних	на крупных
Арбатская	10	9	1	—	945	448	497	—
Басманная	43	19	19	5	7 777	763	5 231	1 783
Городская	8	5	3	—	880	257	623	—
Лефортовская	139	109	27	3	14 450	4 262	5 488	4 700
Мещанская	60	49	10	1	5 331	2 071	2 705	555
Мясницкая	44	37	7	—	2 668	1 825	843	—
Пресненская	43	30	11	2	8 378	1 003	2 278	5 097
Пречистенская	13	12	—	1	1 783	283	—	1 500
Пятницкая	92	65	20	7	14 430	2 784	4 187	7 459
Рогожская	103	87	16	—	7 407	3 354	4 053	—
Серпуховская	40	26	10	4	6 854	1 169	2 588	3 097
Сретенская	20	19	1	—	829	711	118	—
Сущевская	84	72	9	3	6 292	2 083	2 536	1 673
Тверская	38	31	6	1	3 669	2 070	1 079	520
Хамовническая	48	33	12	3	9 615	1 094	2 979	5 542
Якимовская	45	34	7	4	5 578	1 548	1 578	2 452
Яузская	25	21	4	—	1 957	557	1 400	—
Всего:	855	658	163	34	99 043	26 282	38 183	34 378

различных посреднических и торговых предприятий Белого города (Тверская и Мясницкая части), модные магазины Петровки, Кузнечного моста и Столешникова пер. В ряде частей Белого города (на Арбате, Пречистенке) еще сохранились дворянские особняки, но возникли и типичные купеческие районы: Замоскворечье, Таганка, Землянка и др. Эта территория заселялась купечеством, чиновничеством средней руки, служащими, интеллигенцией. Но здесь же в период империализма возникло большое число мелких и средних промышленных заведений, поэтому в Белом городе и в Земляном городе селилась и небольшая часть промышленных рабочих.[77]

Территория Москвы, охватывавшая кольцо за Садовыми улицами и часть Замоскворечья, замыкала черту города. В этих частях проживало много наемных рабочих. Однако, как и в Петербурге, основная масса всех категорий наемных рабочих Москвы проживала на ее окраинах (части Пресненская, Сущевская и др.), где находились фабрично-заводские и торгово-промышленные предприятия и вокзалы. О бурном развитии капиталистической экономики Москвы в рассматриваемый период свидетельствует рост населения в ее торгово-промышленных частях:

[77] История Москвы. Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976, с. 140—141.

если с 1897 по 1912 г. население центра Москвы возросло всего на 6%, среднего кольца (между Бульварами и Садовым кольцом) — на 30.5, то в окраинном поясе (за Садовыми улицами) и в Замоскворечье — от 44 до 101%.[78]

Улицы в Москве были замощены лишь до Садового кольца, а за Садовым кольцом Москва оставалась деревянной, с одно- и двухэтажными домами, где проезды еще в 1913 г. представляли собой «непроходимое и непроезжее болото. Живущим здесь и работающим на фабриках приходится вечером и рано утром прямо плыть по такому болоту, промачивая ноги, теряя здоровье и портя обувь».[79] Центральные части города застраивались и благоустраивались. Однако трамвайное движение, новые мостовые, многоэтажные каменные дома, электричество, телефон — все это становилось достоянием центральных частей. Если на одного жителя в городе в среднем приходилось по 3.4 кв. м жилой площади, то население окраин, в первую очередь рабочие, жили в одой комнате по 6 и более человек. Улицы не были освещены, 75% всех домовладений Москвы были лишены канализации.

Московский санитарный врач Ф. М. Блюменталь, сравнивая течение холерных эпидемий 1892—1893 гг. и 1908—1909 гг. в Москве и Петербурге, отметил, что эпидемия 90-х гг. захватила в Москве только участки города по течению Москвы-реки и поражала лишь неимущую часть населения, живущую в плохих санитарных условиях в коечно-каморочных помещениях, лишенных достаточного водоснабжения и канализации. В 1900 г. Управа приступила к постройке Москворецкого водопровода, снабжавшего Москву в рассматриваемый период достаточным количеством доброкачественной мытищенской ключевой воды. Поэтому в Москве в эпидемию холеры 1908—1909 гг. заболело лишь 15 человек.[80]

Однако в целом бытовые условия московских рабочих были очень тяжелыми, особенно если учесть, что заработки рабочих Московского промышленного округа из-за широкого распространения низкооплачиваемого текстильного производства были низкими, занимая по своему уровню 4-е место после Петербургского, Харьковского и Варшавского округов. В 1900 г. рабочие Московской губ. зарабатывали в среднем более 16 руб. в месяц, Ярославской и Владимирской — около 13 руб., а остальных губерний округа — 10—11 руб. К 1913 г. заработная плата рабочих Московского округа возросла на 29% и составляла в среднем около 21 руб. в мес. Конечно, заработки рабочих различных губерний округа и различных отраслей промышленности были

[78] История Москвы. Т. V. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1955, с. 20—22.

[79] История Москвы. Краткий очерк. 2-е изд., с. 181.

[80] Блюменталь М. Ф. Петербург и Москва перед лицом холеры, с. 21—24, 35.

неодинаковыми. В сумму заработка капиталисты часто засчитывали рабочим округа бесплатные квартиры и харчи. В обеих столицах, Варшаве, Риге, Киеве, Харькове уже не существовало таких полукрепостнических форм эксплуатации.[81]

В Московском промышленном округе, кроме г. Иваново-Вознесенска во Владимирской губ., не было крупных городских промышленных центров. В табл. 15 показано размещение в 1902 г. фабрично-заводских рабочих Московского промышленного округа в городах и вне городов.[82]

Таблица 15

Губернии Московского промышленного округа	В городах		Вне городов	
	абс.	%	абс.	%
Владимирская	54 444	37.8	91 961	62.2
Вологодская	1 378	17.8	6 375	82.2
Костромская	10 642	17.3	50 699	82.7
Московская	117 299	40.0	175 460	60.0
Рязанская	12 221	51.5	11 503	48.5
Смоленская	2 929	27.8	7 625	72.2
Ярославская	18 384	58.4	13 058	41.6
Всего:	217 297	37.8	356 681	62.2

Данные табл. 15 показывают, что бóльшая часть рабочих Московского промышленного округа, в отличие от Петербургского округа, размещалась не в городах, а в сельской местности. Ведущей отраслью промышленности являлось текстильное производство. Оно сосредотачивало на своих предприятиях десятки тысяч рабочих. Известным на всю страну текстильным магнатам типа Морозовых, Коншиных, Рябушинских, Второвых, Прохоровых, Дербеневых принадлежали крупнейшие текстильные предприятия округа. Частных квартир рабочим в сельской местности нанять было почти невозможно, поэтому предприниматели были вынуждены строить для рабочих жилые помещения. В Центральном промышленном районе еще в 1897 г. на «вольных» квартирах (в собственных домах) жили около 52% рабочих, а в помещениях от предприятия — 48%.[83] Однако в губерниях Московской, Владимирской, Костромской большая часть рабочих, как видно из данных табл. 15, размещалась в сельской местности, в крупных фабричных селах, выросших вокруг текстильных

[81] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 183—186.

[82] Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. Приложение. Табл. I, с. 2—17. (Проценты подсчитаны автором).

[83] Кирьянов Ю. И. Указ. соч., с. 176.

предприятий — гигантов Центра. Здесь подавляющая часть населения проживала в фабричных казармах. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Крупнейшие фабрики Московской губернии — не только своеобразные типы промышленных заведений, но и своеобразные типы населений, с особыми бытовыми и культурными (или, вернее, некультурными) условиями».[84]

В ленинской «Искре» мы находим описание жилищных условий рабочих в Богородске и Орехове-Зуеве (Московская губ.).

В Богородске (компания Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовых насчитывала 13 тыс. рабочих) отдельные бараки имелись для холостых мужчин, одиноких женщин и семейных рабочих. В казармах для одиноких рабочие размещались настолько тесно, что расстояние между кроватями составляло 1 аршин, ни стульев, ни скамеек не полагалось, сидели на постелях. Казармы для семейных состояли из небольших комнат, но в каждой комнате должна была проживать не одна, а от 3 до 5 семей, т. е. 13—15 человек.[85]

Рабочие в своем письме в «Искру» писали как о плохих орехово-зуевских частных рабочих квартирах, так и об отвратительных казармах для рабочих. Так, в семейных казармах комнаты были рассчитаны на 3 семьи: 2 семьи размещались по бокам комнаты по кроватям и третья — поперек нее, на полатях, представлявших как бы воздушную комнату. В таких условиях жили более 10 тыс. рабочих в новых казармах. За рабочими следили: собираться группами, обсуждать что-либо, читать — запрещалось.[86] Картиной подлинного рабства называла газета «Правда» жизнь московских рабочих в казарме.[87] Так как частные квартиры были не лучше фабричных казарм, рабочие дорожили ими, а предприниматели, соблюдая в казармах патриархально-полицейский строй жизни, охотно освобождали рабочих, особенно семейных, от платы: 88% рабочих Московского фабричного округа, живущих в квартирах от предприятия, по официальным данным, пользовались бесплатными жилищами.[88] Однако эта благотворительность дорого обходилась рабочим: она являлась, как отмечал Ф. Энгельс в труде «Положение рабочего класса в Англии», одной из форм вторичной эксплуатации и ставила рабочего в зависимое положение.[89] От неугодных, прежде всего в политическом отношении, рабочих предприниматели старались освободиться в первую очередь, выгоняя их из занимаемого в фабричной казарме угла или места на нарах.

---

[84] Ленин В. И. Рабочий день и рабочий год в Московской губернии. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 33.

[85] В царстве Морозовых. — Искра, 1910, 10 сентября.

[86] Там же.

[87] Правда, 1913, 30 июня, № 140.

[88] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 237, 1902. — По вопросу об улучшении быта рабочих, л. 25 об.—26 об.

[89] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 409—411.

В примечании от редакции к статье орехово-зуевских рабочих «В царстве Морозовых» отмечалось, что охарактеризованные выше квартирные условия в Орехове-Зуеве и Богородске типичны для всего Центрального промышленного района.

Вопросы, связанные с жилищными условиями рабочих Центра, как снимавших частные квартиры, так и проживавших в собственных домах, характеристика санитарных условий в этих домах (отсутствие вентиляции и отопления, невероятная скученность, недостаточность освещения, кубатура и площадь пола на каждого жильца) неоднократно освещались на страницах печати фабричными врачами и инспекторами. Фабричный инспектор С. Гвоздев, описывая эти рабочие поселки из собственных домов рабочих, писал, что они представляли собой «длинные ряды маленьких избушек без всяких признаков хозяйственных построек, утопающих в убийственной грязи и нечистотах». Можно было видеть «полуголых ребятишек, копающихся среди сорных куч; развешанное на веревках и кольцах разное тряпье, представляющее одежду обитателей этих лачуг».[90]

Частные квартиры стоили 6—8 руб. в месяц. При заработной плате 20—21 руб. это было очень дорого, и рабочие снимали койки или углы за 3—4 руб.

Значительная часть наемных рабочих, не имея и таких средств, снимала, чаще на окраинах Москвы, в полуразрушенных домах, коечно-каморочные квартиры.[91] Санитарные врачи писали о том, что в самой Москве «настоящий жилищный голод. У нас воздух дороже хлеба и воды. У нас более шестой части населения (около 200 тыс. человек) ютится в коечно-каморочных квартирах, перед которыми бледнеют ужасы петербургских „угловых квартир“ и даже лондонских трущоб».[92]

Городское самоуправление Москвы в 1899 г. произвело сплошное обследование коечно-каморочных квартир, так как в них не затухали инфекционные заболевания. Оказалось, что таких квартир было 16 478, жили в них 180 919 человек, т. е. 17% населения города, в том числе 25.4 тыс. фабрично-заводских рабочих, значительное число чернорабочих и низших железнодорожных служащих, мелких ремесленников, приказчиков и т. д. Эти квартиры были сырыми и холодными, грязными, с испорченным воздухом, переполнены жильцами.[93] Даже в казармах предприятий Богородской губ., где условия жизни рабочих были лучше, чем в коечно-каморочных квартирах, по данным доктора А. И. Скибневского, в 1899 г. требуемая обязательными санитар-

---

[90] Гвоздев С. Записки фабричного инспектора, с. 149.

[91] Блюменталь М. Ф. Петербург и Москва перед лицом холеры, с. 32.

[92] Там же, с. 32.

[93] Пыжов Н. Жилища рабочего до и после Октября. М.; Л., 1925, с. 7—8. К 1917 г. число коечно-каморочных квартир Москвы возросло до 27 095, а число жильцов в них — до 340 589 человек.

ными постановлениями норма воздуха в 1 куб. саж. не всюду еще была достигнута. Это свершилось лишь к 1910 г.[94]

В Ярославской губ. также было много фабричных сел. Крупнейшим из них являлся Гаврилов-Ям, где в 1887 г. на базе Локаловской мануфактуры возникло Товарищество Гаврилов-Ямской мануфактуры льняных изделий А. А. Локалова. Так как штат рабочих фабрики пополнялся за счет соседних селений и губерний Центра, они не имели своих домов, а вокруг на три десятка верст не было других селений. Поэтому холостые рабочие жили на вольных квартирах, представлявших из себя деревянные избы, сдаваемые рабочим за 1 руб. в месяц. В одной комнате вповалку на полу спали 15—20 человек. Семейные жили в хозяйской казарме, по обеим сторонам которой тянулись нары. Семьи отделялись друг от друга занавесками.[95]

В 1913 г. паи Товарищества скупили М. П. Рябушинский и С. Н. Третьяков, создав на его базе Акц. общество Гаврилов-Ямской мануфактуры А. А. Локалова. Дела предприятия расширились, дивиденды акционеров возросли, но жилищные условия рабочих не изменились. Подобно текстильщикам других фабричных сел, они жили в тесноте и антисанитарных условиях, пищу готовили не в специально отведенных кухнях, а в жилых помещениях, здесь же стирали и сушили белье.[96]

Жизнь рабочих, в том числе Московского промышленного района, стала освещаться в рабочей печати, причем каждая корреспонденция рисовала картину подлинного рабства.[97] Фабриканты создавали для рабочих в казармах такие условия, что они не могли свободно располагать своим временем, процветали сыск и шпионаж, в контору докладывали даже о каждом читающем газету. Нельзя было посещать театры, рабочие клубы и собрания, так как в случае возвращения в казарму позже 10 ч вечера рабочий оставался до утра на улице. Произвол хозяев вызывал гневные протесты рабочих. Рабочие фабрики Ганьшина в Москве, например, забастовали, требуя отмены этого возмутительного порядка. В движение вовлекались рабочие и других фабрик и заводов Центра, выдвигая требования улучшения условий жизни.[98]

По данным комиссии, обследовавшей с 1902 по 1905 г. быт рабочих Военного ведомства, казенные жилища для рабочих, занятых на предприятиях этого ведомства, фактически почти отсут-

---

[94] Профессиональное общество рабочих механического производства Баку и его районов. Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1913, с. III, 32.

[95] Андрианов В. И., Соловьев А. В. Гаврилов-Ямские ткачи. Ярославль, 1963, с. 21.

[96] Там же, с. 40.

[97] Рабочие Центрального промышленного района. — Правда, 1913, 30 июня.

[98] Там же.

ствовали. Так, квартир для рабочих и мастеровых технических заведений — артиллерийских, интендантских и военно-медицинских — не было (за исключением Петербургского арсенала). Казенных помещений в достаточном количестве не имелось даже для вахтеров, сторожей и других низших служащих по охране. Правда, если технические заведения были расположены в небольших городах России (Ижевск, Луганск, Шостка), квартирный вопрос разрешался сам собой, так как местные рабочие имели обычно собственные дома. В крупных же городах рабочие, как правило, нанимали частные квартиры. Они были дорогими и плохими и находились на окраинах, далеко от места работы.[99] Комиссия пришла к выводу о необходимости обеспечения рабочих Военного ведомства казенными квартирами, особенно если служба их требовала непрерывного присутствия на предприятии. Это относилось прежде всего к лицам хозяйственной администрации. Наличие хороших казенных квартир, отмечалось в «Трудах» комиссии, способствовало бы созданию надежных и постоянных кадров рабочих.[100]

Нельзя не остановиться на бытовых условиях рабочих железнодорожного транспорта, на котором в 1900 г. трудилось 554.3 тыс. рабочих и служащих, а в 1913 г. — 815.5 тыс.[101]

Вся железнодорожная сеть страны была тесно связана, и В. И. Ленин определял ее как крупное капиталистическое предприятие со всеми присущими ему методами эксплуатации транспортных рабочих.

Самым крупным железнодорожным узлом была Москва. К ней шло и в ней скрещивалось 9 дорог. На 1 января 1907 г. на Московском узле работало около 19.3 тыс. рабочих и служащих. К Петербургу шло и в нем скрещивалось 6 дорог. На Петербургском железнодорожном узле к этому времени работало примерно 13.1 тыс. рабочих и служащих. Каждая дорога имела свои Главные мастерские, насчитывавшие по 1000—2500 рабочих. На Московском узле рабочие трудились в Главных мастерских Казанской, Курской, Брестской железных дорог, на Петербургском узле — в Главных мастерских Николаевской, Балтийской, Псково-Рижской, Петербургско-Варшавской железных дорог.[102]

К этому же времени еще 27 крупных железнодорожных мастерских и депо общероссийского значения насчитывали от 900 до 3200 рабочих, а большинство остальных 99 мастерских и депо

---

[99] Лисовский Н. М. Рабочие в военном ведомстве. (По поводу «Трудов» высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих военного ведомства). Спб., 1906, с. 129—133.

[100] Там же, с. 133—134.

[101] Статистический сборник МПС. Вып. 81. Сведения о железных дорогах за 1903 г. Спб., 1905, табл. XII, с. 14—20; там же, вып. 141. Железные дороги в 1913 г. Пг., 1917, ч. III, табл. XII, с. 23, 25, 27, 29, 35.

[102] Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 45.

страны — более чем по 500 рабочих. Это были главные революционные форпосты рабочих железнодорожного транспорта.[103]

Строительство и эксплуатация казенных и частных железных дорог приносили государству и владельцам акций огромные прибыли. К 1913 г. крупным владельцем железных дорог, кроме казны, стал финансовый капитал, акционерные капиталы дорог сильно возросли. К этому времени чистая годовая прибыль от эксплуатации всех железных дорог составляла более 124 млн. руб.[104]

Наряду с огромным ростом прибылей владельцев железных дорог заработная плата рабочих возросла незначительно, и то лишь в результате революционной борьбы в 1905—1907 гг. В целом уровень номинальной заработной платы транспортных рабочих в том или ином промышленном центре был таким, как и у основной части фабрично-заводских рабочих.

Однако на железных дорогах, как ни в какой другой отрасли народного хозяйства, казна и владельцы частных дорог применяли принцип разделения рабочих на отдельные категории с целью разобщения рабочих, сдерживания роста их политического самосознания. Железнодорожные рабочие делились на постоянных (штатных), временных и поденных. Часть штатных рабочих имела повышенные оклады, бесплатные квартиры или «квартирные» деньги. Поденные и временные рабочие таких льгот не имели. Квартирный вопрос для железнодорожных рабочих, как и рабочих других отраслей наемного труда, был самым трудным.[105] Важной надбавкой к заработной плате и бесплатным квартирам являлось получение некоторыми категориями постоянных рабочих с окладом до 40 руб. в месяц (штатными ремонтными рабочими, путевыми обходчиками, стрелочниками, сторожами и др.) земли в размере 1—3 дес. под огород в полосе отчуждения той или иной железной дороги, причем расчет за эту землю производился рабочими долгие годы. Однако чаще всего, как справедливо отмечалось в прессе того времени, казенными квартирами на железных дорогах пользовались главным образом те, «которые с избытком обеспечены своими окладами», а не те, кто действительно нуждался в квартире «натурой».[106]

В целом на казенных железных дорогах из 137 398 рабочих, имевших право пользования квартирами в натуре, пользовались ими фактически лишь 75% рабочих, а 25% преимущественно семейных рабочих вынуждены были довольствоваться «квартирными» деньгами. Особенно остро жилищный вопрос стоял на сибирских линиях, где, казалось бы, из-за суровых климатиче-

---

[103] Там же, с. 46—47.

[104] Железнодорожный транспорт в 1913 г. — В кн.: Статистические материалы. М., 1925, с. XXVIII.

[105] Размер «квартирных» денег составлял около 20% бюджета железнодорожника. — Железнодорожник, 1903, № 19, с. 11—13; 1909, № 17, с. 1—2.

[106] Железнодорожник, 1909, № 26, с. 1—2; там же, 1903, № 3, с. 17—18.

ских условий он должен был быть решен наиболее удовлетворительно. О качестве квартир сибирских железнодорожников компетентный печатный орган писал, что они «из рук вон плохи и тесны».[107]

Мастеровым депо и мастерских предоставлялись казармы. По свидетельству врачей, они как две капли воды были похожи на казармы рабочих и отличались перенаселенностью и полнейшей антисанитарией: отсутствием вентиляции, света, сыростью и холодом. Иногда это были не деревянные постройки, а землянки, но и таких помещений не хватало.[108]

Мелкая (ремесленная и кустарная) промышленность России составляла для трудящегося городского и особенно сельского населения в условиях малоземелья важный источник существования. К 1913 г. в мелкой промышленности было занято 3.7 млн. человек, причем цифра эта скорее всего занижена. Мелкая промышленность была тесно связана с капиталистическим производством каждого данного района и страны в целом и зависела от него.[109]

В Московском промышленном округе были распространены самые разнообразные отрасли мелкой промышленности, однако, как и в других местностях России, наибольшее распространение в губерниях Центра получила та отрасль производства, которая господствовала и в фабрично-заводской промышленности: текстильное производство. По деревням почти всех губерний Центра фабриканты имели раздаточные конторы. Распространено было и кустарное сельскохозяйственное машиностроение, выделка деревянных игрушек и т. д. По развитию кустарных промыслов Московский промышленный район стоял на первом месте, а Москва являлась ведущим центром торговли этими изделиями. Вслед за Московским округом по развитию мелкой промышленности шел Петербургский, затем Уральский и Южный горнопромышленный районы.[110]

Очень трудно привести какие-нибудь точные сведения о заработках рабочих мелкой промышленности. Они зависели прежде всего от уровня квалификации мастера и его профессии. Как и у фабрично-заводских рабочих, из данных бюджетных обследований «Торгово-промышленной газеты» следует, что бюджеты кустарей, например, в подавляющем большинстве сводились с дефицитом.[111]

---

[107] Там же, 1904, № 46, с. 10—11.

[108] Трегубов С. Опыт изучения в санитарном отношении быта железнодорожного служащего в пределах Курско-Харьковско-Севастопольской ж.-д. Харьков, 1904, с. 40.

[109] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 42—43.

[110] Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922, с. 28—31.

[111] Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России. Спб., 1913, с. 17—18.

Быт рабочих мелкой промышленности в большинстве своем был крайне безрадостным. Обычно рабочий день, так как рабочие чаще всего трудились дома и в процессе труда участвовала вся семья, продолжался от 12 до 14.5—15 ч в сутки.[112]

Низкие заработки рабочих мелкой промышленности, зачастую более низкие, чем заработки фабрично-заводских рабочих, вынуждали их питаться почти одним хлебом, причем чаще всего отмечалось и хлебное недоедание.[113] В качестве приварка обычно фигурировали «пустые» щи (без мяса).

Жилищные условия рабочих, занятых в мелкой промышленности, были самыми разнообразными, но неизменно плохими. Хуже всего было отходникам. Не сводя концы с концами в своих бюджетах, именно они в первую очередь составляли немалую часть 200-тысячной армии съемщиков коечно-каморочных квартир московских окраин, 120-тысячной армии обитателей петербургских угловых, подвальных квартир и ночлежных домов.

в) Южный горнопромышленный район. Баку

Третье место по удельному весу в народном хозяйстве России в 1900—1914 гг. как по числу рабочих, так и по стоимости выпускаемой продукции занимал Южный горнопромышленный район.[114] Достаточно сказать, что к 1913 г. число рабочих в горно-металлургической промышленности Юга составляло около 260 тыс.[115] К этому же времени Донецкий бассейн давал 87% общероссийской добычи угля, 72% — железной руды, черная металлургия Юга выплавляла около 74% всего чугуна и 63% стали.[116]

Гигантские южные горно-металлургические комбинаты возникали в акционерной форме, финансировались иностранными и русскими банками. В 1912 г. на 9 крупнейших металлургических заводах было занято 83% всех рабочих-металлургов Юга. Характерной особенностью этих предприятий являлось комбинирование производства, т. е. включение в состав предприятия не только всех стадий металлургического производства, но и смеж-

---

[112] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 417—443.

[113] Заработок кустаря в среднем составлял 133 руб. в год. См.: Полферов Я. Я. Кустарная промышленность в России, с. 14.

[114] В состав района, по принятому в 1900—1914 гг. Министерством торговли и промышленности административному делению, включены губернии Екатеринославская, Херсонская, Харьковская, Воронежская, Киевская, Черниговская, Волынская, Таврическая, Полтавская, Подольская, Бессарабская и Донская обл.

[115] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913). Ростов н/Д., 1971, с. 63. О размещении металлургических заводов и рудников Юга см.: там же, с. 24—33.

[116] Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915, с. 167; Лившиц Р. С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955, с. 208.

ных с ним отраслей: добычи каменного угля, железной руды, марганца, выжига кокса и т. д. Чаще всего такие гигантские комбинаты, насчитывавшие от 10 до 20 тыс. рабочих, возникали там, где имелись вода, сырье и топливо. На месте возникновения этих промышленных гигантов вырастали капиталистические города со всеми их социальными контрастами и особенностями быта рабочего населения. Ярким примером такого города являлась Юзовка, возникшая на базе предприятий Новороссийского общества каменноугольного, железорудного и рельсового производства. Такие города возникали и во всех других промышленных губерниях и областях Юга.

Весной 1900 г. для изучения быта рабочих на горные заводы и промыслы Юга России была командирована особая комиссия под председательством члена Горного совета А. Штофа. Выводы комиссии в какой-то мере характеризуют быт рабочих на крупнейших металлургических заводах района.[117]

На Днепровском заводе Южно-Русского Днепровского металлургического общества (свыше 6 тыс. рабочих), обследованном комиссией А. Штофа 24 сентября 1900 г., было установлено, что все семейные рабочие проживали в 150 домах, холостые же снимали «вольные» квартиры.

Рабочие Александровского чугуноплавильного и рельсопрокатного завода Брянского акц. общества (около 7 тыс. человек) жили на частных квартирах в Екатеринославе, с которым слился разросшийся завод, и близлежащих селениях или в своих домах.

На Петровском заводе Русско-Бельгийского металлургического общества (около 3 тыс. рабочих) комиссия отметила наличие 40 каменных домов для 110 иностранных рабочих, причем в каждом доме было всего по 2 квартиры со всеми удобствами (3—4 комнаты, кухня, кладовые и т. д.). Для русских семейных рабочих имелись 36 домов с 4 однокомнатными квартирами в доме и 50 домов — с 2 такими же квартирами. Холостые рабочие размещались в 4 казармах по 32 человека в каждой, в 10 — по 50 человек и в 4 — по 60 рабочих. Таким образом, завод обеспечивал жильем 1800 рабочих, а остальные снимали комнаты и «углы» в близлежащих селениях.

На заводе Новороссийского общества (13.5 тыс. рабочих) комиссия Штофа обнаружила, что только 6 тыс. рабочих предоставлялись заводские квартиры и казармы. Последние представляли собой комнаты в 25 куб. саж. для 25 рабочих и кухарки. Готовили еду здесь же. Нары были сплошными.

---

[117] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 299, 1904. — По вопросу о выработке некоторых правил для улучшения быта рабочих на горных заводах и промыслах, л. 1—89. Особую ценность представляет дневник комиссии А. Штофа по исследованию быта рабочих отдельных заводов, рудников и шахт.

5 мая 1900 г. комиссия обследовала бытовые условия рабочих Дружковского металлургического завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (около 3 тыс. рабочих). Заводские квартиры предоставлялись для семейных, 4 казармы — для холостых. Однако большая часть рабочих проживала и на частных квартирах у рабочих, живших в своих домиках, где обычно сдавались «углы».

Чугуноплавильный и железопрокатный завод Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества, завод о-ва «Русский Провиданс», завод Макеевского общества, как отмечалось в дневнике осмотра заводов комиссией Штофа, как и другие названные выше горнозаводские предприятия, для небольшого числа иностранных рабочих и для семейных рабочих особо высокой квалификации, а также для старших рабочих строили каменные и кирпичные дома с квартирами из 2 комнат, обычно бесплатных, и $1^1/_2$—1-комнатных — для прочих. За $1^1/_2$-комнатные квартиры с кухней в 40-квартирных домах рабочие платили по 4 руб. в месяц, за однокомнатные квартиры в больших домах — по 2 руб. Так как Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество и завод о-ва «Русский Провиданс» по мере их роста и увеличения числа рабочих слились с Мариуполем, многие рабочие заводов селились на частных квартирах.

Жилища, как и быт в целом подавляющего числа семейных и особенно холостых рабочих, отмечалось в материалах комиссии, были не устроены. Рабочие жили или в переполненных частных квартирах с земляными полами, или в бараках, зачастую летних, с досчатыми стенками, не приспособленных для зимнего жилья, со сплошными нарами.

Условия быта рабочих на рудниках по добыче железной руды, каменного угля и марганца были очень тяжелыми, потому что почти все 500 действовавших в Донбассе к 1913 г. каменноугольных и антрацитовых шахт, 40 рудников по добыче железной руды и 4 марганцевых рудника были изолированы друг от друга значительными расстояниями, удалены от промышленных центров.[118] Их местоположение, отдаленность от городов, промышленных предприятий и населенных пунктов в известной мере определяли бытовые условия рабочих. Большое значение имели и время возникновения предприятия, и масштабы его деятельности (основной капитал, число занятых рабочих и т. д.). Быт горнорабочих на рудниках Донбасса поэтому был значительно хуже бытовых и жилищных условий горнозаводских рабочих.

На железных рудниках Новороссийского общества (700 рабочих) комиссия А. Штофа установила наличие 30 домов для семейных рабочих (по 4 семьи в каждом доме) и 12 казарм для холостых на 40 человек каждая. На каменноугольных руд-

---

[118] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период капитализма, с. 23—32.

никах, где в 3 шахтах в 1900 г. трудились 2300 горняков, картина была совершенно иная. В квартирах в полторы комнаты и кухне часто жила артель до 12 человек. На 1 человека вместо 1.5 куб. саж. воздуха по норме приходилось 0.5. За такую квартиру артель платила 3 руб. В квартиры из двух комнат поселяли по 8 рабочих и взимали по 4 руб. В 30 «каютках» (дома без пола и потолка) на 5 куб. саж. в каждом доме поселялось по 15 человек и плату взимали по 1 руб. в месяц. Остальные рабочие жили на частных квартирах. На Макеевских рудниках Новороссийского общества (6 шахт и коксовые печи) с 3000 рабочих комиссия Штофа осмотрела жилища рабочих двух шахт: «Софьи» и «Капитальной». На первой из них имелось всего 15 домов на 60 семей и 17 землянок и 4 каменные казармы для холостых; на второй — для семейных 20 землянок, а для холостых — 6 казарм на 300 человек без полов со сплошными нарами.

Так было и при осмотре комиссией жилищных условий горнорабочих на других рудниках. На крупнейших из них (Корсунский каменноугольный рудник общества Южнорусской каменноугольной промышленности на ст. Горловка, 5600 горняков, рудники Алексеевского горнопромышленного общества и др.) часть семейных рабочих жила в семейных домах, холостые рабочие — в казармах и «каютках» с земляными полами и т. д. Широко распространенным видом жилья рабочих на рудниках являлись землянки — ямы, прикрытые сверху бревнами. Такой вид жилья комиссия признала недопустимым. Неудовлетворительным видом рабочих жилищ комиссия назвала и «каютки» — надземные строения из досок для семейных рабочих, обмазанные глиной, без потолков и полов, слишком большие казармы со сплошными нарами, отсутствием отдельных кухонь, помещений для сушки белья, бань, обмывален.

Работа комиссии Штофа никаких практических результатов не имела. Лишь через 5 лет горные инспекторы получили обязательные постановления Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия об устройстве на всех горных заводах и промыслах бань и обмывален. О постройке рабочих жилищ ничего не говорилось.[119] Понадобилось еще несколько лет и реальная угроза эпидемий, чтобы 20 ноября 1910 г. Горный департамент разослал окружным горным инженерам циркуляр «О мерах к предотвращению эпидемий и улучшению санитарного состояния горных заводов и промыслов». В циркуляре выражалась тревога по поводу наблюдавшейся в 1910 г. на многих горных заводах холерной эпидемии и возможности чумной эпидемии.[120]

16, 18 и 19 января 1911 г. состоялись совещания окружных горных инженеров для обсуждения мер борьбы с эпидемиями.

---

[119] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 185, 1908—1911. — По вопросу о противохолерных мероприятиях на горных заводах и промыслах, л. 29—29 об.

[120] Там же, л. 32—32 об.

Отмечалась необходимость постройки обмывален, бань, запрещения продажи вина, старого платья без дезинфекции. Настоятельно требовалось улучшить санитарное состояние рабочих жилищ и т. д., но нигде не отмечалась перенаселенность землянок, «каюток», бараков, антисанитарное состояние или отсутствие мест общего пользования.[121]

За 1900—1913 гг. численность рабочих в южной промышленности возросла почти в 2 раза — с 142.4 до 275.2 тыс. человек. Особенно бурно росло (в 5 раз) число рабочих на железных рудниках Кривого Рога, на каменноугольных и антрацитовых шахтах (в 2 раза).[122]

Рассмотрим, как изменились, по данным Совета съездов горнопромышленников Юга России, т. е. по данным самих предпринимателей, жилищные условия самого крупного отряда рабочих Юга России, занятого в каменноугольной промышленности. В табл. 16 приводятся сведения о числе рабочих, живших в различного типа квартирах в 1901 и 1913 гг.[123]

Таблица 16

Год	В казармах		В семейных домах		На вольных квартирах	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1901	39 348	52.3	28 952	38.5	6 905	9.2
1913	72 279	46.7	61 188	39.5	21 355	13.8

По данным табл. 16, свыше половины шахтеров жили в фабричных казармах. Так было и в 1901, и в 1913 г. Характеристика условий проживания рабочих в казармах приводилась выше (комиссия А. Штофа). Около 40% шахтеров Донбасса, по данным табл. 16, проживали в семейных домах. Как уже отмечалось выше в материалах той же комиссии А. Штофа, квартиры были перенаселены. Обследование, произведенное в 1910 г., установило, что только 16.7% рабочих угольных шахт жили в квартирах по 1—4 человека, 60% — по 5—8 человек, а в остальных проживали по 9—17 человек.[124] Так называемые вольные квартиры — это не удобные комнаты в городе, а чаще всего уже упоминавшиеся выше «каютки» или землянки в переполненном шахтерами и их

[121] Там же, л. 50—52.

[122] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма, с. 63.

[123] Статистическое бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России. Каменноугольная промышленность России в 1901 году. Харьков, 1902, с. 207; Каменноугольная промышленность России в 1913 г. Харьков, 1915, вып. II, с. XXXVIII.

[124] Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, с. 216.

семьями рудничном поселке. В 1910—1912 гг. санитарная организация Екатеринославского губернского земства провела обследование в 2757 квартирах рабочих с населением в 18 624 человека. Оно показало, что около 30% жилищ не имели потолка, в 43% были земляные полы, почти все они были холодными и сырыми, в 38% протекали крыши и т. д. Около 70% рабочих и членов их семей, живших в этих квартирах, имели менее 1 куб. саж. воздуха на человека.[125]

Только в пределах Бакинского района в 1905 г. жила 61 тыс. нефтепромышленных рабочих. В течение всего периода империализма неоднократно поднимался вопрос о вынесении жилых помещений рабочих, расположенных на нефтеносных землях в отвратительных, пропитанных копотью, серо- и углеродистыми газами промыслах, в специально созданные рабочие поселки.

Тяжелое положение рабочих явилось одной из причин знаменитой Бакинской стачки в декабре 1904 г., закончившейся заключением первого в истории рабочего движения России коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками.

По указаниям из Петербурга сенатором Кузминским в 1905 г. была произведена ревизия Баку и губернии. Материалы ревизии показали, что положение рабочих Баку было неудовлетворительным. Особенно плохими оказались жилищные условия. В одной казарме размещались до 80 человек. Здесь же ели, спали и сушили одежду; бань и прачечных не было.[126]

Наиболее достоверные данные о жилищах рабочих бакинского нефтепромышленного района представлены в материалах обследования жилищ нефтепромышленных рабочих, произведенного в марте—мае 1911 г. Профессиональным обществом рабочих механического производства г. Баку и его районов.[127] Из общего числа рабочих в 32 тыс. человек 22 тыс. пользовались хозяйскими квартирами, а 10 тыс., в основном семейные, снимали на стороне частные квартиры.[128]

Прежде всего были обследованы 703 казарменных помещения с охватом 41% жильцов. Выяснилось, что 28% населения имело менее $1^1/_2$ куб. саж. воздуха на человека, 66% — менее 2 куб. саж. Вентиляция действовала лишь в 30% казарм. 79% казарменных помещений приходилось на 1-й этаж, 4% — на подвалы. Между тем исследование почвы Балахано-Сабучинской площади показало, что степень ее загрязнения различными болезнетвор-

---

[125] Лященко И. И. Условия труда на рудниках Донецкого бассейна. — Общественный врач, 1914, № 3, с. 431.

[126] Митрофанов В. М. Новый документ о положении рабочих на бакинских нефтепромыслах в начале XX в. — Исторический архив, 1962, № 2, с. 228.

[127] Профессиональное общество рабочих механического производства Баку и его районов. Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1913, с. 8.

[128] Там же, с. 5.

ными бактериями была выше, чем в других местностях земного шара. Только 25% казарм удовлетворяли требованиям нормальной освещенности (1 : 8).

В результате обследования казарм комиссия пришла к выводу, что самые плохие казармы имеют предприятия с числом рабочих до 500 человек (мелкие и средние), а самые лучшие — предприятия с числом рабочих от 501 до 1000 человек.[129]

В хозяйских квартирах проживало всего 2177 семейных рабочих. Средняя населенность одной комнаты составляла 3.92 человека. Меньше 1 куб. саж. воздуха приходилось на 22% жильцов, меньше $1^1/_2$ куб. саж. — на 44%. Не везде имелись особые кладовые, прачечные, помещения для сушки белья, кухни и т. д.

Особенно скверные условия отметила комиссия в частных жилищах нефтепромышленных рабочих Баку. Семейные частные квартиры и квартиры для одиноких рабочих были сильно перенаселены: средняя плотность населения достигала 6 и более человек на комнату (75%), а пятая часть семейного населения частных квартир жила по 8—10 и более человек в комнате.

Соответственно в таких частных квартирах жильцы были обречены на кислородное голодание: 78% жильцов частных семейных квартир имели менее $1^1/_2$ куб. саж. воздуха на человека, а 89% жителей артельных частных семейных квартир не имели и этого. Таким образом, даже знаменитые московские коечно-каморочные квартиры, обследованные 25 лет назад, не могли бы сравниться с бакинскими квартирами.[130]

Правительство так и не отвело земель под рабочие поселки, а предприниматели не улучшили жилищ для рабочих. Наоборот, с наступлением реакции предприниматели прекратили выдачу рабочим «квартирных» денег, право на получение которых рабочие добились в 1904—1907 гг. Жилищные условия рабочих резко ухудшились.

В конце 1909—начале 1910 г. фабричные инспекторы обследовали жилища рабочих на 93 промыслах. В 3 казармах Каспийского товарищества, принадлежавшего председателю Совета съездов бакинских нефтепромышленников Гукасову, жилищные условия рабочих были невыносимы. Фабричный инспектор А. Н. Семенов отметил, что в казармах отсутствовала пресная вода, полы были земляные, нары — сплошные.[131] На промыслах Мусы Нагиева в казармах в Сабунчах проживали 40 человек, в Раманах — 440. Казармы были тесными, сырыми, грязными, без столовых, сушилен для белья. Такие же скверные жилищные условия отмечал еще в 20 казармах нефтепромышленных рабочих фабричный

---

[129] Там же, с. 30.
[130] Там же, с. 38—63.
[131] Из 1624 рабочих Каспийского товарищества в казармах ютились 658, остальные снимали частные квартиры или жили в своих домах.

инспектор Белоусов.[132] Точное и образное описание бытовых условий бакинского пролетариата в целом и жилищных условий в частности давала газета «Звезда». Она отмечала плохое освещение улиц и домов, наличие повсюду жирной липкой грязи, острый недостаток пресной воды. Относительно рабочих квартир она писала: «Рабочие по-прежнему гниют в клоаках, не поддающихся описанию».[133]

При заполнении опросных бланков для бюджетного обследования, произведенного под руководством одного из организаторов рабочего движения в Баку земским статистиком и экономистом А. М. Стопани, сами рабочие в графе «примечания» указывали прежде всего на плохие квартирные условия. Так, рабочий-литейщик, зарабатывавший 80 руб. в месяц, писал: «Редко встретишь рабочего, у которого можно найти не только светлую и просторную квартиру, но хотя бы сухую. И вот в сырости, темноте и полном неудобстве приходится проводить жизнь не только самому, но и со всем семейством. На этой почве болеют прежде всего дети». Чернорабочий, снимавший «угол» в семейной квартире, как бы развивал мысль литейщика о гибельном влиянии скверных квартир на жизнь детей: «Стеснено чересчур: квартира имеет 3 саж. длины и 2 саж. ширины. В квартире одна койка; на ней спят только хозяева, а остальные 9 человек (!) спят на полу. И даже 2-месячный ребенок спит на полу и дети малого возраста от 5... лет». Плотник 34 лет писал: «Жилищный вопрос убивает полжизни рабочего, потому что платишь деньги громадные, а живешь в сыром и темном хлеву».[134]

Так же отзывались рабочие о казарменных помещениях: «В казарме света мало — всего 3 лампы на 28 кроватей, читается с трудом».[135]

Эти убогие, негодные для жилья квартиры стоили вместе с тем неимоверно дорого: одинокие рабочие платили в год за жилище с отоплением и освещением 37 р. 90 к., или 10% приходного бюджета, семейные — более 130 руб., около 17% приходного бюджета.[136]

Особенно тяжелыми были жилищные условия безработных нефтяников. Они чаще всего ютились в семьях товарищей по работе (одиночки), а семейные снимали «углы». По данным бюджетного обследования, проведенного в 1910 г., безработными чаще всего являлись рабочие старше 30 лет. Это были передовые пролетарии, не мирившиеся с жестокой капиталистической эксплуатацией, поднимавшие рабочих на защиту пролетарских интересов.

---

[132] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 317, 1908—1912. — Об условиях жизни и труда рабочих, л. 1—8.

[133] Звезда, 1912, 6 января.

[134] Стопани А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. 2-е изд. М., 1924, с. 109.

[135] Там же.

[136] Там же, с. 67, 84.

Так, один из таких безработных увольнялся 4 раза и не работал в исследуемом году 7 мес. Дефицит в бюджете такие рабочие могли покрывать лишь с помощью товарищей.[137]

Часть безработных составляли инвалиды и больные, жившие за счет других членов семьи. Не получая пенсий и пособий от правительства и капиталистов, они влачили нищенское существование.

В результате изложенных выше крайне тревожных данных о состоянии жилищ рабочих на промыслах в конце 1909—начале 1910 г. фабричной инспекцией Бакинской губ. была создана комиссия для выработки проекта обязательных постановлений о жилищных условиях рабочих на заводах и промыслах Бакинского градоначальства. Этот проект состоял из 18 пунктов, главными из которых являлись указания на необходимость установления нормы содержания воздуха не менее 2 куб. саж. на человека, устройства хорошей вентиляции, наличия бань, прачечных и сушилен, столовых и кухонь, лавок и хлебопекарен, обеспечения доброкачественной питьевой водой.[138]

Однако все эти проекты постановлений об улучшении быта и жилищных условий нефтепромышленных рабочих остались на бумаге. Как установило в 1913 г. Профессиональное общество бакинских нефтяных промыслов на основе 1695 опросов, квартиры оставались старыми, без вентиляции, 60.7% населения частных квартир имело менее 1 куб. саж. воздуха на человека. Среди взрослых рабочих смертность была в 3 раза выше, чем в благоустроенных районах Баку, а среди детей — в 5 раз.[139]

Напомним, что по далеко не полным и не точным данным общее число наемных сельскохозяйственных рабочих в 1897—1914 гг. в России составляло 5.8—6.5 млн. человек,[140] причем Юг России привлекал на сельские работы в период косьбы и уборки урожая около $^1/_3$ названного числа рабочих. Так, Донская обл. нуждалась в период империализма ежегодно в 250 тыс. пришлых наемных сельскохозяйственных рабочих, Кубанская — в 230, Самарская губ. — в 120, Херсонская — в 150, Таврическая — в 130, Екатеринославская — в 120 тыс. и т. д. Несмотря на быстрое распространение машинного труда, все возраставшая потребность в сельскохозяйственных рабочих к 1912 г. в южных и юго-восточных областях и губерниях в целом достигала 1.5 млн. человек.[141]

---

[137] Там же, с. 102—104.

[138] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 317, 1908—1912. — Об условиях жизни и труда рабочих, л. 38—39.

[139] Шмидт В. Рабочий класс СССР и жилищный вопрос. М., 1929, с. 10.

[140] Струмилин С. Г. Динамика батрацкой армии в СССР. — В кн.: Наемный труд в сельском хозяйстве. М., 1926, с. 8; Казаков А. Экономическое положение сельскохозяйственного пролетариата до и после Октября. М.; Л., 1930, с. 11.

[141] Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. Спб., 1913, с. 10.

В неурожайные годы, как например в 1905 г., отход сельскохозяйственных рабочих сильно возрастал.

Так как наем сельскохозяйственных рабочих происходил неорганизованно (на ярмарках и базарах, на специальных рабочих рынках, в экономиях, при волостных правлениях, при станциях железных дорог), в пунктах найма скапливалось до нескольких тысяч, а то и десятков тысяч голодных, грязных, изнемогавших от зноя и жажды (колодцев не было) людей. Помещики не устраивали ни контор по найму, ни дешевых чайных, столовых, лечебных пунктов и т. д. Если такие конторы и приемные пункты кое-где на железнодорожных станциях и существовали, то исключительно по инициативе земств.

Прямо с рынка рабочих привозили в поле, где не было никаких помещений для жилья. Рабочие жили и работали под открытым небом с восхода до захода солнца. Очень редко строились шалаши и землянки. На завтрак был черный хлеб, на обед — хлеб, суп и каша, на ужин — каша и хлеб. В холодную погоду рабочие заболевали. Помещик приказывал отвезти заболевшего на дорогу или на городскую площадь, где больной предоставлялся самому себе.[142]

Эти возмутительные факты, свидетельствовавшие о переплетении в аграрных отношениях России крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации, сопровождались в некоторых случаях попытками установления общественного контроля за условиями быта и труда рабочих в крупных сельскохозяйственных экономиях. Но, как справедливо отмечал В. И. Ленин, «никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций».[143]

Юг России привлекал огромную армию сельскохозяйственных рабочих и для обработки свекловичных посевов — удельный вес производства сахарной промышленности Юга составлял $^3/_4$ общероссийского выпуска. Сосредоточивались предприятия этой отрасли главным образом в губерниях Киевской, Подольской и Волынской.

Как отмечал В. И. Ленин, свеклосахарная промышленность сосредоточивалась как на крупных капиталистических предприятиях, так и в дворянских имениях.[144] И если в 1900/01 хозяйственном году на сахарных заводах насчитывалось 106.4 тыс. рабочих, а в 1913/14 г. — 128.4 тыс.,[145] то на плантациях по обра-

---

[142] Скибн. [евский] А. Общественная помощь голодающим... Сельскохозяйственные рабочие. — Медицинское обозрение, 1906, т. LXV, № 2, с. 125—126.

[143] Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 114.

[144] Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 238.

[145] 1914 г. Статистика производств, облагаемых акцизом. Пг., 1916, ч. I, с. 4.

ботке свекловичных посевов в конце XIX в. трудилось не менее 300 тыс. местных и пришлых сельскохозяйственных рабочих,[146] а в 1913 г. — не менее 410 тыс.[147]

В отчетах фабричной инспекции Киевского округа о помещениях для рабочих сахарных заводов отмечалось, что рабочие жили в двухэтажных каменных и одноэтажных деревянных хозяйских казармах. Внутреннее устройство казарм было крайне примитивным: посередине в два ряда располагались приставленные друг к другу нары; по обе стороны от них оставался небольшой проход. На нарах лежали набитые соломой матрасы или просто набрасывалась солома, покрытая общим рядном. Матрасы менялись раз в год и были очень грязные. Так как сахарное производство являлось непрерывным, на него не распространялся закон 1897 г. об ограничении рабочего дня $11^1/_2$ ч. Смена работала 12 ч. Рабочие нанимались на завод артелями, и помещение занимали 2 артели посменно: одна работала, а другая отдыхала. Казармы были тесными, не вентилировались, белье сушили здесь же, на шестах и веревках; здесь же готовили и потребляли пищу. Казармы были грязными, мылись рабочие редко.[148]

г) Урал, Сибирь и Казахстан

Бытовые условия уральских рабочих складывались весьма своеобразно. Как известно, к периоду империализма основная масса уральских рабочих имела почти двухвековую преемственность труда на заводах.[149] По данным А. В. Погожева, в 1902 г. лишь 10% фабрично-заводских рабочих Урала жили в городах.[150] Значительная часть уральских рабочих имела земельные участки в виде покосов, выгонов, огородов, но основным источником существования для них являлась работа на предприятии. Связь с землей у уральских рабочих ослабевала: если, например, до 1905 г. в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Урала имели землю 43.3%, то в 1914—1917 гг. — всего 25.9%.[151] Совсем не было земли у пришлых рабочих, которых в 1900 г. здесь насчитывалось 12%, а в 1914 г. — 20% общего числа пролетариев.

Значительная часть уральских рабочих имела собственное жилье. Но уральские заводы работали в основном на древесном топливе и поэтому находились друг от друга на значительном

---

[146] Ленин В. И. Развитие капитализма в России, с. 289.

[147] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 88.

[148] Никольский Д. П. О жилищах рабочих на фабриках и заводах. — Медицинское обозрение, 1906, т. LXV, № 2, с. 98—101.

[149] История Урала. Пермь, 1963, т. I, с. 304, 305.

[150] Погожев А. В. Учет численности и состава рабочих в России. Приложение. Табл. 1, с. 3. В рассматриваемое время территория Урала охватывала губернии Пермскую, Вятскую, Уфимскую и Оренбургскую.

[151] Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России, с. 576.

расстоянии. Кроме того, у главного предприятия было много вспомогательных, расположенных далеко от основного предприятия, где и возводилось жилье.[152]

Из статистических карточек Горного департамента о быте рабочих Южно-Верхотурского горного округа за 1911 г. мы узнаем, например, что Платинопромышленная компания (3653 рабочих) имела для семейных рабочих 38 домов на 77 семей и 17 казарм на 756 рабочих. При рудниках Алапаевских горных заводов (1290 рабочих) существовало 3 дома для 8 семей рабочих и 11 казарм на 325 человек. Нижне-Тагильский округ (7730 рабочих) имел при своих предприятиях 9 бараков на 220 человек, акц. о-во «Платина» (765 рабочих) — 9 бараков на 140 человек, Платинопромышленная компания близ Нижнетуринского завода (2445 рабочих) — 45 домов с 58 квартирами для семейных и 37 казарм для 1025 одиноких рабочих.[153]

Ту же самую картину мы видим и на некоторых крупнейших предприятиях Южно-Екатеринбургского горного округа. В 1911 г. Сысертский завод акц. общества Сысертских горных заводов (1165 рабочих) имел 6 казарм на 160 человек, а Северский завод — 15 казарм на 208 горняков. Бисертский чугуноплавильный и железоделательный завод Ревдинского горного округа (750 рабочих) имел 10 казарм на 84 человека, а сам Ревдинский чугуноплавильный и железоделательный завод (1200 рабочих) — 17 казарм на 134 рабочих.

Наибольшее число рабочих ютилось в казармах (1385 человек в 9 казармах) на Вознесенском асбестовом руднике барона Э. А. Жирард де Стукантон, 60 семей служащих и мастеров жили в 54 домиках. Общее число рабочих на руднике достигало 1300.

На Полевском медеплавильном заводе (2270 горняков) рабочие жили и в собственных домах, и в 10 казармах, рассчитанных на 1000 человек.

Почти на всех остальных предприятиях Южно-Екатеринбургского горного округа рабочие жили в своих домах. Однако таких предприятий, где все рабочие имели свои дома, было мало.[154]

Особенно тяжелыми были бытовые условия рабочих горных предприятий, расположенных в Сибири и Казахстане — за тысячи верст от крупных городов. Здесь рабочие полностью находились во власти хозяина: жили в фабричных домах и казармах, продукты и товары покупали в лавке, принадлежащей владельцам предприятия, и т. д., ибо другого жилья и других лавок не было.

---

[152] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 185, 1900—1911. — По вопросу о противохолерных мероприятиях на горных заводах и промыслах, л. 1—5.

[153] Там же, оп. 75, д. 150, 1900—1913. — Статистические сведения о количестве рабочих, их быте, условиях жизни..., л. 153—190.

[154] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 75, д. 164, 1902—1916. — Сведения о несчастных случаях, о количестве рабочих, о их быте и условиях жизни на горных заводах и промыслах по Южно-Екатеринбургскому горному округу, л. 37—55.

Согласно постановлению присутствия по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении от 12 июня 1908 г., изданного на основании Уст. Горн. изд. 1893 г. и по прод. того же Устава 1902 г., на одного горнорабочего должно было приходиться не менее 1.3—1.5 куб. саж. воздуха в квартире, а в семейных квартирах — не менее 3 куб. саж. на семью. Помещения должны быть светлы, сухи, просторны. Существующие бараки и землянки в течение трех лет должны быть уничтожены.

Это постановление фактически не изменило положения, так как и после его выхода в свет, как видно из рапорта окружного инженера Витимского горного округа Тульчинского от 7 февраля 1911 г. в Горный департамент, Ленское золотопромышленное товарищество не благоустраивало рабочие жилища. Казармы были тесными, холодными, вентилировались плохо, в них отсутствовали сушилки для белья, семейные рабочие размещались вместе с холостыми, процветала тайная торговля водкой. 5 ноября 1911 г. от Тульчинского был получен новый рапорт, сообщавший, что жилищные условия рабочих на приисках Ленского товарищества не изменились. Так, на приисках «Муя», «Сахалин» и «Корея» объем воздуха на одного рабочего составлял всего от 0.7 до 1 куб. саж. Окружной инженер предложил Главному управлению промыслами приступить к возведению новых казарм для рабочих с тем, чтобы к 15 января 1912 г. эта работа была завершена.[155]

Понадобилась забастовка ленских шахтеров из-за ужасающих условий быта и труда, приведшая к зверскому расстрелу мирного шествия рабочих, вызвавшего в свою очередь бурю возмущения по всей стране, чтобы вопрос о жилищах шахтеров тронулся с места. 9 августа тот же инженер Тульчинский в рапорте в Горный департамент сообщил, что во исполнение предложений директора Горного департамента на Ленских приисках строятся казармы для 984 холостых и 120 семейных рабочих. К началу зимней операции 1913/14 г. на приисках Федосиевском, Нижнем, Прокофьевском, Андреевском, Иннокентьевском акционеры общества обещали строить новые казармы на 1312 холостых и 184 семейных рабочих. Если учесть, что казармы на 4251 человека уже имелись, то получалось, что товарищество обеспечивало жильем 5747 человек, что составляло почти весь контингент рабочих Витимского горного округа.[156]

Окружной инженер Минусинского горного округа сообщал о жилищных условиях рабочих о-ва «Сибирская медь» за 1913 г. (439 рабочих). На горных предприятиях и медеплавильном заводе было 11 домов на 19 рабочих семей и 20 казарм на 220 рабочих с площадью пола 559 кв. саж. Казармы для семейных рабочих де-

---

[155] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 610, 1911—1912. — По вопросу о нарушении закона и обязательных постановлений на промыслах Ленского т-ва, л. 1—6.

[156] Там же, д. 709, 1913—1914. — О жилищных условиях на Ленских промыслах, л. 4—5.

лились на отдельные «углы».[157] На других предприятиях Сибири для иностранных рабочих и русских мастеров имелись отдельные квартиры, а остальные рабочие жили в бараках в тесноте, духоте, антисанитарных условиях. Примером могут служить Мариинские золотые прииски акционерного золотопромышленного общества, принадлежавшие ранее Иваницким, расположенные в Томской губ. (765 рабочих). В 115 домиках располагались 125 семей, а в 21 казарме — 550 рабочих. В Сибири, правда, имелись предприятия, на которых жилищные условия рабочих были более благоприятными. Но это были единичные случаи. Так, на Судженских каменноугольных копях в Томской губ. 605 семей рабочих проживали в 198 домиках, а 509 одиноких рабочих — в 29 казармах.[158]

В Черемховском районе насчитывалось в 1902 г., по данным Иркутского горного управления, 11 копей с 20 действующими шахтами. 3 наиболее значительные: т-во «Щелкунова и К°», т-во «Маркевича и К°» и т-во «Рассушина и К°» — насчитывали до 2 тыс. рабочих. Всего же на Черемховских копях к 1902 г. было занято до 2.5 тыс. горнорабочих и 1.5 тыс. вспомогательных рабочих, не считая примерно 1 тыс. местных крестьян, занимавшихся заготовкой и доставкой крепежного и строевого леса.[159]

Несмотря на рост добычи угля и приезд из разных мест Иркутской губ., Западной Сибири новых рабочих, углепромышленники отказывались строить жилые помещения для своих рабочих, ссылаясь на «отсутствие прямого закона, обязывающего их иметь помещение для рабочих в жилых местах».[160] В результате резко ухудшились жилищные условия местного населения, а рабочие, часто с семьей, за 2 руб. в месяц снимали в комнате место, равное площади кровати.

Жилищные условия шахтеров Черемховского бассейна были обследованы комиссией в составе начальника Иркутского горного управления Д. Иванова, окружного инженера И. Архангельского, участковых врачей, штейгеров, полиции бассейна и др. При обследовании квартир рабочих лишь названных крупнейших шахт было установлено крайне малое содержание в них воздуха и света (ниже санитарной нормы). «Спят рабочие, — отмечалось в акте, — в большинстве на полу, где помещаются и дети, и женщины, и одинокие мужчины; все углы, полати, стены заняты тем подобием одежды, которое на сибирском жаргоне характерно зовется „барахлом“».[161]

---

[157] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 75, д. 40. — Статистические сведения о несчастных случаях и условиях жизни рабочих на приисках Минусинского горного округа, л. 24—25 об.

[158] Там же, д. 34, 1881—1917. — Статистические сведения о несчастных случаях и условиях жизни рабочих по Томскому горному округу, л. 28, 37—38 об., 133—134.

[159] Там же, оп. 58, д. 237, 1902. — По вопросу об улучшении быта рабочих на Черемховских копях, л. 1—1 об.

[160] Там же, л. 2.

[161] Там же, л. 2 об.

Как совершенно справедливо отмечала комиссия, кислородное голодание рабочих имело место не только на работе, под землей, но и дома, что отмечалось во всех актах обследования рабочих жилищ.[162]

В мае 1902 г. Горный департамент получил от начальника Иркутского горного управления материалы о чрезвычайно тяжелых бытовых условиях шахтеров Черемховских копей. Лишь 23 ноября Горный департамент ответил Иркутскому горному управлению письмом, озаглавленным «Об улучшении быта рабочих на Черемховских копях». В этом мертворожденном документе отмечалось, что, признавая необходимость улучшения быта черемховских шахтеров, Горный департамент все же «не усматривает в действующем законе каких-либо постановлений, которые представляли бы законную возможность административным учреждениям Горного ведомства оказать в случаях, подобных настоящему, должное воздействие на промышленников». Согласно трактовке департамента, ст. 160 и 166 Уст. Горн. обязывали присутствия осуществлять надзор за жизнью, нравственностью и здоровьем рабочих на частных горных заводах лишь во время работы, но обходили стороной вопросы быта рабочих, тем более что дома, в которых жили рабочие, принадлежали частным владельцам. По вопросу улучшения бытовых и жилищных условий рабочих Горный департамент предлагал начальнику Иркутского горного управления обратиться к иркутскому военному генерал-губернатору.[163]

Весной 1913 г., через 11 лет, чины Горного департамента и полиции вновь произвели ревизию рудников Черемховского района. Эта ревизия была вызвана подъемом революционного движения в 1910—1914 гг. «Правда» по поводу этой ревизии писала: «Зашевелились рабочие — зашевелилось и начальство». Описывалась подготовка углепромышленников к ревизии, чистка и уборка рабочих помещений, завоз хороших продуктов. На копях Маркевича комиссии даже не показали всех бараков, а на копях Щелкунова показали лишь дома служащих.[164]

Летом 1913 г. рабочих столицы и всей России взволновала опубликованная в «Правде» статья «Новая Лена». В ней сообщалось об ужасающих жилищных условиях, в которых английские акционеры — владельцы самого крупного в Казахстане комбинированного горного предприятия — акц. о-ва «Спасские медные руды» — содержали своих рабочих. Их жилища справедливо назывались могилами.[165] В письме от 30 марта 1910 г. помощник присяжного поверенного Якуп-Мурзы Акпаев писал министру торговли и промышленности о том, что в апреле 1908 г. он посе-

---

[162] Там же, л. 5—9.

[163] Там же, л. 10—10 об.

[164] Неволин. Из жизни сибирских углекопов. — Правда, 1913, 12 июня.

[165] Гавриленко И. Новая Лена. — Правда, 1913, 26 июля.

тил Спасский медеплавильный завод и Карагандинские каменноугольные копи английского акц. о-ва «Спасские медные руды» в Акмолинской обл. Акпаев описывал так называемую новую казарму для рабочих-казахов, представлявшую собой в прошлом яму для отбросов, которую лишь прикрыли сверху досками. Эта «казарма» длиной в $4^1/_2$ саж., шириной в $2^1/_2$ саж. и высотой в $2^1/_2$—3 арш. отапливалась печью без дверки. Рабочие заявили смотрителю Гавриленко и инженеру-строителю англичанину Витсону, что при буранах, весьма частых в этой местности, они здесь погибнут. Администрация не обратила на это внимания. 22 апреля 1907 г. ночью разразился буран, яму занесло на сажень. Из трех шахтеров, отважившихся жить в этой дыре, двое были откопаны товарищами в бессознательном от удушья состоянии, а один — Ибрай Байжанов — мертвым. Несмотря на происшедшее, эта «казарма» функционировала и далее и рабочие-казахи жили в ней до 15 апреля 1908 г., дня приезда Акпаева. Затем ее в спешном порядке закопали.[166]

В марте 1913 г. Горный департамент послал на имя генерал-губернатора Степного горного округа отношение «О положении жилищ рабочих на предприятиях акц. о-ва „Спасские медные руды“ в Акмолинской области». В нем указывалось, что на всех трех предприятиях общества — Карагандинских копях, Успенском медном руднике и Спасском медеплавильном заводе — жилища рабочих «в санитарно-гигиеническом отношении настолько неудовлетворительны, что в существующем виде терпимы быть не могут». Поскольку они не удовлетворяют требованиям обязательного постановления присутствия по горнозаводским делам при Томском горном управлении от 15 декабря 1900 г., обществу под угрозой закрытия предприятий предписывалось привести казармы рабочих в соответствие с требованиями постановления.[167]

Окружной инженер Степного северного горного округа 9 сентября 1913 г. в докладной записке начальнику Томского горного управления писал о результатах своего обследования жилых помещений рабочих об-ва «Спасские медные руды». Для русских семейных рабочих, докладывал инженер, построены отдельные квартиры, а холостые помещаются по 2—3 человека в отдельной квартире. Казарм для русских рабочих вовсе не имеется. Они имеются лишь для казахов. Это одноэтажные дома, разделенные стенами на комнаты от 5 до 50 куб. сажен. Семейные и холостые помещаются отдельно. Казармы, построенные до 1913 г., не имеют сеней, отделений для сушки одежды, полы в них глинобитные, кухни либо отдельные, либо устроены в казарме в виде очагов по числу семейств. Казармы, построенные в 1913 г., имеют кухни, сушилки, сени, деревянные полы.

---

[166] ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 58, д. 621, 1911. — О жилищах рабочих на предприятиях акц. о-ва «Спасские медные руды» в Акмолинской обл., л. 15—16.

[167] Там же, л. 6 об.—7.

В заключение окружной инженер отмечал, что на всех промыслах Спасского общества за 1913 г. строится 60 новых квартир для семейных рабочих, 8 казарм переделаны на 87 квартир для семейных, строится казарма на 80 холостых казахов в Карагандинской копи. Все неудовлетворительные постройки будут уничтожены к 1 октября 1913 г. Автор записки здесь же замечал, что в то время как все русские рабочие будут жить в сносных санитарных условиях, казахи, составлявшие большинство рабочих, остаются жить в собственных зимовках, т. е. в условиях антисанитарных, так как «подобные зимовки напоминают устройство пещерных жилищ каменного века».[168] В письме генерал-губернатора Степного горного округа министру торговли и промышленности от 8 февраля 1917 г. отмечается, что более 250 семейных рабочих-казахов трех предприятий о-ва «Спасские медные руды» все еще жили в собственных домах-зимовках.[169]

Все эти факты свидетельствуют о том, что жилищные условия местных рабочих далеких окраин царской России (Сибири, Казахстана) были нетерпимыми.

2. Питание и снабжение

Питание, как и жилищные условия, является важнейшим показателем положения рабочих. Как отмечал В. И. Ленин в ряде произведений: «Капитализм и народное потребление», «Дешевое мясо — для „народа“» и др., траты на полуголодное питание составляли главную часть расходной части рабочих бюджетов.[170]

В период империализма статья расходов на питание в рабочих бюджетах в среднем составляла от 47 до 57% у семейных и от 33 до 46% — у одиноких рабочих.[171] В одном из лучших дореволюционных бюджетных обследований отмечено, что статья расходов на питание являлась самой большой и самой «физической», что это — «командующая статья в расходном бюджете».[172]

Место, занимаемое этой статьей расходов, ее огромный удельный вес в расходном бюджете российских рабочих объясняется прежде всего классовым распределением национального дохода, когда на непосредственных производителей материальных ценностей приходилась его небольшая часть. Заработная плата рабочих, даже фабрично-заводских, была низкой, рабочие не сводили

---

[168] Там же, л. 230—232 об. «Зимовками» назывались небольшие низкие домики, сложенные из камня или самана и крытые соломой, смешанной с глиной. Чаще всего они находились под одной кровлей с хлевом для скота. Для тепла часто рядом ютились по 15—16 домиков-очагов рабочих.

[169] Там же, л. 236—237.

[170] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 466—468; т. 23, с. 293—295.

[171] Овсянников В. Довоенные бюджеты русских рабочих, с. 57.

[172] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий. М., 1919, с. 42.

концы с концами в своем, как правило, дефицитном бюджете.[173] Поскольку в скудном бюджете рабочего статья расходов на питание занимала непомерно большое место, то все остальные расходы, вплоть до расходов на жилища, должны были сжиматься до предела.

Россия являлась житницей Европы. Она вывозила хлеб, масло, яйца, сахар, мясо, сало и другие продукты питания первой необходимости. Но это был так называемый голодный экспорт. Общеизвестно, например, что вывоз хлебных продуктов возрастал быстрее, чем валовой сбор зерна.[174] При крайне низких заработках русских рабочих за хлеб, сахар, масло, мясо и другие продукты первой необходимости они платили дороже рабочих ряда капиталистических стран с высоким экономическим потенциалом, имевших вдвое более высокие заработки. Так, в 1909 г. белый хлеб в Петербурге стоил 6.5 коп., в Лондоне — около 4.5—5 коп. за фунт (400 г). Если в Петербурге в 1908 г. говядина стоила от 5 р. до 6 р. 45 к. за пуд, то в Лондоне соответственно от 4 р. 32 к. и 5 р. 22 к. до 6 р. 84 к. В два раза дешевле в Англии стоил сахар.[175]

Газета «Звезда» резко критиковала измышления официальных изданий («Вестника финансов, промышленности и торговли», «Торгово-промышленной газеты» и др.), после двух урожайных лет (1909—1910) восторженно писавших о «постоянном» и «прочном» подъеме благосостояния русского народа. «Звезда» сообщала, что в городе в среднем на одного жителя России потреблялось 60 фунтов сахара, а в деревне — едва 8 фунтов в год. Потребление хлеба, соли и водки в урожайные и неурожайные годы в среднем на одного жителя составляло:[176]

Годы	Хлеб, пуд	Соль, фунт	Водка, ведро
Урожайные (1900, 1902—1904)	23.3	32.7	0.52
Неурожайные (1901, 1905—1908)	19.9	30.6	0.54

Приведенные данные показывают, что в неурожайные годы одновременно с сокращением потребления хлеба (на 3.4 пуда на жителя в год) сокращалось и потребление соли, а потребление водки возрастало. Возрастание потребления водки в неурожайные годы «Звезда» называла ростом пьяного налога на нищету и недоедание. Из этого делался вывод, что при существующей правительственной политике не приходилось ожидать улучшения положения трудящихся.[177]

---

[173] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг., с. 166—242.

[174] Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 6.

[175] Пажитнов К. Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России, с. 73—91.

[176] Лосицкий А. Благосостояние русского народа. — Звезда, 1911, 26 февраля.

[177] Там же.

В рассматриваемый нами период (1900—1914 гг.) из 14 лет неурожайными являлись 7. Если учесть, что хлеб был основным продуктом питания трудового населения страны, в первую очередь рабочих и крестьян, и что и в урожайные годы бюджетные обследования отмечают хлебное недоедание прежде всего низкооплачиваемых категорий рабочих и неполных семей, то станет ясно, каким бедствием для трудового люда являлись неурожайные годы. Хлеб пекли из смесей различных суррогатов в зависимости от местности: остатков ржаной, гороховой, кукурузной, ячневой, овсяной муки, древесной коры, мха, различных ягод и т. д.

Газета «Правда» в июне 1913 г. в передовой статье «Голодные цифры» сообщала, что в 1911—1912 гг., например, голодало до 15 млн. населения. Голодовке сопутствовали заболевания тифом, цингой. Отчаявшиеся люди нередко кончали жизнь самоубийством.

Правительство, пресекая общественную и частную инициативу, боролось с голодом путем организации общественных работ. За участие в них голодающим выдавалось $3^1/_2$ пуда хлеба и $1^1/_2$ руб. на каждого человека, причем большая часть полученного хлеба оставлялась на семена, голод же утолять было нечем. Так было, так будет, заключала «Правда», в каждый голодный год, пока не решится аграрный вопрос.[178]

Недоедание рабочих и их семей, особенно в голодные годы, заставляло многих прибегать к покупке более дешевых, второсортных съестных продуктов. Наряду с недоброкачественными продуктами широкое распространение в торговле съестными припасами во всех крупных городах страны имели фальсифицированные продукты.[179] Об этом сообщалось даже в правительственной печати. «Можно с уверенностью сказать, — писал орган торгово-промышленных кругов, — что лишь очень состоятельные классы населения более или менее гарантированы относительно того, что потребляют доброкачественные продукты».[180]

Основное назначение питания — сохранение здоровья и трудоспособности. Главными проблемами рационального питания являются вопросы калорийности, роли белков, жиров, углеводов и витаминов, режим питания.

Баланс обмена веществ в организме измеряется химическим составом принятой пищи — количеством усвояемых организмом основных питательных веществ: белков, жиров и углеводов, а энергетический баланс — количеством потенциальной энергии, содержащейся в пище и выраженной в калориях. В то время как для накопления энергетического баланса соотношение потребляе-

---

[178] Правда, 1913, 13 июня.

[179] Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX—начало XX в.). М., 1979, с. 194—196.

[180] Шимановский В. Борьба с фальсифицированными и дурнокачественными продуктами. — Торгово-промышленная газета, 1910, 4 апреля, № 78, с. 151.

мых питательных веществ безразлично, с точки зрения обменного баланса нужны определенные количественные соотношения питательных веществ.

В рассматриваемый нами период физиологи считали, что в течение суток взрослый рабочий, выполнявший тяжелую физическую нагрузку, должен получать в пище до 125 г наиболее полноценных животных белков, около 70 г жиров и около 500 г углеводов, что в целом должно было дать организму 3600 кал тепла.[181] Нарушение названных пропорций приводило к понижению работоспособности, росту заболеваний и смертных случаев от гриппа, туберкулеза.

Ниже мы приводим подсчитанный Е. Кабо на основании работ физиологов и экономистов необходимый качественный состав суточного питания рабочего и служащего (физиологические нормы взрослого едока, в г).[182]

	Белки животные	Белки растительные	Жиры	Углеводы	Калории
Рабочие	35	80	60	600	3600
Служащие . . .	35	80	50	500	3000

Как видно из приведенных данных, норма жиров и углеводов растет с увеличением физической нагрузки, а норма белков остается постоянной.

Эти очень краткие и не совсем точные экскурсы в область физиологии и гигиены питания понадобились нам для того, чтобы ответить на вопрос о том, соответствовало ли питание рабочего России в 1900—1914 гг. необходимому, отмеченному выше, качественному составу пищи.[183]

Ответ на этот вопрос могут дать лишь некоторые из рассмотренных нами семи дореволюционных бюджетов обследований,[184] причем на вопрос о нормах питания рабочих отвечали лишь 4 из 7: обследования М. Давидовича, И. М. Шапошникова, А. М. Стопани и Н. М. Лисовского.[185] Ценные материалы этих обследований, однако, не дают ответа на вопрос о питании рабочего России в целом, а свидетельствуют лишь о количестве питания и его

[181] Соотношение между растительным и животным белком в суточном рационе должно быть равно 2 : 1, т. е. количество животного белка должно быть не менее 35 г, а соотношение между жирами и углеводами — 1 : 10.

[182] Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926, с. 23.

[183] Аркин Е. А. Экономика человеческого организма. М., 1925, с. 222—229.

[184] См.: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России, с. 214—242.

[185] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий; Шапошников И. М. Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью. — Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губернии. М., 1910, № 1; Стопани А. М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет; Лисовский Н. М. Рабочие в Военном ведомстве.

составе в различных районах страны. Обобщающих материалов о состоянии питания рабочих России в целом в 1900—1914 гг. не существует.

Тем не менее Е. Кабо из наиболее ценных бюджетных обследований выделяет питание семейных рабочих и признает его в среднем соответствовавшим питанию рабочих России (семейных), сравнивая при этом питание рабочих одной бюджетной группы. Эти крайне скудные данные 4 бюджетных обследований, относящиеся к 1908—1911 гг., не связанные общностью метода исследования, за неимением других данных приходится использовать в таком виде, как они выполнены Е. и Р. Кабо.

В табл. 17 приводится месячная норма питания семейного рабочего России в среднем на одного взрослого едока (работника), по данным названных выше бюджетных обследований в 1908—1911 гг.[186]

Таблица 17

Продукты	Спб., 1908 (текстильщики)	Баку, 1910 (русские)	Богородск, 1909	Середа, 1911 (текстильщики)
	в фунтах			
Растительные				
Мука и хлеб ржаной (в переводе на хлеб ржаной)	53.25	12.16	35.88	30.97
Мука и хлеб пшеничный (в переводе на хлеб пшеничный)	20.33	41.24	8.05	20.57
Крупа, рис и бобовые	2.74	2.22	8.77	2.63
Макароны, вермишель	0.09	0.55	—	—
Картофель	31.38	17.27	25.62	18.22
Капуста и прочие овощи	10.67	8.78	7.82	15.47
Грибы	0.11	—	1.84	0.07
Фрукты свежие и сухие	—	7.95	—	1.75
Масло постное	0.82	0.69	2.82	1.49
Сахар	3.33	3.28	1.18	3.40
Чай, кофе	0.85	0.21	0.12	0.19
Всего:	123.57	94.35	92.10	94.76
Животные				
Мясо и сало	11.00	15.62	3.57	4.26
Рыба	10.08	2.16	0.57	1.57
Молоко	11.87	8.42	11.42	9.75
Масло коровье	1.21	0.10	0.23	0.25
Сыр, творог, сметана	0.31	0.17	—	0.01
Яйца	0.82	0.92	0.12	0.99
Всего:	35.29	27.39	15.91	16.83

[186] Кабо Е. Питание русского рабочего до и после войны, с. 35.

Остановимся, по данным бюджетных обследований Давидовича (табл. 17) и Прокоповича, на питании петербургских рабочих.

Петербургские рабочие за крайне редким исключением жили на своих харчах, в зависимости от уровня заработной платы тратя на питание от 35 до 60% бюджета.[187] С ростом бюджета расходы на питание неуклонно увеличивались, составляя в то же самое время все меньшую долю расходного бюджета. Так, семьи с заработком 200—300 руб. тратили на питание 58% бюджета, 500—600 руб. — 48%.

Как справедливо отмечал Давидович в своем бюджетном обследовании, при низкой заработной плате петербургских текстильщиков сами по себе цифры расхода на питание были невелики. Одинокие расходовали всего 9—10 руб., а семейные при неполной семье с матерью дома 6—7 руб. на взрослого в месяц и семьи с матерью на фабрике 8—9 руб. Из отдельных бюджетных групп более требовательными к пище были квалифицированные рабочие.[188]

Условия питания были следующими: семейные, как правило, пользовались домашними обедами, причем каждый день горячая пища готовилась лишь в семьях с матерью дома или в семьях с более высокими бюджетами. Бедные семьи с матерью на фабрике готовили обед 1 раз в неделю, в воскресенье, а затем щи разогревались 3—5 дней. Остальные дни питались также и всухомятку.

Одинокие мужчины и даже женщины часто жили артелями, где, как правило, ежедневно готовилась горячая пища. Обедать в трактире рабочие избегали, обеды для рабочих готовились там из недоброкачественных продуктов.

Анализируя состав пищевых продуктов растительного происхождения в питании рабочих, авторы бюджетных обследований отмечали преимущественное употребление хлеба рабочими и их семьями, что в значительной степени являлось наследием деревни, питавшейся почти одним хлебом. По подсчетам Давидовича, петербургские текстильщики в 1908 г. в минимальном случае (при сравнительно высоком бюджете и наличии мужчины-кормильца в семье) тратили на хлеб 21.7% к общему расходу на пищу, в максимальном (женские семьи) — 48.8% (см. табл. 17), т. е. больше $^1/_4$ годового бюджета у них уходило на хлеб.[189] Значительные доли бюджета тратились на овощи: картофель, капусту. Особо сле-

---

[187] По данным бюджетного обследования Прокоповича 1908 г., на хозяйских харчах жили всего 6% опрошенных 623 рабочих различных отраслей промышленности. См.: Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих, с. 64—65.

[188] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий, с. 42.

[189] Черный ржаной хлеб повсеместно в 1908 г. стоил $3^1/_3$ коп. фунт, белый лучший сорт — 7, свежий ситный — 6 коп.; вчерашний хлеб стоил дешевле. См.: Давидович М. Петербургский текстильный рабочий, с. 51—53.

дует отметить траты на сахар и чай. Чаепитие часто заменяло в низших бюджетных группах наличие приварка.

В семьях петербургских текстильщиков из продуктов животного происхождения больше всего средств расходовалось на мясо и рыбу. Наибольшее потребление мяса было характерно для квалифицированных одиноких работниц и рабочих (200—170 фунтов в год). Рядовой рабочий с семьей в деревне потреблял едва 100 фунтов мяса в год, а в семье среднего достатка — всего 95—98 фунтов. В беднейших семьях мясо ели лишь по праздникам.[190]

Из всех сортов рыбы на первом месте была селедка, так как селедка и соленые огурцы в бедных семьях заменяли горячую пищу. Поэтому беднейшие семьи и холостые рабочие-текстильщики расходовали в год 130—140 селедок. Кроме селедки покупались треска, снетки. В целом же рыбный стол имел место в семьях с матерью дома. Семейным при наличии детей приходилось тратиться на молоко и в высокооплачиваемых семьях на такой считавшийся «благородным» продукт, как сливочное масло. Сыр, творог, яйца, сметана в рабочих семьях не употреблялись, они считались роскошью, «господской едой» (табл. 17).

Розничную торговлю пищевыми продуктами, как и питейную торговлю, в Петербурге вели множество мелких предприятий и торговых заведений. Однако если магазины и рестораны, находившиеся в центральных частях города и обслуживавшие состоятельных людей, торговали свежими товарами и находились в удовлетворительном санитарном состоянии, то лавочки, постоялые дворы, трактиры и чайные, расположенные в рабочих районах, по свидетельству санитарных врачей, торговали подпорченным товаром и содержались грязно. Ниже всякой критики обстояло дело с разносной торговлей съестными изделиями и с лотков на улицах, а также обедами у ворот фабрично-заводских предприятий во время обеденных перерывов или различными товарами в дни получки.[191] Однако покупка товаров «на книжку» в кредит из мелких лавочек являлась для рабочих, особенно в низших бюджетных группах, в крупных промышленных центрах обычным явлением и была широко распространена.

Анализируя питание петербургских рабочих в целом, Прокопович отмечал такое, на наш взгляд, важное обстоятельство: порвавшие связь с деревней питались лучше, чем рабочие, имевшие в деревне родных, землю и ведущие на ней хозяйство. Первые тратили на питание большую часть расходного бюджета,[192] вторые экономили на всем, высылая часть заработка домой.

В результате рассмотрения состава питания петербургских рабочих и его особенностей следует ответить на главный вопрос: обеспечивало ли питание организм рабочего достаточным количе-

---

[190] Там же, с. 55.
[191] Крузе Э. Э. Транспорт, торговля, кредит, с. 80—81.
[192] Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих, с. 66

ством белков, жиров, углеводов и основным количеством выраженной в калориях потенциальной энергии?

Давидович считал, что данные Е. Кабо о суточном составе питания, его физиологических нормах (см. с. 128) несколько занижены, так как труд ткача — физически тяжелая работа, когда для взрослого мужчины требуется 145 г белков, 100 — жиров, 500 г углеводов и 3700 кал тепловой энергии, а для женщины соответственно 116, 80, 400 г и 2900 кал. Рассматривая наличие и соотношение названных элементов в питании ткачей: мужчин, женщин, одиноких и семейных всех рассматриваемых в бюджетном исследовании групп, Давидович приходил к выводу о том, что самым недостаточным оказывается количество белков.[193] Оно не достигало нормы, необходимой не только для тяжелой работы, но даже для работы умеренной тяжести.[194] Многие биологи уже в то время считали, что, если недостающее количество жиров в пище можно пополнить углеводами, белковое голодание невосполнимо. «Итак: бесполезный излишек углеводов, жировое недоедание и белковое голодание — вот сжатая характеристика питания нашего ткача и с ним среднего петербургского рабочего»,[195] — писал М. Давидович. В женских семьях, в семьях с матерью дома, у одиноких женщин, женщин-ткачих от отмечал недоедание.

С питанием петербургского текстильщика (бюджетное обследование Давидовича) можно сравнить лишь питание московского текстильщика (обследование Шапошникова), так как эти категории рабочих близко стояли по уровню среднего заработка, но трудно было бы брать для сравнения, например, нефтяников Баку, чей заработок в 1910 г. достигал 700 руб. в год.

При рассмотрении данных табл. 17 видно, насколько неудовлетворительным и в количественном, и в качественном отношении было питание московского рабочего. В нем еще более, чем в питании петербургских семейных текстильщиков, преобладало употребление хлеба; здесь меньше употреблялось даже овощей. При рассмотрении вопроса о том, какое место занимали продукты животного происхождения (мясо, рыба, сыр, творог, яйца и т. д.) на столе московских, богородских и середских семейных рабочих, обращает на себя внимание ничтожное количество их. Так, богородский семейный рабочий употреблял в месяц 3.57 фунта мяса и сала, 0.57 фунта рыбы, 0.23 фунта сливочного масла, 11.42 фунта молока (табл. 17). Налицо имелось хроническое белковое голодание, острый недостаток жиров.

---

[193] Давидович М. Петербургский текстильный рабочий, с. 67—68.
[194] Там же.
[195] Обследованные Давидовичем петербургские текстильщики зарабатывали в среднем 338 руб. в год. По данным бюджетного обследования Шапошникова, московские текстильщики зарабатывали 187 руб. в год (1909).

Тщательно рассмотрен характер питания нефтепромышленных рабочих Баку в бюджетном обследовании А. М. Стопани 1908—1909 гг.

Изучая расход на питание, Стопани подсчитал, что в среднем он у одиноких рабочих в год составлял 116 р. 65 к., в месяц — 9 р. 72 к., в день — 32 коп.; у семейных рабочих в год — 326 р. 66 к., в мес. — 27 р. 20 к., в день — 90 коп. Расходы на питание у одинокого рабочего составляли около $^1/_3$ (31.6%) расходного бюджета, у семейного — около $^2/_5$ (40.7%). На среднюю взрослую рабочую единицу семьи (кету) у семейных расход на питание составлял 115.5 руб., у одиноких — 116.6 руб. Конечно, это средние данные, и они не отражают истинных размеров уровня расходов рабочего на питание.

А. М. Стопани установил интересные особенности в питании рабочих Баку различных национальностей: русских, армян, казанских и местных татар, персов, лезгин и др. При среднем размере семьи 2.6—2.85 больше всего тратили на питание русские (116.2 руб. в год), затем — местные татары и персы (113.9 руб.), армяне (113.3 руб.), казанские татары, лезгины (106.3 руб.) и т. д. Пища, исключительно горячая, принималась 3 раза в день.

Подавляющая часть месячного расхода нефтепромышленных рабочих уходила на растительные продукты: у одиноких — 58%, у семейных — 48%; на животные продукты в семьях уходило около 40% расхода на питание, у одиноких — 30%. Из растительных продуктов это были в основном хлеб, затем рис, фасоль, горох и картофель, из животных — говядина, баранина, рыба, молочные продукты и изредка — яйца. Пользуясь нормами Эрисмана и других ученых, Стопани подсчитал, что у одиночек в пищевом рационе растительные вещества составляли 95.4%, а животные — 4.6%, у семейных — соответственно 90.8 и 9.2%. Главную массу растительных питательных веществ у бакинских нефтяников составляли хлебные продукты и крупы: 80.8% у одиночек и 75% у семейных при норме 68—78%. Растительные и животные белки, наиболее легко усвояемые, в дневном питании при норме 15—20% суточного рациона составляли всего 13—14%. Жиры, дающие максимум потенциальной энергии, при норме 7—11% рациона составляли всего 2—4%.

Труд нефтепромышленных рабочих несомненно следует отнести к разряду тяжелых, при котором пища должна давать 3659 кал. В действительности же пища нефтепромышленного рабочего-одиночки давала всего 3556 кал, а взрослого семейного рабочего — 3247, т. е. была на 4—14% ниже необходимой нормы.

По данным Стопани, 87% бакинских нефтепромышленных рабочих покупали продукты в частных мелких лавках, 11 — в кооперативных и 2% — в других лавках. Покупка продуктов за наличные была редким явлением: деньгами рассчитывались лишь

15% семейных и 7% одиноких рабочих. В результате покупки товаров и продуктов питания «на книжку» в небольшом количестве, по показаниям бюджетных переписей Стопани, переплаты рабочих лавочникам колебались от 2—3 до 15—20% стоимости товаров. Так тяжело рабочие расплачивались за зависимость от кредита мелочных торговцев. Как и рабочие столицы, нефтепромышленные рабочие Баку работали на своих харчах. Совет съездов нефтепромышленников фактически не заботился о питании рабочих: на промыслах были открыты лишь две общедоступные столовые. Рабочие были лишены также и сносной питьевой воды.[196]

По свидетельству официальных документов (различных обследований), газетных статей, медицинских заключений по осмотру рабочих, питание рабочих Юга носило в основном хлебно-картофельный характер. Мясо ели не каждый день и им кормили главу семьи, несущего на своих плечах каторжный труд шахтера или металлурга. Фрукты, молочные продукты и большинство овощей не входили в рацион питания рабочего и его семьи из-за хронического бюджетного дефицита.[197]

Для Харькова и губернии имеются сведения о питании артельных рабочих. Утром рабочие получали суп или жидкую кашицу с салом, днем — борщ или щи с говядиной и кашей, вечером — овощи. Пища рабочих отличалась недостатком белков и избытком углеводов. Рост цен на пищевые продукты (на соль — на 52%, на мясо — на 34, на масло — на 28—29%) в 1900—1913 гг. превышал рост заработной платы, возросшей за этот же период в Харьковской губ. на 25%.[198]

Особенно плохо обстояло дело с питанием транспортных рабочих. На железнодорожном транспорте, где производство являлось непрерывным, рабочие работали 12 ч и более, а питанием на службе они не были обеспечены и, уходя из дому, брали с собой узелки с пищей. Питались всухомятку. В связи с этим среди железнодорожников болезни пищеварительного тракта получили широкое распространение.[199] Плохо питались рабочие вновь строившихся железных дорог и особенно отдаленной от центра Сибирской железной дороги, где администрация чинила произвол. Продукты, получаемые артельщиками с казенных складов (мясо, рыба, капуста, крупы, постное масло, квас, хлеб и др.), чаще всего из-за дальности провоза и длительности хранения были недоброкачественными: заплесневелыми или прогорклыми, мясо —

---

[196] Митрофанов В. М. Новый документ о положении рабочих на бакинских нефтепромыслах в начале XX в., с. 229.

[197] Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма, с. 199—200.

[198] Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912, с. 63—64, 67—72.

[199] Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых железных дорог за 1907 г. Спб., 1909, с. 334.

тухлым. Рабочие голодали, болели цингой, желудочно-кишечными заболеваниями.[200]

Питание судорабочих на судах было поставлено скверно. Не было ларей для хранения продовольствия. Во избежание пожара запрещалось разводить огонь на кухне во время стоянок. Рабочие вынуждены были зачастую питаться всухомятку. Мало того, из-за ничтожного заработка они не могли тратить на питание более 5 руб. в месяц.[201] Несмотря на то что общий вес потребляемой судорабочими пищи составлял в сутки на одного человека более 6 фунтов, она была малопитательной, так как состояла в основном из растительной пищи, в том числе на $^2/_3$ из плохо пропеченного, кислого, липкого, сырого черного хлеба. Жирами и белками пища судорабочих была очень бедна.[202] Неудовлетворительной, несмотря на неоднократные требования санитарного надзора, оставалась питьевая вода, так как судовладельцы не ставили на судах фильтров для очистки воды. Рабочие пили ту воду, которая текла под килем судна. Среди рабочих на судах, плававших по Мариинской системе, например, не прекращался брюшной тиф.

За 1901—1910 гг. денежная заработная плата сельскохозяйственных наемных рабочих в различных районах страны в результате революционных событий 1905—1907 гг. возросла от 15 до 25%.[203]

Немаловажными причинами роста номинальных заработных плат рабочих, в частности сельскохозяйственных, явились постепенное сокращение пришлых рабочих и вздорожание цен на продукты питания. В табл. 18, согласно анкете, проведенной «Торгово-промышленной газетой» в 1913 г. о положении с наймом сельскохозяйственных рабочих в России, приводится стоимость питания в день одного рабочего с 1906—1908 по 1912—1913 гг.[204]

Данные табл. 18 свидетельствуют о том, что с 1906—1908 по 1912—1913 гг., всего за какие-нибудь 6 лет, стоимость питания сельскохозяйственного рабочего возросла в полтора раза. Поэтому в отличие от промышленных рабочих крупных капиталистических предприятий (фабрично-заводских, горных и горнозаводских, транспортных и т. д.) из-за дороговизны продуктов

---

[200] Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965, с. 122—125; Новакова К. Сибирский железнодорожный пролетариат (1891—1904 гг.). Красноярск, 1965, с. 29.

[201] Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 29.

[202] Кулеш С. Г. Санитарное исследование черного хлеба, потребляемого судорабочими. Доклад IX съезду Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Цит. по: Канель В. Я. Судорабочие и судовладельцы, с. 30—31.

[203] Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг., с. 210.

[204] Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные наемные руки, с. 31.

Таблица 18

Местность	Стоимость питания в коп.		
	1906—1908	1909—1911	1912—1913
Херсонская губ.	16	22	25
Донская обл.	15	20	24
Кубанская обл.	15	21	23
Самарская губ. (Николаевский и Новоузенский уезды)	18	24	27

сельскохозяйственные наемные рабочие предпочитали наниматься на хозяйских харчах, так как при необычайно тяжелой физической нагрузке требовалась горячая пища. Хозяева же предпочитали нанимать рабочих на их собственных харчах, состоящих преимущественно из хлеба и очень редко соленых рыбы или сала. Лишь в «горячую» пору из боязни, что рабочие могут уйти, хозяева шли им навстречу в отношении содержания и улучшения питания: появлялась горячая пища с мясом или салом, каша с маслом или салом, к чаю — кусок сахара, а в наиболее «горячие» дни — водка.

В исторических исследованиях имеются сведения о плохом питании сезонных рабочих: лесорубов, сплавщиков и др.[205]

Как сообщалось в «Торгово-промышленной газете», лесные рабочие трудились в лесу без перерыва целый день в любую погоду. Главным продуктом их питания являлись полузамерзшая каша и зеплесневелый промерзший хлеб, испеченный на несколько недель впрок.[206]

До издания закона 1886 г., особенно в местах, отдаленных от жилых мест (Сибирь, Урал), практиковалась расплата с рабочими вместо денег товарами, что являлось для предпринимателей средством наживы. Часть товаров рабочие потребляли, а ненужное — продавали.

Согласно закону 1886 г., в расчетной книжке рабочего должен был указываться размер заработка, сроки платежа и размер вычетов за пользование заводской квартирой, баней, чайной, столовой по таксе, утвержденной фабричным инспектором. Обычай расплаты с рабочими вместо денег товарами, на наш взгляд, лишь видоизменил свою форму, а не был ликвидирован полностью. Так, согласно закону 1886 г., в помещениях фабрик и заводов могли открываться лавки потребительских товариществ для снабжения

---

[205] Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1968, с. 100, 139.

[206] И. Л. Положение рабочих на лесных промыслах Олонецкой губернии. — Торгово-промышленная газета, 1909, 4 сентября, № 198.

фабричных рабочих и служащих недорогими и доброкачественными промышленными и продовольственными товарами (ст. 141 Уст. о пром.). Открытие других лавок (например, хозяйских) по той же статье Устава допускалось не иначе как с разрешения фабричной инспекции или горного надзора. Они же утверждали ассортимент продуктов, цены на них и должны были следить за тем, чтобы расценки на продукты вывешивались в лавках. Однако эта статья Уст. о пром. часто нарушалась предпринимателями, особенно в отдаленных местностях страны, где рабочие за много сотен верст не могли купить товаров и продуктов в других лавках, кроме хозяйских. Кроме того, в годы кризиса и депрессии множество лавок потребительских товариществ разорялись, на сцене появлялись различные темные дельцы, желавшие наловить рыбки в мутных волнах экономической разрухи. Администрация предприятий отказывалась выплачивать этим «дельцам» долги рабочих за полученные товары зачастую весьма сомнительного качества. Из столицы временами поступали циркуляры, неоднократно подтверждавшие губернским присутствиям и фабричным инспекторам порядок открытия при фабрично-заводских предприятиях потребительских лавок, а также о необходимости утверждения фабричными инспекторами такс на продаваемые товары.[207]

Поэтому В. И. Ленин в трудах рассматриваемого нами периода неоднократно отмечал, что кроме основной денежной формы выдачи заработной платы существовали еще две: оплата товарами из фабричных лавок и содержание рабочих на хозяйских харчах, причем в этом отношении для каждого промышленного района были характерны свои особенности. Наиболее архаичным видом выдачи заработка, более всего сохранившимся в текстильной, пищевкусовой, кожевенной, мыловаренной и салотопенной отраслях промышленности, являлось содержание на хозяйских харчах. Оно обрекало рабочего «на тысячи форм личной зависимости крепостнического характера».[208]

Этот же вид платы был доминирующим и для такой крупной категории наемного труда, как прислуга.

Выдача заработной платы товарами фабричных лавок также, по определению В. И. Ленина, ставила рабочих в крепостническую зависимость от хозяев и давала «сверхприбыль» хозяевам.[209] Даже 1905 год не совсем прекратил расплату хозяев с рабочими посредством продуктов. Так, московские рабочие в 1909 г. получали наличными 84.2% заработка, а остальную часть — продуктами и товарами из фабричных лавок. «Московским рабочим, —

---

[207] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 365, 1909. — Циркуляры по Отделу промышленности, л. 16.

[208] Ленин В. И. Язык цифр. Полн. собр. соч., т. 23, с. 432.

[209] Там же, с. 431—432.

писал В. И. Ленин, — придется добиваться расплаты наличными деньгами и бороться за замену фабричных лавок свободными рабочими потребительными обществами».[210]

Призыв В. И. Ленина бороться против крепостнической зависимости от хозяев относился не только к московским рабочим. Он призывал к борьбе рабочих всей России, так как по мере отдаления от столиц выдача заработной платы рабочим вместо денег товарами находила все большее распространение.

---

[210] Там же, с. 432.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало XX в. принесло трудящемуся населению России, особенно рабочему классу, тягчайшие бедствия. Промышленность страны в 1900—1903 гг. находилась в состоянии глубокого кризиса, а с его спадом на порогах рабочих лачуг после долгого времени безработицы и ухудшения экономического положения встала новая беда — русско-японская война.

Тяжелое экономическое положение рабочих и полицейский гнет не могли не способствовать революционизированию пролетариата и не подготовить почву для революционного взрыва. Созреванию революционного кризиса способствовали весьма суровые, особенно в 1900—1902 гг., условия труда.

Договор о найме и его реализация посредством существовавших на предприятиях «Правил внутреннего распорядка» и «Табеля взысканий» — вот что прежде всего определяло условия труда. В основе договоров о найме лежал закон 1886 г. о взаимоотношениях промышленников и рабочих. Ослабление фабричного режима наступило лишь после революции 1905—1907 гг. в результате революционной борьбы рабочего класса под руководством большевиков.

Условия и организация труда даже на самых крупных предприятиях страны были скверными: не соблюдались элементарные правила техники безопасности, что вызывало большое число несчастных случаев и профессиональных заболеваний, особенно в горной и металлообрабатывающей отраслях промышленности, на транспорте и на нефтяных промыслах. Об отсутствии на предприятиях правил об охране труда и практических мер по безопасности работ говорили на заседаниях и писали даже чиновники Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. Перелом в состоянии охраны труда наметился лишь в 1905 г., когда авангард рабочего класса — сознательные рабочие, борясь за осуществление программы-минимум большевистской партии, начали организовывать массовые стачки и демонстрации в знак протеста против гибели своих товарищей от несчастных

случаев на фабриках и заводах, шахтах, промыслах и т. д. В результате массового революционного движения 1912—1914 г. были изданы (19 февраля 1913 г.) «Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности».

Страхования рабочих от несчастных случаев до издания законов 1912 г. не существовало. Потерпевший увечье рабочий добивался возмещения через суд. С развитием промышленного производства стали возрастать случаи выдачи рабочим пособий, предприниматели предпочитали добровольно страховать своих рабочих в акционерных обществах. Тем не менее в 1900 г. общая сумма расходов предпринимателей на страхование рабочих составляла всего 0.6% к заработной плате, а на одного рабочего — 1 р. 15 к. в год. Издание и проведение в жизнь закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших от несчастных случаев рабочих явилось известным сдвигом в рабочем законодательстве царизма и историческим завоеванием рабочего класса. В частности, революционное движение рабочих России оказало значительное влияние на размеры страховых «убытков» предпринимателей. С 0.6% к заработной плате рабочих в 1900 г. они возросли до 1.1% в 1904—1910 гг. 23 июня 1912 г., наконец, увидели свет законы о страховании рабочих от несчастных случаев и об обеспечении на случаи болезни. Проведение страховой кампании совпало с массовым революционным подъемом в стране. Через большевистскую легальную рабочую печать — газеты «Звезда» и «Правда», журнал «Вопросы страхования» — большевики возглавили проведение страховой кампании.

Руководствуясь программой-минимум партии, утвержденной на II съезде РСДРП, большевики вели борьбу за улучшение медицинского обслуживания рабочих. Они возглавили борьбу за то, чтобы во главе лечебных учреждений стояли не предприниматели или земства, а организации рабочих, в частности, больничные кассы. Как в этом вопросе, так и в вопросах условий труда рабочие добились известных результатов. В то время как к 1912 г. среди фабрично-заводского пролетариата не получало никакой медицинской помощи лишь 16% общего числа, среди всего населения России этот процент достигал цифры 85—90. Стоимость лечения одного фабрично-заводского рабочего при удовлетворительной постановке дела обходилась в среднем от 4 р. 99 к. до 6 р. 68 к. в год, при неудовлетворительной — от 1 р. 24 к. до 4 р. 69 к. в год, в то время как на лечение всего населения России на одного человека в среднем тратилось всего 60 коп. в год.

Изучение условий быта рабочего класса России позволяет сделать следующие выводы.

Наряду с ростом номинальной заработной платы реальная из-за роста дороговизны и в период кризиса почти не возрастала. Между тем необходимо учитывать рост потребностей рабочих (на культурные расходы, транспорт и т. д.).

Командной статьей расходного бюджета рабочих являлся расход на питание (47—57% бюджета у семейных и 33—46% — у одиноких).

Уровень питания рабочих различных районов страны не был одинаков. По своему содержанию он зависел от величины приходного бюджета рабочих, состава семьи, местоположения данного предприятия (город или сельская местность), местных и национальных особенностей. Резко ухудшали питание неурожаи, недороды и фальсификация продовольственных товаров. Характер питания рабочих в целом был крайне скуден, и набор продуктов носил однообразный (в основном хлебный) характер, недостаточный для правильного и рационального питания. Отсюда высокий процент заболеваемости и смертности, особенно среди детей рабочих. Большевики, руководствуясь программой-минимум, возглавляли борьбу рабочих против выдачи заработной платы товарами, различных вычетов из заработков, требовали закрытия хозяйских лавочек, обсчитывавших рабочих.

Рассмотрение материала о жилищных условиях рабочих в крупнейших промышленных районах позволяет сделать вывод о крайнем неблагополучии в этом вопросе. Материалы главы показывают, что рабочие в 1900—1914 гг. вели самоотверженную борьбу за улучшение жилищных условий. Поэтому они выстояли в этой борьбе, и в ряде районов страны (Московский промышленный район, Бакинский, Харьковская губ. и др.) за 1900—1914 гг. отмечается некоторое улучшение жилищных условий.

Однако классики марксизма-ленинизма делают вывод о том, что жилищная нужда рабочего класса при капитализме, как и скверные жилища, — явление неизбежное, так как только современная крупная промышленность, порывающая всякую связь рабочих с землей, частной собственностью, создает класс свободных рабочих, способный совершить великий социальный переворот и упразднить всякую эксплуатацию человека человеком.

В рассматриваемый период в России, несмотря на политику затемнения сознания народа, проводимую царским правительством, среди рабочих, особенно пролетариата крупнейших промышленных центров, повышался уровень грамотности и общей культуры. В революционных боях с царизмом из них выковались кадры вожаков рабочего движения, профессиональных революционеров.

Борьба за улучшение условий труда и быта рабочих, как и экономического положения пролетариата в целом, являлась одной из движущих сил нарастания революционного движения. Партия большевиков учила пролетариат, что, несмотря на временные успехи, а тем более поражения, нельзя прекращать борьбу за улучшение своего положения. В проектах резолюций к V съезду РСДРП в феврале 1907 г. В. И. Ленин указывал, что

массовые экономические движения составляют основу подъема революционного движения.[1]

Однако не экономическая борьба и завоевание пролетариатом отдельных экономических уступок являлись целью революционного движения рабочего класса России. Как показали события Великого Октября, слившего воедино политическую и экономическую борьбу, главной целью революционного движения в стране являлось уничтожение капитализма, завоевание трудящимися политических прав, политической власти, построение социалистического общества.

---

[1] Ленин В. И. Проекты резолюций к пятому съезду РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 15, с. 8—9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава I. Условия труда рабочего класса России в 1900—1914 гг. 13
1. Договор о найме. Правила внутреннего распорядка . . 13
2. Условия производства и охрана труда 31
3. Производственный травматизм 44
4. Страхование рабочих 51
5. Медицинская помощь 65

Глава II. Условия быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. 78
1. Жилищные условия 78
а) Петербургский промышленный округ 85
б) Московский промышленный округ 99
в) Южный горнопромышленный район. Баку 109
г) Урал, Сибирь и Казахстан 119
2. Питание и снабжение 125

Заключение 139

Эльза Эдуардовна Крузе

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ В 1900—1914 гг.

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Г. Дагин
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Н. З. Петрова и С. И. Семиглазова

ИБ № 20049

Сдано в набор 17.09.80. Подписано к печати 02.03.81. М-22949. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 9=9 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.16. Тираж 2000. Изд. № 7702. Тип. зак. 1798. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12